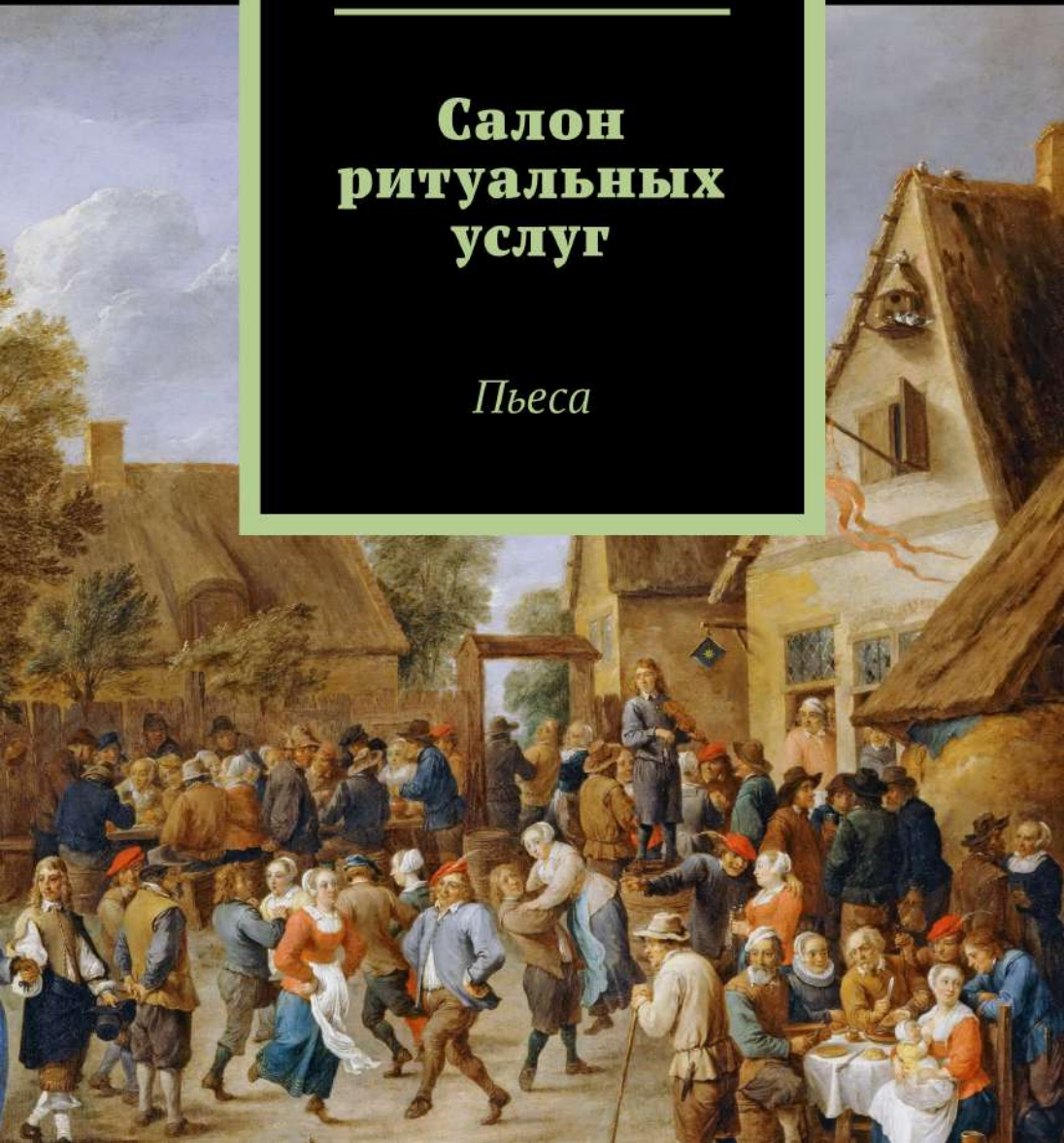

Глеб Нагорный

**Салон
ритуальных
услуг**

Пьеса

Глеб Нагорный

Салон ритуальных услуг

Пьеса

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
Н16

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Нагорный Глеб

Н16   Салон ритуальных услуг : Пьеса / Глеб Нагорный. — [б. м.] :
Издательские решения, 2020. — 156 с.
ISBN 978-5-4490-5958-1

«Смешно, грустно... Предельно сценично».

Валерия Шишкина, главный редактор литературно-философского журнала «Топос»

«Понравился жанр. Мало кто работает в трагифарсе. Право, читал и так после захотелось залезть в томик к М. Зощенко».

Юрий Бутунин, ведущий программы «Авторская ремарка»

«...обычно я не особо жалую сценический гротеск и буффонаду, но тут возникает какая-то атмосфера, и в ней что-то схватывается, крутится, вертится — короче, живёт».

Алексей Битов, театральный критик

УДК 82-3
ББК 84-4

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4490-5958-1

© Глеб Нагорный, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

САЛОН РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ	5
Действие первое	7
Сцена первая	7
Сцена вторая	11
Сцена третья	44
Действие второе	45
Сцена четвертая	45
Сцена пятая	113
ПОСЛЕСЛОВИЕ	117
Русский Хэллоуин — не бессмысленный, но беспощадный	117
Изюминки и безуминки в современной драматургии	126
Писатель — это стиль	133
Искусство призвано рождать, а не разрушать	140

САЛОН РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ

Пьеса в 2-х действиях

Кремация – процесс сжигания трупов.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семейство:

Папик (*Вадим Альбертович*) – усопший. Роль в гробу, в урне с пеплом и на фотографии с креповой лентой.

Мать (*Каролина Карловна*) – вдова. В черном. С серой душой. На руках перчатки с открытыми пальцами. На пальцах кольца.

Сестры:

Настенька – старшенькая дочь. Синий чулок. Душа цветная. Пальцы без колец. Тридцатник.

Лизон – младшенькая дочь. Розовый чулок. Душа блеклая. Кольца с пальцами. Двадцатник.

Братья:

Михаил – старшой. Молчун в уме. Сорокет. Дорого одет.

Борис – средний братец. Язык средней болтливости, ум такой же. 37. Прилично одет.

Глебушка – младшенький. Болтун без ума. 33. Нормально одет.

Сборище:

Адвокат (*Юрий Владимирович*) – деловитость, костюм, очки. Поджарый и бритый.

Партнер по бизнесу (*Роман Андреевич*) – деловитость в ко-

стюме. Без очков. Не поджарый и небритый.

Отец Сергей — деловой без костюма. Ряса, крест, скорбь. Со-
всем не поджарый. Линзы и борода с пухом.

Вспомогательный состав:

Болек (*Бенедикт*) — вытянутый охранник.

Лёлек (*Леонид*) — короткий охранник.

Светик (*Светик*) — округлая секретарша Папика.

Драматургические призраки:

Дядя Славик — жертва авиакатастрофы.

Исаак Иосифович — нотариус, жертва алчности.

Зойка — уборщица, повариха и прачка с Рублевки; жертва
обстоятельств.

Президент эР-эф — жертва России.

Жанна — подруга Светика, удачно выскочившая замуж
за Гонсалеса, владельца апельсиновых плантаций в Испании;
она же, как и Светик, жертва «плантаций» постсоветского про-
странства.

Гонсалес — просто жертва.

Шестеро неизвестных — жертвы автокатастрофы.

Байстрючонок — жертва, которая еще не знает, что она
жертва.

Прочие жертвы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ ОТПЕВАНИЕ

Сцена разделена занавесом на две части.

Авансцена.

Крематорий. Венки. Гроб. Звучит траурная музыка. Вокруг домовины собрались провожающие в последний путь Вадима Альбертовича.

*Отец Сергей напевно читает молитву. Вид у него серьезный, величавый. **Мать** подносит платок к сухим глазам. Рядом с ней два охранника в мешковатых костюмах с галстуками – **Болек** и **Лёлек**. **Глебушка** покачивается. Он пьян и икает. На его лице блуждает глупая улыбка. Глебушку с двух сторон поддерживают братья – **Михаил** и **Борис**. **Лизон** – в гламурном золотом спортивном костюме с траурными вставками по бокам – нервно переминается. **Партнер по бизнесу** стоит, скорбно склонив голову и скрестив руки на животе. На самом деле он любуется новыми лакированными туфлями, приподнимая то одну, то другую ногу. **Адвокат** прячет зевок в кулак. Плачет только **Настенька**.*

Отец Сергей (*помахивая кадилом*). Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго преставльшагося раба Твоего, брата нашего Вадима, яко Благ и Человеколюбец, отпускай грехи и потребляяй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная...

Михаил (*Глебушке, сквозь зубы*). Кончай икать!

Отец Сергей. ...избави его вечныя муки и огня геенскаго, и даруй ему причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящим Тя: аще бо и согреси, но не отступи

от Тебе, и несумненно во Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Тя в Троице славимаго, верова, и Единицу в Троицу и Троицу в Единстве православно даже до последняго своего издыхания исповеда.

Михаил (*Глебушке, громко*). Перестань икать, я сказал!

Отец Сергей. Темже милостив тому буди, и веру яже в Тя вместо дел вмени, и со святыми Твоими яко Щедр упокой: несть бо человека, иже поживет и не согрешит. Но Ты Един еси кроме всякаго греха, и правда Твоя правда во веки, и Ты еси Един Бог милостей и щедрот, и человеколюбия, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Михаил дает Глебушке мощный подзатыльник.

Глебушка. Кончай, я ж не специально.

Михаил. Урод, даже на похоронах родного отца напился!

Глебушка. А где еще пить?

Борис. Тише оба. Заканчивается уже.

Отец Сергей. А теперь, братия и сестры, проститесь с рабом Вадимом. И да упокоится его душа с миром.

Настенька. Папа, папка! (*Кидается на гроб*.)

Мать. Оттащите эту малахольную.

Михаил подходит к Настеньке.

Михаил. Насть, Насть, успокойся.

Настенька. Папка!

Мать (*оттесняя Настеньку*). Дай мне. (*Склоняется над гробом*.) Ну, что?.. (*Смотрит сверху вниз, потом на отца Сергея*.) Что говорить-то?

Отец Сергей. Попрощайтесь. В последний путь мужа провожаете.

Мать. А? Ну да. Пока, Вадик. Чтоб тебе, как говорится, земля пухом.

Глебушка. Мы в крематории.

Мать. Один чёрт. Извините, отец Сергей, не при вас.

Отец Сергей. Бывает, матушка... Вообще, Каролина Карловна, православие кремацию не приветствует, мы больше за ингумацию. Но поскольку это давнишняя просьба Вадима Альбертовича... Так я как бы и вашим, и нашим.

Мать. Спасибо за участие, батюшка... Собственно, вот, Вадик... Всё... *(Отходит.)*

К изголовью гроба по очереди подходят братья, прощаются. Глебушка наклоняется к гробу и застывает в неестественной позе. Михаил хлопывает его по плечу.

Михаил. Давай, брат... Эй! Чёрт! Он уснул!

Михаил и Борис оттаскивают Глебушку от гроба, хлопками по лицу приводят его в чувство.

Глебушка. А?!

Михаил. Что – а? Дома поспишь, алкаш! Выбрал место.

Лизон подходит к гробу.

Лизон *(поворачивается к Матери).* Это что значит? Совсем накрылся Куршевель на Новый год?

Мать *(шипит).* Молчи, дура. Дома поговорим. Прощайся давай быстрее.

Лизон *(обращаясь к усопшему).* ...это... ну ты давай... того... не скучай... Ой! Я чё-то не то сказала?!

Мать. Нормально всё.

Настенька снова бросается к гробу.

Настенька. Па-а-а-а-ап!

Мать. Оттащите ее! Хватит уже причитать!

Братья бросают Глебушку и кидаются к Настеньке. Она вырывается. Они силой оттаскивают ее в сторону. К гробу подходит Партнер по бизнесу – кладет руку на край гроба, пальцами отбивает легкую дробь.

Партнер по бизнесу. Дорогой Вадим. Мы прошли с тобой долгий и тяжелый путь. Но только благодаря тебе и только тебе мы добились столь превосходных результатов в нашем деле. Теперь, когда тебя нет с нами, мы все оплакиваем твою безвременную кончину. Без твоей мудрости, жизненного опыта и стойкой гражданской позиции нам всем будет нелегко. Но мы не посрамим твоего имени, мы будем помнить тебя всегда. До скончания наших дней, до последнего вдоха, до последнего толчка в наших сердцах. Спасибо тебе, Вадим. Спасибо, что был с нами, спасибо тебе за все. И да покойся с миром!

Глебушка. Спасибо тебе за наш бизнес, который стал моим. Да, Роман Андреевич?

Михаил. Не обращайтесь на него внимания. Он – пьян.

Партнер по бизнесу. Я вижу.

Глебушка (*пьяно помахивая пальцем*). Э, не...

Партнер по бизнесу уступает место Адвокату.

Адвокат (*подбирая слова*). Дорогой Вадим Альбертович! Вы были для нас светочем. Каждый миг, каждый час нахождения рядом с вами являлись для нас счастьем и благодатью как для меня лично, так и для всех ваших близких, ежеминутно находящихся в лучах вашей сияющей звезды. Вашего Солнца. Но вот зашло Солнце... и пропали созвездия, и исчезла Галактика... и вот наступила ночь... и не видно теперь ни зги во всей Вселенной... но память о вас, чувства... предания... они станут для нас факелом, сопровождающим нас по Млечному Пути, именуемому Жизнь...

Глебушка (*в сторону*). Крындец! Еще бы он для тебя, Юрасик, не факелом был, так ты из него искры в виде банкнот вы-

бивал.

Адвокат. Скорбим, Вадим Альбертович. Скорбим. Но что делать... что делать... такова жизнь... Я позабочусь...

Глебушка. Не сомневаемся.

Отец Сергей. Братия и сестры!..

Мать. Отец Сергей, достаточно... *(К остальным.)* Ну что, простились? Тогда пора...

Звучит скорбная музыка. Гроб с телом уплывает. Собравшиеся быстро покидают крематорий. В зале задерживается один Борис.

Борис *(радостно хлопая в ладони).* Сдох, скотина! Сдох! На-конец-то!

Борис выбегает за остальными.

Затемнение.

СЦЕНА ВТОРАЯ ПОМИНКИ

Занавес поднимается.

Особняк Вадима Альбертовича. Зал. Над ним нависает балкон второго этажа, к которому тянется лестница с перилами.

На обоих этажах висят картины: Пиромани, Кандинский, Шагал, Пикассо и проч. Между ними воткнуты охотничьи трофеи — панты, рога и оскаленные пасти с клыками. В зале, на полу, лежит шкура марала.

*Вперед вынесены кожаная мебель, стеклянный столик, жидкокристаллический телевизор и потрескивающий камин. На камине возвышаются фотография покойного с креповой лентой в рамке и урна с пеплом. В центре зала стоит накрытый гостиный стол. Вокруг него собрались **родственники** усопшего, а также **Адвокат, Партнер по бизнесу и отец Сергей.** У всех в руках рюмки с водкой.*

Михаил. Ну-с. Надо как-то...

Глебушка. Отметить.

Михаил. Заткнись. Надо сказать что-то. Вроде как положено. Сергей, может, ты?

Мать. Не надо.

Михаил. Так ведь положено. Слова хорошие. Отец как-никак.

Глебушка. Вот именно, как-никак.

Мать (*Глебушке*). Сейчас из-за стола выйдешь!

Глебушка. Я, Карловна, не в том возрасте, чтоб ты мне ука- зывала!

Михаил. Глеб, хватит! Надо сказать что-то.

Глебушка. Вот и скажи.

Михаил. Ком в горле. Я не знаю что. В первый раз ведь хо- роним.

Глебушка. А тебе бы папашкина десять раз на дню хоронить хотелось? Чтоб попривыкнуть?

Настенька. Ну можно хоть сегодня...

Лизон. А вот когда дядя Славик погиб, мы ничего не гово- рили.

Глебушка. Потому что и сказать было нечего. Его же после того, как вертолет взорвался, не нашли. Ни рожек, ни ножек. Да, Миша?

Михаил (*нервно*). А я тут при чем?

Глебушка. Да ни при чем. Ты всегда ни при чем. Собственно, и тут нам сказать нечего. Своего-то мы вообще сожгли. В печах крематория.

Лизон. Но ведь дядю Славика все равно погибшим призна- ли. И поминки были. Но не помню, чтоб мы там говорили что-то.

Глебушка. Что ты помнить-то могла, после ганджубаса свое- го? Сидела, дура, хихикала все поминки.

Мать. Дети, хватит! Надо помянуть!

Глебушка. Так помянь!

Мать. Сказать что-то надо. (*Обращается к Адвокату*.) Юрий Владимирович, давайте вы. Скажите. Ну как вы умеете. Как на суде.

Глебушка (*вытирает глаза*). Страшном. Адвокат дьявола.

Мать. Глеб!

Глебушка. Молчу, молчу.

Адвокат. Я вроде бы на похоронах все сказал.

Мать. Пожалуйста. Очень просим. Вы там про «предания» – красиво так... А то, видите, у нас как-то не получается.

Глебушка (*ёрничая*). В печали мы... Еще бы у нас получалось. Говорят-то о хорошем человеке, а у нас всеобщая ненависть. Родственный синдром, так сказать. Виноват, Карловна...

Адвокат. Насколько помню, на поминках обычно молча и не чокаясь.

Глебушка. Многих клиентов похоронил, Юрасик? Ночами не снятся?

Настенька начинает всхлипывать.

Глебушка. Во! Довели девку! Не переживай, Настурция, ща накатим, дальше пойдет как по маслу. Дележ наследства, взаимные обвинения. (*Ко всем.*) Все будет хорошо. Готовьтесь!

Мать. Про наследство позже.

Адвокат. После соответствующей процедуры.

Все. Какой это процедуры? (*Ставят поднятые рюмки на стол.*)

Адвокат. Наследство еще открыть надо.

Борис (*резко подаваясь вперед*). Что значит – открыть?

Адвокат. Так, как это законом регламентировано.

Мать. Поясните-ка, Юрий Владимирович.

Глебушка. О! Я же говорил! (*Поднимает рюмку, залпом выпивает и кивает в сторону фотографии усопшего, стоящей на камине.*) Спасибо тебе, папик, удружил.

Адвокат. Строго говоря, он тут ни при чем. Это требование закона.

Партнер по бизнесу. Так, а вот тут поподробней. (*Тоже выпивает.*)

За ним следуют остальные.

Глебушка. Ну что, между первой и второй? *(Берет початую бутылку водки.)*

Михаил. А... *(Безнадежно машет рукой.)* Наливай.

Глебушка *(напевая, разливает всем по рюмкам).*

Мы делили апельсин,
Много нас, а он один,
Эта долька — для ежа,
Эта долька — для стрижа,
Эта долька — для утят,
Эта долька — для котят,
Эта долька — для бобра,
А для волка — кожура.
Он сердит на нас — беда!
Разбегайтесь кто куда!

Мать. Перестань юродствовать!

Глебушка. Извини, Юрасик, тебе не хватило. Ща новую от-
крою. Айн момент. Для волка.

Борис. Давай быстрее.

Глебушка. Не терпится лекцию про наследственное право
послушать? *(Открывает новую бутылку водки, наливает Адвока-
ту.)* Ты этот предмет в Кембридже закашивал, что ли?

Борис. Я не на юрфаке, а на экономическом учился.

Глебушка. Много папашкиных денег наэкономил?

Борис. Не твое дело.

Глебушка. Ну да, ну да... Наше дело тебя из английских скот-
ланд-ярдов в невменяемом состоянии вытаскивать.

Борис. Ты вообще ничего не закончил. С трех факультетов
вытурили, даже папа помочь не смог.

Глебушка. Ничё. Рублевка — мои университеты. А дипломы
можно и в метро купить.

Борис. Что-то я тебя давно в метро не видел.

Глебушка. Что-то я тебя тоже. Майбах небось не влазит. Бо-

ковые зеркальца на эскалаторе застревают... И как ты только тогда уговорил себя до полицейского участка подвезти? В английском воронке.

Мать. Глеб, что ты говоришь такое? Не было этого. Какой полицейский участок?

Глебушка. Да? Не было? Забыла, как его повязали?.. Ширк-ширк в ноздри из стодолларовой купюры. Пряма на барной стойке. Его, наверное, музей мадам Тюссо сильно впечатлил. С Палатой Ужасов.

Мать (*хлопая ладонью по столу*). Я говорю, не было ничего такого. Ты выдумываешь.

Адвокат. Каролина Карловна? Я чего-то не знаю?

Глебушка. Да всего... Я тебе сейчас расскажу. Помнишь, наш Борюсик недавно в Швейцарию лечиться ездил? Типа в санаторий. Ты думаешь, он горлышко застудил или синусит подхватил? Не-е-е... Это у Боряйлы аденоиды выпадать начали. Он частенько флакончик «Санорина» с пакетиком кокса путал... А в Англии у него вообще крышу сорвало, вот его Миша и летал вызволять из лап правосудия. Мы тебе, Юрасик, звонили, кстати. Только ты вне «зоны» (*с упором*) как всегда был.

Борис. Мама! Скажи ему!

Мать (*Глебушке*). Ты все сочиняешь! Боря в Англию по делам летал. А Миша с охраной в это время просто в Шотландии был. Замок нам смотрел. Слишком много пьешь, у тебя в голове все перемешалось.

Глебушка. А я на вас вообще трезвый смотреть не могу. На охранников так вообще без слез не взглянешь. До сих пор по дому в юбках шастают.

За кулисами раздается протяжный вой волюнки. Все вздрагивают. Отец Сергей крестится.

Отец Сергей. Что сие?

Глебушка. Это некоторые в себя прийти не могут. Сотрясение одного мозга на двоих произошло.

Партнер по бизнесу. Послушайте, Глеб Вадимович, вы вроде бы тоже заинтересованы, чтобы про наследство узнать, а ведете себя как ребенок.

Партнер по бизнесу встает, расправляет затекшие мышцы, медленно прохаживается, рассматривает висящие на стенах картины, отходит и снова подходит. Задумчиво кивает головой, точно разговаривает сам с собой. Затем поднимается по лестнице наверх – разглядывает галерею картин на втором этаже.

Лизон (соглашаясь с Партнером по бизнесу). А он и есть ребенок.

Михаил. Недоросль он, а не ребенок.

Глебушка. Ага. Анфан террибль. Пьянь, дебошир и охальник. Что с меня взять-то? Младший брат. Дурачок.

Михаил. Давай уже, садись. Ду-ра-чок. Тут дело важное.

Отец Сергей (держит на излете вилку с рыбиной, обращается к Матери). Какое у вас замечательное серебро, однако же!

Мать. Николаевские.

Настенька. Фамильные, между прочим.

Глебушка. От папика папика папика.

Отец Сергей. В смысле?

Глебушка. От прадеда остались. Мы ж голубых кровей. Прямыми корнями в трон упираемся.

Отец Сергей (с удивлением). Странно. А я отчего-то полагал, что Вадим Альбертович исходом из брянских.

Борис. Забудьте.

Глебушка. Папик не так давно нам новую гинекологию вывел правил.

Отец Сергей. Вот даже как...

Партнер по бизнесу (перегибается через перила, обращается ко всем). Интересные работы. Не знал, что Вадик рисует. Только вот эти странные какие-то... с овцами и козами. Поместье какое-то? (Кивает на одну из работ.)

Настенька (вскидывая голову вверх). Это – Пиросмани! Ве-

ликий примитивист.

Все поднимают головы и смотрят на Партнера по бизнесу.

Партнер по бизнесу (*распрямляясь*). Да? Ну не знаю, по-детски как-то... И вот это... (*Делает пару шагов назад, склоняет голову, смотрит и так и этак, приближается, отходит.*) Не пойму. Лицо? Жопа?

Настенька. Роман Андреевич, вы что? Это же Пикассо!

Партнер по бизнесу. Да ну? Забавно. Целое состояние, наверное?

Борис. Еще бы!

Партнер по бизнесу. Как по мне, так муть какая-то. Хоть и Пикассо. А вот эта очень ничего. (*Показывает на огромную картину, любуется.*) Жизненно. Семейная пара. Вечернее платье, фрак. Со вкусом. Чувствуется, мастер владеет кистью. Только вот при чем тут лошадь рядом?

Настенька (*кричит вверх*). Это на заказ! Мама, папа и Миша в гусарской форме.

Лизон (*тоже кричит*). На Венском балу в Манеже!

Партнер по бизнесу. А... то-то я смотрю, черты знакомые. Так это не лошадь?

Михаил (*поперхнувшись*). Это неудачная работа!

Партнер по бизнесу. Тоже Пиросмани?

Настенька. Нет! Это из новых! (*С придыханием.*) Гений.

Партнер по бизнесу. Хорошо. Но если это не лошадь, то зачем тут седло? Тем более вы сами про манеж говорили.

Настенька. Это не седло! Миша к нам как бы влоборота повернут! Это левый эполет! Он символизирует преданность Отечеству!

Глебушка. Новый взгляд! Правый намеренно не показан – это преданность офшорам! Вы, Роман Андреевич, в какой стране живете? У нас по манежу уже давно не лошади скачут!

Партнер по бизнесу (*задумчиво*). У... Любил, конечно, Вадик деньги на всякую дрянь выбрасывать.

Борис. Это – вложения!

Партнер по бизнесу. Смотри во что... А это? *(Показывает на картину – по размеру не уступающую «Венскому балу в Манеже» и висящую в центре галереи.)* Воробей какой-то двуглавый. Или это утка? *(Трогает багет.)* В золотой раме.

Настенька. А вот это уже наш папа рисовал! Герб России!

Глебушка. Грачи прилетели!

Партнер по бизнесу. На заказ?

Настенька. Для души. Правда, здорово? У него много вариантов в мастерской висит. Эта просто самая любимая.

Глебушка. Поэтому он ее рядом с Пикассо и повесил. Я и Пабло. Инсталляция «Русские голуби мира»!

Мать. Да вы спускайтесь, Роман Андреевич, так очень тяжело общаться!

Партнер по бизнесу. А, этого... как его бишь... Ну, который нефтяные скважины рисовал?

Настенька. Малевича? К сожалению, нет.

Партнер по бизнесу. Жаль. Я бы приобрел.

Глебушка. Не переживайте, здесь всё – черный квадрат. *(Обводит круговым движением руки интерьер особняка и присутствующих.)* В том числе и «Грачи». Можете забирать.

Партнер по бизнесу *(спускается, в задумчивости покачивает головой, возвращается на свое место, копошится вилкой в салате).* Свежо, свежо... Оказывается, я Вадика-то и не знал толком. Надо же. Как бы художник, как бы коллекционер... А вообще, знаете... Гений, Настенька, говорите? А координаты у вас этого гения с новым взглядом есть? Я б себе тоже что-нибудь в этом роде заказал. Правда, у меня семьи нет. Но ведь можно, наверное, что-нибудь в этом духе? В полный рост, например. Аксельбанты там какие-нибудь, скромные.

Глебушка. В полный рост – это из гранита. На кладбище, от братвы. Аксельбанты мы поднесем.

Партнер по бизнесу. Глеб Вадимович, вы забываетесь. Если бы не мое уважение к вашему отцу...

Глебушка. Ну, всю Россию в асфальт не закатаешь, Роман Ан-

дреевич.

Настенька. Как, Роман Андреевич, вы не знаете этого художника?

Партнер по бизнесу. Настенька, я примитивный человек. Я нефть коллекционирую.

Глебушка. И скорлупой от Фаберже закусываю. Да?

Партнер по бизнесу (*игнорируя Глебушку*). Так что, Настенька, сосватаете мне этого портретиста?

Настенька. Обязательно, Роман Андреевич. Вам сейчас?

Партнер по бизнесу. Да нет, Настенька, после... как-нибудь...

Глебушка. Очень это по-деловому «да-нет» на поставленные вопросы отвечать. Вы подписывали этот контракт? «Да-нет». Вы голосовали за нового президента, который нам этот райский ад устроил? «Да-нет». Так вы «за» или «против»? А то мы что-то не можем вашу позицию разобрать. «Да-нет». Вообще странно, я думал, мы по другому поводу собрались. Помянуть, а не в искусствоведов играть. А, Карловна, или я не прав? Отца семейства вроде поминаем, или я что-то не догоняю по младости ногтей? В смысле, с пьяных глаз... Да? Нет?

Мать (*быстро*). Конечно. Мы и вправду отвлеклись. Давайте. Как Юрий Владимирович говорил – молча и не чокаясь. (*Выпивает, машет ладонью перед открытым ртом.*) Уф... (*Официально.*) Юрий Владимирович, слушаем вас. Вни-ма-тель-но... Глеб, заткнись.

Глебушка. Да ради Бога. Простите, отец Сергей, язык не подадите? Оскоромлюсь с вашего позволения. Ага. Да, да. Нет, нет. Спасибо, и майонезик.

Михаил (*сквозь зубы*). Кончай жрать в такое время.

Глебушка. А в какое – такое? Самое время. Поминки, закуска, родственнички, поп, адвокат, друг по игре в монополию. Роман Андреевич, не считите за труд – там семга и икорка около вас. Впрочем, где им еще быть.

Борис (*зло*). Дайте ему уже лохань какую-нибудь, пусть жрет!

Мать. Боренька, успокойся. Держи себя в руках. Юрий Владимирович, пожалуйста...

Глебушка (*наваливаясь на семгу*). По-жа-луй-ста... А то мы очень убиваемся из-за смерти кровиночки нашей.

Михаил (*Глебушке*). Еще слово, и я тебя урою.

Глебушка. Как дядю Славика? На Алтае? Хлоп, и нет вертолётника. Только ополоумевшие маралы по горам бегают. (*Напеваем.*) А о-о-бла-а-ка-а, бе-ло-гри-и-вы-е лан-дша-а-фты-ы.

Адвокат. Простите?

Мать. Не обращайтесь на него внимания. Так что там про «открытие наследства»?..

Адвокат. Можно я в процессе, так сказать? А то весь день на ногах. С утра не ел.

Мать. Да, да, конечно.

Все едят и пьют.

Глебушка. Не вздумайте чокаться. А то воскреснет, не ровен час. Плакало ваше наследство тогда.

Настенька. Ну почему ты такой? Откуда в тебе столько ненависти? Что он тебе сделал?

Глебушка. Ничего, Настурция. Ничего он мне не сделал. Вообще. Вот поэтому... Тебе поподробней? С детства начать? Отрочества? Юности? Это ты там в своих классиках доморощенных сидишь, в достоевщине и горьковщине этой, вот и сиди... читай, мусоль страницы. С Данко, вырывающим сердце, и прочими киборгами... А мы тут – в реальности. С акциями и киллерами. Прости, Мишаня, не хотел... Это тебе не сердце вырвать, тут до кишок пробирает.

Адвокат. Михаил?

Михаил. Да, Владимирыч.

Адвокат. Мне кажется или?.. Или Глеб Вадимович на что-то намекает, чего я не знаю. Я все-таки ваш семейный адвокат.

Михаил (*набычившись*). Адвокат или прокурор?

Адвокат. Понимаете, мне бы просто не хотелось, чтобы потом всплыли некие неучтенные нами обстоятельства, а мы бы оказались не готовы к защите.

Глебушка. Мы тебя обязательно во все обстоятельства посвятим. Потом. Опосля.

Адвокат. Просто странно, я ваш адвокат, а узнаю...

Михаил (*нервно*). Это все домыслы Глеба! Я к этому не причастен.

Глебушка (*жует*). Ага... Как же, домыслы.

Адвокат. Как угодно, конечно. Но мне бы хотелось прояснить ситуацию. А то как-то... я все время обо всем последний узнаю.

Глебушка. Это нормально. Хороший адвокат должен быть в неведении. Тогда защита лучше строится. Главное, вначале адвокату лапшу на уши повесить. А уж потом он ее присяжным вешает. Переходящее знамя лжи. Ушной серпантин.

Адвокат. Каролина Карловна, может, вы проясните ситуацию? Мне бы все-таки хотелось некоторой ясности, что ли.

Мать. Юрий Владимирович, не отвлекайтесь. Будет вам ясность. Некоторая... Вы еще не поели? А то мы ждем вас. Нет? Тогда, попробуйте, пожалуйста, фаршированную голову щучки.

Глебушка (*показывая на рыло кабана, висящее на стене*). Лучше свины.

Мать. Извините его, Юрий Владимирович. Вы ж знаете, он язык за зубами держать не умеет.

Михаил. Вот именно. Такой язык неплохо бы отрезать и в холодец закатать.

Глебушка (*смеется*). Отравиться не боишься? (*Высовывает язык изо рта, испускает дух, словно удавленник.*) А-а-кхе-кхе...

Михаил. Тебе семь собак поставь – всех перелаешь.

Глебушка. Вас перелаешь, как же. С вами только одним методом бороться можно. Собаколовами. С электрошокерами.

Настенька. Мерзавец! Когда же ты замолчишь?!

Глебушка. Синий чулок с перекошенным швом! Не буянь. Возьми вон какое-нибудь «Преступление и наказание» и захлопнись в своем книжном чулане. А еще лучше «Гамлета» полистай – там вообще вседохнут.

Настенька. Хоть бы Шекспира не трогал!

Глебушка. Его тронешь, как же.

Лизон. Ну ко-ро-че... Заманали уже все. Чё там с бабками?

Глебушка. Во! Деловой подход, Лизон. Уважауха и респект. Чувствуются папашкины гены. Давай, Юрасик, вещай! Кому из нас яхта, а кому – кормовая часть.

Мать. Мишенька, разлей, пожалуйста.

Михаил разливает.

Мать. Ну-с?

Все поднимаются с рюмками в руках. Молча выпивают.

Глебушка. Шоб усе там были!

Партнер по бизнесу начинает кашлять.

Глебушка. Привыкайте, Роман Андреевич. Вы нас еще плохо знаете.

Мать. Юрий Владимирович? *(Жестко.)* Поели? *(Адвокат кивает.)* Вам слово.

Глебушка. Попросим, господа, попросим! *(Аплодирует.)* Пьеса «Дележка».

Михаил *(поднимается, поправляет галстук, поворачивается к Глебушке).* За-а-а-аткни-и-исссь!

Глебушка. Ёптить! Кто чувака с мегафоном пустил?

Настенька. Ну по-жа-луй-ста...

Глебушка. Хрен с вами... Отец Сергей, что вы там чавкаете все время? Чавкать в притоне... в смысле в приходе будете, с маленькими мальчиками.

Отец Сергей *(не отрываясь от тарелки).* К православию сие не имеет никакого отношения. Это к католическим прихвостням, веру в Бога нашего испоганившим.

Глебушка. Да ну брось ты, все вы одинаковые. Креста на вас негде ставить.

Отец Сергей. Вот на Соборе...

Глебушка *(перебивая).* Хрен, говорю, батюшка, подайте... Се-

рег, ну дай тарелку, чё ты, как при голодоморе, нажраться не можешь.

Отец Сергей передает соусницу.

Глебушка (*принимая соусницу*). Спасибо, храни тебя Дева Мария и младенец Иисус.

Отец Сергей. И тебя, сын мой.

Глебушка (*через стол лезет к отцу Сергею обниматься*). Папаня воскрес! Воистину! Верую!

Михаил молча хватается Глебушку за плечи. Встряхивает. Сажает на место.

Адвокат. Я начну?

Мать. Да! Пора бы уже!

Михаил (*держит перед лицом Глебушки кулак; Адвокату*). Начинай.

Адвокат встает из-за стола. Поправляет костюм, важно прохаживается.

Глебушка (*восторженно*). Хорош! (*И тут же получает в нос от Михаила*). Отвали!

Михаил (*садится на свое место*). Сиди тихо! Я предупредил.

Адвокат (*чеканя шаг*). Законодательство Российской Федерации предусматривает...

Глебушка (*потирая нос*). Восемь лет с конфискацией! (*Михаил вскакивает*.) Все, Мишань, молчу. Пять условно. (*Завязывает рот пальцами на невидимый замок*.)

Адвокат. Так вот, законодательство Российской Федерации, а в частности, часть третья, раздела пятого Гражданского Кодекса Российской Федерации...

Глебушка. Как-то ты на Российской Федерации сильно зациклился, можно по существу? А то мне это Совет Федерации

Федерального Собрания Российской Федерации напоминает. Масло масляное.

Лизон. Это еще чё за фигня?

Глебушка. Это здание такое – на Большой Дмитровке. Очень элитарный крематорий напоминает. Роману Андреевичу должно быть хорошо знакомо. А, Роман Андреевич?

Михаил. Глеб!

Глебушка. Слушаюсь и повинуюсь!

Мать. Да, Юрий Владимирович, если можно, без Российской Федерации. Пожалуйста.

Глебушка. А то нас от нее мутит. Миша, заметь, я ничего особенного не сказал.

Михаил. На вот... *(Наливает в фужер водку, силой вставляет ему в руку.)*

Глебушка. Другой разговор. *(Встает, поднимает фужер.)* Ну, за Родину! Молча. Не чокаясь. *(Выпивает, закусывает.)*

Борис. Угомонись уже!

Глебушка *(плавно садится).* Ок.

Адвокат. Так вот. В соответствии со Статьей 1111...

Лизон. Класс!

Адвокат *(удивленно).* Простите? Что – класс?

Лизон. Ну эти, единички.

Глебушка. На блатной номер козырного катафалка просятя.

Борис *(Михаилу).* Плесни ему еще.

Михаил *(наливает в фужер).* Пей.

Глебушка. Без вас не буду. Вы ж моя кровиночка. Наркоманы, киллеры, адвокаты. Если пить, то всем вместе.

Мать. Ну что с ним делать! *(Михаилу.)* Налей всем тогда уж.

Михаил снова разливает.

Глебушка *(Матери; мистическим голосом).* На Алтай меня, Карловна! На Алтай! К маралам – в горы, в снега. И поглубже. *(Встает.)* А теперь предлагаю выпить за курорты!

Мать. Глеб, не порти поминки наконец!

Глебушка. Интересно, а как их *еще* испортить можно?

Михаил. Например, голову кому-нибудь отрезать.

Глебушка. О, я погляжу, у старшего чувство юмора прорезалось.

Михаил. Ты еще не знаешь, *как* я шутить умею.

Глебушка. Дядя Славик уже узнал, ему хватило. *(Выпивает второй фужер.)* Ух! Ну, Юрасик, *(нетрезво машет рукой)* давай лицедействуй!

Адвокат. Каролина Карловна, если меня постоянно будут перебивать...

Мать. Юрий Владимирович, потерпите, скоро уже не будут. Я его знаю.

Глебушка *(пьяновато)*. Э... не... всю федерацию не напоишь... гри, авокадо!

Адвокат *(откашливаясь)*. В соответствии со статьей... иными словами, наследование осуществляется по закону и по завещанию.

Лизон. Ну, это даже я знала.

Глебушка. Во! В семье юрист родился. Предлагаю отметить это событие минутой молчания и залакировать! *(Встает, опускает голову.)* Михаил! *(Щелкает пальцами, как официанту.)* Беленькой, с росой!

Михаил. Сам нальешь.

Глебушка. Слушай, Юрасик, чему тебя на твоём юрфаке вообще учили, если у нас это даже Лизон знает?

Мать. Дальше, Юрий Владимирович, дальше. Не обращайтесь на него внимания. Он просто пьян.

Глебушка. Да, Юрасик, продолжай. Мы все затаили дыхание и потираем ручки в преддверии, так сказать, дележа... *(Трет ладони, хватая бутылку водки, наливает себе в фужер.)*

Адвокат. Ну вот... В соответствии с Гражданским Кодексом наследники по закону призываются к наследованию в порядке очередности...

Глебушка. Российской Федерации...

Адвокат. А?

Глебушка. Гражданским Кодексом Российской Федерации. А то мы решим, что ты на западную разведку работаешь.

Адвокат. Я? На разведку?

Глебушка. Почему нет? Нормально платят небось. Или тоже во время кризиса экономят? На шпионах.

Адвокат. Что вы говорите такое, Глеб Вадимович? Я, и на разведку. Я присягу давал, между прочим! Чтить! Конституцию, Кодекс профессиональной этики адвоката!

Глебушка. эР-эф, надеюсь?

Адвокат. Да, эР-эф!

Глебушка. А, ну тогда я за наших шпионов спокоен.

Борис. Юра, что вы с ним разговариваете?! Он же большой на всю голову.

Глебушка. Я на всю федерацию больной. *(Выпивает.)*

Адвокат *(Глебушке).* Я могу продолжить?

Глебушка. Давай, авокадо, продолжай.

Адвокат. Каролина Карловна, я бы попросил оградить меня в вашем доме от оскорблений...

Глебушка *(Борису).* И синусита... Да, Боряйла?

Мать. Все, мое терпение лопнуло! Еще одно слово, Глеб, и я позову охрану.

Глебушка. Зови! Мы на троих накатим.

Мать. Я предупредила.

Борис. Давно пора, мама!

Мать. Юрий Владимирович...

Адвокат. Ну, если Глеб Вадимович не будет нам мешать... *(Смотрит на Глебушку, тот молча ему подмигивает.)* Значит, ситуация следующая. Как я говорил ранее, наследники по закону призываются к наследованию в порядке очередности... Наследники каждой последующей очереди наследуют, если нет наследников предшествующих очередей, то есть если наследники предшествующих очередей отсутствуют, либо никто из них не имеет права наследовать, либо все они отстранены от наследства, либо лишены наследства, либо никто из них не принял наследства, либо все они отказались от наследства.

Всего существует семь очередей...

Лизон. Бли-ин! Я запуталась!

Глебушка. А ты думала. Это тебе не в бутик съездить или в Милан на выходные слетать. Принятие наследства – дело тонкое и хлопотное. Вот если мы очередь с утра займем...

Адвокат. Каролина Карловна...

Мать. Лёнчик! Бенья!

В зал вваливаются два охранника. На них шотландские килты с пряжками и ремешками, вязаные белые гольфы до колена и береты с лентами. Один из них держит вольнку.

Глебушка. Во, наши дудочки явились. Поддув! Вентиляция! Свежесть!

Лёлек. Слушаем вас, Каролина Карловна.

Мать (*показывает на Глебушку*). Выведите его отсюда.

Охранники направляются к Глебушке.

Болек (*поправляя вольнку*). Come on, Глеб Вадимович.

Глебушка. Карловна, ты чего? Я же по делу высказался.

Мать. Я тебя предупреждала.

Глебушка. Но я тоже послушать хочу. Э, Юрасик, что там у нас с недопущением к наследству?

Мать. Либо ты молчишь, либо тебя уведят.

Глебушка. Молчу. (*Охранникам.*) Расслабьтесь, ребята.

Мать. Свободны, мальчики.

Болек и Лёлек уходят.

Партнер по бизнесу (*провожая охранников взглядом*). М-да. Впечатляет. Это ж до какого состояния себя надо довести, чтобы юбку напялить.

Глебушка (*пожимая плечами*). Шотландия – страна чудес. (*Пауза.*) И непуганых олигархов, кстати. Возьмите себе на за-

метку.

Партнер по бизнесу. Зачем это?

Глебушка. Пригодиться может. Кто вас там пасущегося на лугах искать будет? Да еще в юбке?

Партнер по бизнесу. Ерунду говорите, Глеб Вадимович.

Борис (Адвокату). Так что там с очередями? У нас людей столько нет, чтоб в семи очередях стоять.

Адвокат. Могу вас обрадовать. Вы все в одной. В первой.

Михаил. А кто за кем?

Адвокат. Наследники по закону, а именно дети, супруг и родители наследодателя, наследуют в равных долях. А значит, выражаясь бытовым языком, все стоят вместе.

Глебушка (поднимая палец вверх). Хорошо не сидят... (Осекается.) Понял, понял, Карловна. Ладно, я по делу. (Набрасывается на Адвоката.) Так что ж ты нам тут про семь очередей впаривал?

Мать. Да, Юрий Владимирович.

Адвокат (замешкавшись). Я привык скрупулезно подходить к поставленным вопросам. Иначе не был бы адвокатом вашего покойного супруга и батюшки.

Мать. Юрий Владимирович, мы вас очень уважаем, поверьте, но нельзя ли как-нибудь поконкретней? К нам остальные очереди как-нибудь относятся?

Адвокат. Полагаю, что нет. Поскольку наследники последующих очередей наследуют, когда нет наследников первой очереди. Скажем, наследниками второй очереди по закону являются полнородные и неполнородные братья и сестры наследодателя, его дедушка и бабушка как со стороны отца, так и со стороны матери. А вот наследниками третьей очереди, если нет наследников первой и второй очереди, являются полнородные и неполнородные братья и сестры родителей наследодателя. Дяди и тети наследодателя...

Лизон. Жест! Ни фига не понятно!

Отец Сергей. Братия и сестры! (Тянется к бутылке.)

Глебушка. Одобряю! Серег, не возжелай рюмки ближнего своего. И мне плесни... Христа ради.

Лизон. Что-то я не догоняю. Как это — «неполнородные братья»?

Глебушка. Это как мы. Как бы родные.

Адвокат. Нет, Глеб Вадимович, «неполнородные» — это...

Мать. Подождите, Юрий Владимирович. Не надо. Мы уже все поняли, что дальше безумие начнется. Еще несколько очередей я не выдержу. Давайте к первой вернемся.

Адвокат. Ну если по делу... поскольку у Вадима Альбертовича родители давно скончались, то вы по закону должны были бы наследовать в равных долях.

Глебушка. Нам еще тут бабушки с дедушкой не хватало.

Мать. Леонид! Бенедикт!

*Входят **Болек** и **Лёлек**.*

Глебушка (*кивает на Адвоката*). Выведите его отсюда.

Болек. Sorry, Каролина Карловна?

Мать. Ладно, свободны...

***Болек** и **Лёлек** уходят.*

Мать (*Адвокату*). Я ослышалась или вы сказали «должны были бы»?

Михаил. Да, кстати?

Борис. Кстати, да.

Пауза. Все смотрят на Адвоката.

Адвокат. Дело в том, что Вадим Альбертович неделю тому назад составил завещание.

Пауза.

Глебушка. Сожгите меня!

Михаил. Как завещание?!

Мать. А я почему не знаю?

Борис. Юра, мы же договаривались!

Партнер по бизнесу (*откидываясь на спинку стула*). Так, так... Это уже интересно.

Лизон. То есть... он как угодно поделить мог? Наследство типа?

Глебушка. Лизон! Отлично информацию перевариваешь. (*Настеньке.*) Тень отца Гамлета живет всех живых.

Настенька (*обращается к фотографии с креповой лентой*). Папа?!

Мать (*Борису*). О чем это вы договаривались?!

Борис. Так, ни о чем...

Мать. Как это ни о чем?! Я же слышала! Что это вы за нашими спинами за переговоры переговариваете?! Юрий Владимирович?!

Глебушка. О, началось! Сергунь, плесни пять капель. Для сугреву. Во спасение душ наших.

Адвокат. Вы не так поняли, Каролина Карловна.

Мать. Все я так поняла! Вы нас облапошить собирались! Борис?

Михаил (*хрустя пальцами*). Можно я?

Борис. Мама... Миша...

Мать. Он тебе информацию сливал, что ли?

Адвокат. Каролина Карловна, да как вы...

Мать. Что — как? Что это за договоренности? Леонид! Бенедикт!

Входят Болек и Лёлек.

Болек и Лёлек (*хором*). Something wrong?

Мать. Вот этого вот. (*Показывает на Адвоката.*) Потолкуйте с ним.

Болек. No problems, Каролина Карловна. (*Подходят к Адвокату, берут его под руки.*) Это мы завсегда.

Глебушка (*хлопая в ладони*). Началось!

Михаил. Э-э... так мы вообще никогда ничего не узнаем. Ма, дай я. Я — аккуратно.

Болек и Лёлек в замешательстве.

Адвокат (*быстро-быстро*). Каролина Карловна, я вам сейчас все объясню.

Мать. Попытайтесь. Отпустите его. Ну? Я вас слушаю!

Адвокат. Дело в том, что ваш сын, Борис...

Мать. Я знаю, чей он сын. Дальше!

Адвокат. Он просил меня, чтобы на случай, если Вадим Альбертович захочет завещание составить, ну, чтоб я его проинформировал в некотором роде.

Глебушка. За некоторую мзду... так?

Мать. Это еще зачем?

Адвокат (*смотрит на Бориса, тот в страхе таращит глаза и мелко трясет башкой*). Ну просто...

Борис (*мямлит*). Mam, ну я хотел, чтоб во всеоружии, так сказать...

Мать. Для чего?

Борис (*заикаясь*). Чтоб во всеоружии...

Мать. Я прекрасно слышу! Зачем?!

Борис. Просто... вот...

Мать. В нашем деле просто не бывает! Жду ответа!

Борис. Я тебя проинформировать хотел, если что не так...

Мать. Так что ж не проинформировал?!

Борис. Так я и не знал! Мне Юра ничего не передавал.

Мать. Так... (*Адвокату*). Почему не проинформировали моего сына?

Адвокат. Так ведь тайна. Адвокатская.

Мать. Так вы же договаривались!

Адвокат (*не выдержав*). Так он и не заплатил!

Мать. Ну все понятно...

Болек. Большие sorry, конечно. Но чё нам делать, Каролина Карловна?

Мать. Вы еще здесь? Пошли вон! Я на вас, олигофренов, смотреть не могу!

Болек и Лёлек, понуро опустив головы, уходят. Болек дудит в волюнку.

Глебушка (*подходит к Адвокату, похлопывает его по плечу*). Классный у нас семейный адвокат. Не продажный, честный. Чё там в вашем кодексе пишут? (*Направляется к камину, подхватывает серебристую кочергу*.)

Адвокат. Бес попутал.

Отец Сергей (*тянется к жратве, по ходу утаскивает «фамильного» серебра ложечку*). Покайтесь...

Адвокат. Ну так я ведь и не сказал ничего, с другой стороны...

Глебушка. Ну а совесть там... Честь и достоинство. Профессиональная этика. Как, не крикают? (*Похлопывает себя кочергой по ладони*.)

Мать. Глеб, ты за старое?.. Итак, Юрий Владимирович. Что там с этим завещанием?.. Чёрт тебя побори! (*Обращается к фотографии с креповой лентой*.) Живой был – жизни никому не давал, так еще и после смерти всем покоя из-за него нет!

Отец Сергей. Побойтесь Бога, Каролина Карловна!

Партнер по бизнесу. О покойнике или хорошо, или ничего.

Мать. Ой, сидите вы там оба, честное слово! Вас еще не хватало! Так что там с завещанием? Как оно вообще появилось? Его же нотариус вроде бы заверяет.

Адвокат (*боязливо кивает в сторону ушедших охранников*). А вы их не позовете?

Мать. Смотря на содержание, которое вы нам тут изложите.

Адвокат. Можно я тогда... (*Подбегает к столу, наливает рюмку водки, залпом выпивает*.)

Глебушка. Чувствую, мы скоро наших Чука и Гека увидим. (*Начинает размахивать кочергой в разные стороны*.)

Лизон. Давайте уже скорее. Сколько можно резину тянуть.

Настенька. Боже, какие же вы все звери!

Мать. Глохни, рыба!

Настенька (*вскакивает, направляется к камину, разворачивает фотографию Папика лицом к стене*). Я не могу, чтобы папа видел этот позор!

Мать. Поверни обратно! Я сказала, поверни! Пусть видит, что натворил!

Настенька неохотно подчиняется, разворачивает фотографию, но ставит ее немного боком.

Адвокат. Я еще одну, можно? (*Быстро наливает, выпивает и отбегает подальше от остальных.*) Тут такое дело. В общем... завещание закрытое. (*Пятится назад.*)

Братья (*хором*). Это еще что за хрень?

Мать (*орет*). Ле-о-о-ни-ид!

Влетают Боек и Лёлек. Юбки-килты на них развеваются.

Адвокат (*быстро*). Я постараюсь объяснить. Только вы меня не перебивайте, если можно...

Мать. Точно?

Адвокат (*быстрее быстрого*). Да, да...

Мать (*охранникам*). Свободны.

Боек. Это – welcome. Это – пожалуйста.

Боек и Лёлек уходят.

Адвокат. Неделю назад Вадим Альбертович вызвал меня к себе в больницу. Он тогда очень плохо себя чувствовал.

Мать. Мы в курсе. Ближе к делу!

Адвокат. Ну вот... А я, значит, после процесса только... Моего подзащитного неправомерно осудили за уход от налогов. Девять лет колонии общего режима дали.

Партнер по бизнесу (*заметно вздрагивает*). Сколько? Де-

вять?

Адвокат. Заказное дело. Мы уже обжаловали.

Глебушка. Толку-то. Делиться надо. *(Замахивается кочергой; делает вид, что играет в гольф.)* Вас, Роман Андреевич, это тоже непосредственным образом касается. А то они вначале в гольф все вместе играют, а потом проигравшие у них в лунках сидят. Дистанционная дружба типа.

Партнер по бизнесу начинает нервно накладывать в тарелку все без разбора.

Глебушка. Наедайтесь впрок. Там, говорят, фуршеты не ахти.

Адвокат. Мы надеемся на справедливый процесс. Задействовали СМИ.

Глебушка. Это вы зря сделали. Еще добавят годков «адцать», с конфискацией. *(Цитирует Островского.)* Ибо — «упадает чиновничество»...

Мать. Юрий Вла-а-адимирыч, можно без ваших отступлений? Я вас умоляю просто.

Адвокат. Простите... Ну вот, а Вадим Альбертович, он болел...

Мать. Да вы что, издеваетесь?! Мы знаем, что он болел! *(Машет рукой в сторону фотографии с креповой лентой.)* Не болел бы, мы бы тут не сидели!

Адвокат. А, ну да... ну так вот... а по закону есть такое понятие как «закрытое завещание».

Глебушка. Задрал уже, авокадо! *(Зовет охранников.)* То-о-о-м! Дже-е-рри! *(Оказывается позади Адвоката, замахивается кочергой.)*

Никто не выходит. Лизон прыскает.

Михаил (Борису). Как он дела выигрывает в судах? Ума не приложу.

Борис. Он же сам только что сказал, что проигрывает.

Мать. Так, быстро заткнулись все! Дальше!

Адвокат. Статья тысяча...

Мать. Без статей!

Адвокат (*растерянно разводит руками*). Но без статей нельзя.

Мать. Хорошо, без цифр тогда!

Глебушка. Я знаю, он судей измором берет. (*Делает вид, что бьет Адвоката кочергой по затылку*)

Лизон смеется в голос.

Мать (*Адвокату*). Вы родите, наконец, что-нибудь дельное?!

Глебушка. Жабу, например, или выхухоль.

Адвокат. Я стараюсь.

Глебушка. Поднатужьтесь. Сейчас родится юридическая чувырла.

Мать. Леони-и-и...

Высовывается голова Лёлека. Над ним нависает башка Боллека.

Болек (*вытаскивая хобот волынки изо рта*). Yes, Мам?

Мать (*безнадежно машет рукой*). А, ладно...

Михаил (*Адвокату*). Соберитесь уже, наконец!

Адвокат. Я пытаюсь... Дело в том, что законодатель предусматривает право завещателю совершить закрытое завещание.

Глебушка. Роды закончились выкидышем.

Борис. Мы, по-моему, с чего начали, тем и закончили.

Михаил. Ну и с чем его едят, завещание это?

Глебушка. С самим завещателем, надо полагать.

Мать. Юрий Владимирович, вы — идиот? Вы смерти нашей хотите?

Глебушка. Как знать, может, и хочет. Вдруг ему по этому завещанию все после нашей смертушки и обломится.

Адвокат. Глеб Вадимович, ну как вы можете... Понимаете, смысл этого завещания, он как раз в названии и кроется. Оно — закрытое.

Лизон. Ну и чё, так откройте!

Адвокат. Объясняю подробнее.

Глебушка. Пипец, мы попали. *(Играет в гольф.)*

Мать. Ладно, слушаем... Глеб! Поставь, наконец, эту кочергу на место!

Глебушка *(плаксиво)*. Я еще не со всеми мальчиками в гольф поиграл. Не все мячики в лунки забил.

Мать. Поставь, я сказала!

Глебушка возвращается к камину, нехотя ставит кочергу на место.

Мать. Юрий Владимирович... в сотый раз... итак?

Адвокат. Дело в том, что завещатель имеет право совершить завещание, не предоставляя при этом другим лицам возможности ознакомиться с его содержанием... В том числе и нотариусу.

Партнер по бизнесу. Как же его заверяют в таком случае?

Адвокат. При свидетелях. Понимаете ли, есть определенная процедура. Завещатель собственноручно пишет завещание, подписывает и в заклеенном конверте передает нотариусу в присутствии двух свидетелей, которые на конверте ставят свои подписи. Этот конверт в свою очередь тоже запечатывается в присутствии свидетелей в другой конверт, на котором уже нотариус делает соответствующие надписи.

Партнер по бизнесу. Не можем мы без русских матрешек.

Лизон. Прямо яйцо Кашея получается.

Глебушка. Ну а дальше что? В асфальт оно закатывается, что ли, чтобы наследникам сюрприз сделать?

Адвокат. Дальше просто. По представлении свидетельства о смерти завещателя нотариус не позднее чем через пятнадцать дней со дня представления свидетельства вскрывает конверт с завещанием в присутствии не менее чем двух свидетелей и пожелавших при этом присутствовать заинтересованных лиц из числа наследников по закону. Дальше уже идут формальности. Вот. У меня все.

Мать. И кто этими двумя свидетелями был? Дайте-ка отгадаю... Архаровцы наши?

Адвокат. Ну да... Леонид с Бенедиктом.

Мать. И вы хотите сказать, они завещания не читали?

Адвокат. Ручаюсь.

Мать (*пристально глядя в лицо Адвоката*). А вы?

Адвокат. И я. Оно же – закрытое.

Мать (*подзывает его пальцами правой руки*). Так, Юрий Владимирович, все понятно, давайте конверт сюда.

Адвокат. Так у меня его нет.

Мать. Вы в больнице были?

Адвокат. Да.

Мать. Давайте сюда завещание. Быстро.

Адвокат. Так я ж говорю – оно у Исаака Иосифовича.

Глебушка. Это еще что за вепрь такой?

Адвокат. Нотариус... наш. Меня Вадим Альбертович вызвал и попросил, чтоб я с ним связался. Исаак Иосифович тут же приехал. Вообще-то завещание может и главврач больницы заверить, но тут такое дело серьезное. Нестандартное. Да и Вадим Альбертович человек все-таки не последний. С активами.

Михаил. Не очень понятно, а зачем тебя было вызывать? Взял бы он Исаака и вызвал. Напрямую.

Адвокат. Но Исаак, он в некотором роде мой, а не ваш.

Глебушка. Понятно. Рука руку моет.

Адвокат. Просто ваш папа всегда проявлял щепетильность в таких вопросах.

Глебушка. Папкин? Щепетильность? Да он кого угодно кинуть мог. Начиная от федерации... Скажешь тоже.

Партнер по бизнесу. Ну, в этом и есть щепетильность.

Мать. Тогда звоните, Юрий Владимирович.

Адвокат. Куда?

Мать. Исааку вашему. Или вы думаете, я пятнадцать дней буду ждать? Вы же сами сказали, что нотариус ваш.

Адвокат. Ну да. В некотором роде.

Мать. Звоните.

Адвокат. Не могу.

Глебушка. Деньги на мобиле кончились? Коллегия адвокатов не компенсирует?

Адвокат. Не в этом дело.

Мать. А в чем?

Адвокат. Он в отъезде. Сейчас же Новый год и Рождественские праздники. Нотариальная контора только в середине января откроется. А куда он уехал, я понятия не имею.

Борис (*хлопая себя по коленям*). Твою мать!.. Извини, мама... Мы же и забыли совсем!

Михаил. Что же делать?

Мать (*жестко*). А замов у него нет?

Адвокат. Это только нотариус может сделать. Да и закрылись они... еще в католическое Рождество.

Глебушка. Нравится мне наша страна! Месяц бухаем, потом на кризисы жалуемся!

Мать. А контора где?

Адвокат. В центре. Около Василия Блаженного.

Мать (*задумчиво постукивает костяшками пальцев по столу*). Значит, так! (*Вытягивает указательный палец в сторону Адвоката*.) Ноги в руки, и чтоб через час блаженное завещание лежало у меня на этом столе.

Адвокат. Но это незаконно, Каролина Карловна!

Мать. Леони-и-ид!

*Молча входят **Болек** и **Лёлек**.*

(*Охранникам*). Дело есть. Съездите с этим прохиндеем в одно место, он покажет. Надо будет одну конторку почистить.

Болек. Cleaning?

Мать. Вроде того. Он объяснит по дороге. Только, умоляю, переоденьтесь во что-нибудь приличное, а то вся милиция ваша будет.

Болек. Never mind, Каролина Карловна!

Охранники уносятся. Из-за кулис раздается вой волюнки.

Адвокат. Каролина Карловна, вы меня под статью подводите!

Мать. Все будет нормально *(поворачивается к картинам; переходит на «ты»)* – сделаешь дело, получишь Шагала.

Глебушка. Лучше «Грачей» ему папкиных предложи.

Адвокат *(в некотором замешательстве)*. Но если так, то я бы Кандинского предпочел. Он лучше на Сотбисе идет.

Мать. Не вопрос. Я все равно в этой ереси и загогулинах ничего не понимаю. Всё, давайте, в темпе.

Борис *(подхватываясь)*. Я проконтролирую.

Мать. Сиди дома. Ты уже проконтролировал. Пусть Миша съездит. *(Михаилу.)* Только не высовывайся там особенно.

Партнер по бизнесу. О! Вы меня заодно до дома не подбросите? Я бы у вас свою машину оставил, а то выпил немного. А водитель еще на католические в свою Польшу к родственникам умотал. Приходится теперь самому баранку крутить – молодость вспоминать. *(Усмехается.)* Времена, конечно, были.

Глебушка. Что, глобалист, удочки сматываете?

Партнер по бизнесу. Да нет, устал просто. Да и Новый год скоро, подготовиться надо. Отдохнуть перед праздниками.

Глебушка. Устали очень? «Да-нет» – отдохнуть просто...

Отец Сергей *(вытирая длани о скатерть)*. И меня, милостью божьей...

Все поднимаются.

Мать. А вы поместитесь?

Михаил. Болек же на джипе.

Мать. Ну, Бог в помощь. Только осторожней, гололед все-таки. Роман Андреевич, отец Сергей, на Новый год, а? Приходите. В узком кругу посидим.

Адвокат. А...

Мать. С вами разговор позже будет. Отец Сергей, помните, что вы мне обещали?

Отец Сергей. Ну вообще сие не принято. Но за вспомоществование церкви и прихожанам...

Мать. Порадуйте нас. Сюрприз всем будет. Я уж и забыла, что Новый год на носу, за всей этой кутерьмой... А у вас фактура, образ. Вылитый Николай Угодник.

Отец Сергей. Вы мне льстите.

Глебушка (*обращаясь к отцу Сергию на «вы»*). Да, да, приходите, батюшка. У нас ряженные будут. Фрики¹ там всякие – годоводные. (*Делает круговое движение рукой, показывая на присутствующих.*) Ну а от нас вспомоществование... (*Подмигивает отцу Сергию.*) Не побрезгуете ли Пиросмани? Желтком от Фаберже не оскоромитесь ли?

Михаил (*Глебушке*). Тормози уже.

Глебушка. Приходи, Сергунь. А то без тебя как-то бесово. (*Убегает к столу, ставит на поднос рюмки, разливает водку.*)

Мать. Так будете, отец Сергей?

Отец Сергей (*осеня крестным знамением*). Всенепременно. Храни вас Господь, святую женщину!

Партнер по бизнесу (*целуя ручку*). Всего хорошего, Каролина Карловна.

Глебушка (*с подносом*). Ну так давайте – на посошок! На великое дело идете, господа! Завещание по законодательству эР-эФ вскрывать!

Все выпивают на посошок, удаляются. Остаются Мать, Борис, Глебушка, Настенька и Лизон.

Лизон. Может, телик посмотрим?

Включает телевизор. Щелкает с канала на канал.

¹ Фрик – (англ. freak) – странный человек, (*устаревш.*) инвалид, урод, выступающий в цирке или шоу.

О! (На одном из каналов идет второсортное юмористическое шоу.) Щас поржем!.. Мамуль, а о чем ты с нашим пресвятым Сержем договаривалась? Чё-то я не воткнула.

Мать (стоит около какой-то картины). На Новый год узнаешь...

Лизон. Ну ладно... (Смотрит телевизор.)

Мать (склонив голову набок). Пикассо... Прав Роман Андреевич. Это ж надо так лица испоганить!

Глебушка. Какими увидел, такими и написал. Великий прохиндей.

Настенька начинает собирать посуду. При этом тихо плачет.

Мать (Настеньке). Оставь. Завтра Зойка уберет.

Настенька. Mam, я сама хочу. Отвлекусь хоть.

Мать. А, делай что хочешь... И кончай слезы лить!

Глебушка (предлагает Борису выпить). Давай, Боряйла... Молча. Не чокаясь.

Разливает. Выпивают.

Борис (недоуменно). Совершенно не понимаю, какой смысл Юрасику было выносить нам мозг наследниками по закону, если имеется закрытое завещание?

Глебушка. Ты что, дурачок? Это ж консультация. Время тик-так, тик-так. Денежка в карман — дцзынь-дцзынь... Адвокаты — они же не юристы, а профессиональные вешатели лапши. Ты думаешь, им судебные процессы нужны? Делать им больше нечего. Им клиент нужен. Жирный и тупой. Типа тебя. Экономист ты наш доморощенный.

Борис. Сам ты!.. Гнать его надо.

Братья садятся за стол, выпивают, закусывают. Лизон смотрит телевизор, хохочет. Мать продолжает рассматривать

картины. Настенька, всхлипывая, убирает со стола посуду.

Глебушка (*направляется к камину*). Хотите хохму? Я недавно в одном журнале прочел, что в Ша и Европе научились химическим способом из человеческого пепла выводить карбон. А потом знаете что из него делают? Никогда не догадаетесь.

Борис. Что?

Глебушка. Его под большой температурой превращают в бриллиант.

Мать (*растопырив пальцы, задумчиво рассматривает руку*). Серьезно?

Глебушка. Ага, ты подумай. Можно кулон сделать. Пепел Клааса стучит в мое сердце! (*Бьет себя кулаком в грудь*.)

Борис. Перестань. Неостроумно.

Глебушка. А тебя что, больше романтика кладбищ привлекает? Или какие-нибудь новые технологии? Например, как их там? Проматории в странах Евросоюза. Ну, когда гроб с телом охлаждадут, а потом замораживают в жидком азоте. От удара ультразвуком все рассыпается в порошок. Можно еду посыпать. Очень экологично. Очень – по-европейски. (*Постукивает костяшками пальцев по крышке урны*.) Э-эй! Выходим! Пора, наконец, людям пользу приносить.

Настенька. Мне сейчас плохо будет.

Глебушка. Это не от меня, Настурция. Это от Евросоюза. Изгаляются над людьми, как хотят. Даже после смерти... Как говорится, общество тотального и окончательного потребления.

Настенька (*в сторону; тихо*). Шизофреник... Ма-а-ам!

Мать (*от неожиданности вздрагивает*). А?! Не пугай ты меня так!

Настенька. Кажется, нескольких ложек не хватает.

Мать. Может, под стол упали?

Настенька (*лезет под стол*). Может быть... Нету.

Мать. Да оставь. Потом сами найдутся.

Настенька. Как скажешь.

Проходит какое-то время. Никто не разговаривает. Вдруг раздаётся настойчивый и тревожный звонок в дверь.

Мать. Господи, кого еще чёрт принес? Насть, иди открой.

Настенька *уходит открывать дверь. Возвращается.*

Мать. Кто там?

Настенька *(не сдерживая слез).* Там... Ми-ли-ци-я... Мам, у Бени какой джип был?

Борис. Чероки, кажется. Что значит – был?

Настенька *(ревет в голос).* Они... они разбились... Насмерть! Все-е-е-е!!!!..

Лизон *(смотрит телевизор, ржет во весь голос и показывает пальцем на экран).* Я ща описаюсь!

Глебушка *(подходит к Лизону, встряхивает ее).* Лизон, отклейся. Миша погиб.

Лизон *(продолжая смеяться, поворачивается к остальным).* Что? Блин, прямо перед Новым годом!.. *(Снова разворачивается к телевизору, улыбка медленно сползает с ее лица.)* Что-о-о-о-о-о????!!

Пауза. Все испуганно переглядываются. Работает только телевизор.

Медленно потухает свет. Зловещим пурпурным кругом высвечивается фотография Папика с креповой лентой.

Занавес.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ
ПОХОРОНЫ

Авансцена.

Сценический экран¹.

*На экране изображен крематорий с шестью гробами и венками. Звучит траурная музыка. Вокруг экрана собрались провожающие в последний путь Михаила, Адвоката, Партнера по бизнесу, отца Сергея и двух охранников – Болека и Лёлека. Никто не читает молитв. **Мать** подносит платок к мокрым глазам. **Глебушка** не покачивается. Он трезв и поддерживает пошатывающегося **Бориса**. Плачут и **Настенька**, и **Лизон**.*

Экран с полыхающими в огне гробами поднимается вверх.

Глебушка (с горькой усмешкой). Зачастили мы сюда что-то...

Настенька подходит к Глебушке и дает ему звонкую пощечину.

Затемнение.

Антракт.

¹ Варианты сценического решения: 1) колумбарий с шестью урнами в нишах; 2) гробы с венками.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ ЗАВЕЩАНИЕ

Особняк Вадима Альбертовича.

*Вокруг гостиного стола сидят **Мать, Настенька и Лизон** в розовом платье и такого же цвета чулках. Она покрывает лаком ногти. **Глебушка** в прострации полулежит в кожаном кресле около камина, на котором в рамках теснятся семь фотографий с креповыми лентами. Во главе с Папиком. Его фотография большая – она в центре. Остальные – по три с боков – чуть поменьше. Урны с пеплом отсутствуют – пальцы Матери унизаны семью кольцами с бриллиантами.*

*В углу стоит наряженная новогодняя елка. Ее макушку венчает пятиконечная красная звезда. Посверкивают елочные игрушки. **Борис** стоит у елки и бездумно то включает, то выключает гирлянду.*

Лизон. Что же теперь с завещанием будет? И где нам этого нотариуса искать?

Борис. Непонятно, непонятно...

Настенька. Как вы можете! В такое время!

Пауза.

Глебушка. Mam, надо бы Старый год проводить.

Мать. А?.. Да...

Пауза.

Глебушка. Так я открою шампанское?

Мать. Да, конечно...

Глебушка тяжело поднимается и направляется к столу. Настенька начинает всхлипывать.

Глебушка (*пытаясь открыть шампанское; Борису*). Не могу. Попробуй ты.

Борис выключает гирлянду, подходит к Глебушке и берет бутылку. Она не поддается. Борис трясет бутылку.

Мать. Оставьте.

Глебушка. Мам, надо проводить. (*Борису*.) Да не тряси ты ее!

Мать. Проводили уже... (*Пауза*.) Всех... (*Показывает на камин с фотографиями. Пауза*.)

Борис. Не получается что-то.

Глебушка. Дай сюда.

Глебушка забирает у Бориса бутылку с шампанским.

Глебушка (*Борису*). Фужеры давай!

Борис подставляет фужеры, Глебушка с хлопком открывает бутылку, но шампанское с шипением вырывается из емкости и заливает Бориса.

Лизон (*разочарованно*). Ну вот.

Борис (*Глебушке*). Ты что наделал! Этот костюм десятку бакинских стоил!

Мать. Иди замой.

Борис. Как я его замою? Его теперь в химчистку надо.

Лизон. Какая химчистка в Новый год?

Глебушка. Я же не специально. Ну, переоденься.

Борис. Это мой любимый костюм, между прочим, был. Он мне как талисман!

Мать. Не ори! Иди возьми тот, который мы тебе в Милане осенью купили.

Борис. Ты что? Он же с красной подкладкой. А этот год в красном нельзя встречать!

Глебушка. Ага! Цвет крови! Тебе что, одеть уже нечего? Все шкафы, как у бабы, барахлом забиты.

Лизон. Вот именно что барахлом. *(Любуется ногтями.)* Я в розовом, и ничего.

Борис. На себя посмотри! Ты всегда или в розовом, или в золотом! Одета непонятно во что! А я в красном Новый год встречать не буду! Примета плохая!

Глебушка. Так возьми Мишино что-нибудь!

Борис. Сдурел, что ли?! Новый год в костюме мертвого встречать!

Глебушка. Ну так не встречай! Иди и удавись! Мы еще не всех похоронили! *(Матери.)* Не из всех украшения понаделали!

Мать. Это – память!

Борис *(бросается к Глебушке и хватает его за горло).* Я тебя самого сейчас удавлю!

Настенька *(вскакивает).* Я вас ненавижу всех! Ненавижу! Вы – мрази! Ублюдки! Пиджак ему, видите ли, заляпали! Красный цвет ему не нравится!

Борис *(отпуская Глебушку; Настеньке).* Ты чего?

Настенька *(сквозь слезы).* Да вы все подонки! Отбросы! Это вы папу убили! Это из-за вас Миша погиб!

Мать. Что ты такое несешь, рыба?!

Настенька. А ты вообще, вообще... *(Пауза. Настенька подбирает слова.)* Самая главная сука! Это ты их всех такими сделала! По салонам, по SPA и бутикам только шлялась да любовников как перчатки меняла! Тебе же наплевать на всех было! Только бы папа деньги давал!

Мать. Да как ты смеешь, дрянь ты такая!

Настенька. Смею! Смею! Вы хоть знаете, как он жил?! Чем занимался?! Он же и умер оттого, что его никто не любил! Что

вы только деньги из него, как пиявки, сосали! Я долго весь этот фарс терпела! Но сейчас все скажу! Хватит с меня! *(Подбегает к Глебушке.)* Ты вообще — дерьмо! Ты — ничтожество! Ты — пустое место! Только вонючее очень. Что ты сделал в своей жизни? Что ты закончил? Измываешься только над нами. А сам? Сам? Кто ты такой? Provokator и трус!

Мать. Угмоните ее, идиотку эту, кто-нибудь! А отца я вашего, между прочим, любила! До поры до времени! Пока он, кобелина, направо-налево бегать не начал! И не тебе судить меня, сикуха! Мы первое время вообще впроголодь жили. И если б не мой отец, царствие ему небесное, из Вадьки вообще бы никогда ничего не получилось... Это уже потом... через много лет... *(Показывает рукой на интерьер.)* А нам и по общагам, и по коммуналкам пожить пришлось, между прочим. Ты этого, рыба очкастая, не застала всего! Ни очередей за туалетной бумагой, ни чулок — «пара в руки». Это сейчас у тебя жопа цветами благоухает, а мы ее «Правдой» терли!

Глебушка. Давай, Карловна, так ее — правду в матку. Расскажи нам про страшную советскую жизнь и голодное детство юных ленинцев. *(Вскидывает руку в пионерском приветствии.)*

Мать. Ты вообще заткнись! Алкоголик! Хронический!

Глебушка. А кто меня таким сделал? Ты же и сделала, Карловна!

Мать. Скажи еще, я тебе водку в рот вливала!

Глебушка. Буквально нет. А вот фигурально именно вы мне ее штопором в глотку и ввинчивали. Вы ж меня с папиком не любили никогда. Вначале няньки какие-то, потом интернат с непонятным уклоном. Я ж, Карловна, вас и не знаю вообще! Дома только на выходных и появлялся!

Мать. Это не интернат был, а спецколледж с англо-литературным уклоном! Мы из тебя образованного человека хотели сделать! А ты три раза из ЭМ-Гэ-У вылетал! Мы устали тебя воспитывать!

Глебушка. Какой колледж? Тогда не было еще никаких колледжей! Интернат это был! Только дорогой очень! Типичный ин-

тернат, в котором классической литературой отца с матерью подменяли! И что вы хотели из меня сделать? Есенина?! Так вы его и получили!

Лизон. Кто хотел?

Борис. Что-то я за тобой стихов не замечал.

Глебушка. А потому что некогда! Этот бабло свое ворует (*кивает на фотографию Папика*), она это бабло на чип-и-дейлов тратит, на салоны своих старческих услуг – ботоксы, отсосы жира, подтяжки... Да ты посмотри на себя, Карловна, ты ж вообще как кукла давно стала! Улыбнешься – треснешь вся!.. (*Борису*.) У вас с Мишаней вообще своя песочница! Я для всех лишним был!

Мать. Сучонок! Неблагодарный!

Борис. Что ты его слушаешь, мама?!

Глебушка. А за что благодарить? Ты мне что, когда-нибудь сказки на ночь читала? Попу в детстве подтирала? Ты меня за всю жизнь не поцеловала даже ни разу! За всю жизнь! Так, по голове потреплет, нянькам-Зойкам с рук на руки передаст и в Коктебель с новой звездой советского кино на месяц умотает, пока папашкин своих секретарш в Пицунде топчет!

Мать. Мы тебя в «Артек» возили! В «Орленок»! А туда только отличников брали! Представляешь, через что нам пришлось пройти, через какие медные трубы, чтоб тебя, троечника, туда запихнуть?!

Глебушка. Ага! Еще одни интернаты! И что, что тройки? Да я вообще всю жизнь как сорняк рос! Ну да, со временем и по кабакам, а что вы хотели?! Потому что мне ваш эМ-Гэ-У в крематории снился! Там же давно ни одного вменяемого человека нет. Сплошные папенькины сыночки с разъеденным кислотой мозгом!.. И что мне делать еще оставалось? Вот ты знаешь, что мне папашкин один раз сказал, когда я домой пришел? «Вы кто?»

Лизон. Это когда ты в прошлом году вдрабадан на восьмое марта приперся?

Глебушка. Нет! Это, когда я на восемнадцатилетие в отчий дом из интерната вернулся. Он меня не узнал просто. Реально

не узнал. Нормально так? Крошка сын пришел к отцу и спросила кроха: что такое хорошо, что такое плохо?! Я тогда первый раз напился! Первый раз! В восемнадцать лет! Я до этого алкоголь вообще не пробовал.

Борис. Втянулся зато быстро.

Глебушка. Чья б корова мычала! Ты вообще с кокоса не слазишь!

Мать. Неправда это! Боренька всегда хорошим мальчиком рос! Правда, Боренька?

Глебушка. Правда, маменька!

Борис. Конечно, мама.

Мать. Вот!

Глебушка. Что – вот? Ты про Лондон забыла, что ли?

Мать. Бореньку тогда подставили!

Глебушка. Карловна, что ты несешь? Как человека подставить можно, когда у него в ноздре сто долларовая купюра, а он через нее прилюдно на барной стойке кокос всасывает?

Мать. Это неправда!

Глебушка. Да там свидетелей целый кабак был!

Борис. Ну и где эти свидетели? Где?

Глебушка. В Караганде! Что мы зря, что ли, Мишу с архаровцами посылали?

Мать. Не трогай Мишу! Он святой человек был! Самый умный из вас! Из-за вас погиб!

Глебушка (*спокойно подходит к Матери и показывает на нее пальцем*). Из-за тебя, Карловна. Исключительно из-за тебя...

Мать. Щенок!

Глебушка (*продолжает; сквозь зубы*). ...из-за твоей алчности. Это ты их на смерть отправила. И от Миши ничего не осталось, и от Романа Андреевича. И от всех остальных. Фейерверк такой. Ты бы и нас с удовольствием в эту машину запихнула. Да только места не хватило.

Мать. Это была банальная автоавария!

Глебушка (*прищуриваясь*). Такая уж и банальная, когда все, заметь, Карловна, все сгорели. Если б Миши там с архаровцами

не было, я бы голову на отсечение дал, что это их рук дело.

Мать. В чем ты меня подозреваешь?!

Лизон (*доя на ногти*). Ну ты, Глебушка, дал. Совсем мозги пропил.

Глебушка. Ты, идиотка в розовом, вообще рот закрой. А лучше послушай, что я тебе скажу. У Романа Андреевича наследников не было. Он у нас всегда по мальчикам работал. А они детей не рожают. А Миша, как всем известно, всегда преемником отца по бизнес-делишкам был. Так что я даже не буду гадать, кому папик свою долю в бизнесе в этом треклятом яйце-завещании отписал. Роману Андреевичу, Мишане или им обоим. Только нет теперь ни одного, ни другого.

Мать. Ты околесицу несешь! Роман Андреевич сам в машину сел.

Глебушка. Так ты бы его в другой раз угрохала!

Лизон (*членораздельно*). Что ты та-ко-е го-во-ришь? Никто же не знал, что он туда сядет. Как это можно спрогнозировать? Да и зачем? Мы же долю Романа Андреевича наследовать не можем, даже если бы ему папка завещал что-то. Он же не родственник нам.

Глебушка. Ничё, Юрасик подсуетится! Глядишь, у нас новый дядя появится. Типа дяди Славика. Только дядя Рома.

Лизон. Так Юрасик ведь тоже.

Глебушка. Ну другой какой-нибудь авокадо.

Лизон. Между прочим, что в завещании написано, из нас, кстати, вообще никто не знает. Может, тебе все, Глебушка, и достанется. (*Обращается ко всем, показывая ногти на руках.*) Как вам? Не тускло?

Глебушка (*валится в кресло, закидывает ногу на ногу*). Как же, как же... Не припомню, чтоб он мне хоть раз даже мороженое купил.

Борис. Шизанутый какой-то.

Лизон. Да с чего ты взял, что их вообще убили?

Глебушка. Чувствую. Как-то странно они все — бах! И на небесах... Значит, твоих рук, Боряйла.

Борис. Да ты психопат просто!

Лизон. Маньяк, блин!

Настенька. Какие же вы все мрази! Что же вы говорите такое? Стольких людей похоронили, а вы как паразиты какие-нибудь, как полипы! У вас семь трупов за месяц, а вы тут грязь льете. С вами же за одним столом сидеть противно!

Мать. Не порти нам Новый год! Не нравится, проваливай отсюда!

Глебушка. Вот-вот. Ползи к своим классикам доморощенным и гениям с новыми взглядами. Они тебя успокоят. Один Шекспир твой любимый чего стоит. Понакидает трупов, а нам расхлебывай.

Настенька. Что ты вообще в искусстве-то понимаешь? Шекспир – величайший драматург!

Глебушка. Нормальный. Не надо только вот этих придыханий и заламываний рук.

Настенька. Ты хоть одну пьесу его читал? Хоть читал?

Глебушка (*зло вскакивая*). Да!!! Читал! Спасибо спецколледжу! Причем и в оригинале, и в переводах Маршака и Пастернака.

Лизон. Ни фиги себе!

Глебушка. Да – ни фиги себе!

Лизон. Я не про тебя вообще. Я ноготь, кажется, сломала. (*Достает пилочку, подпиливает ноготь*.) Блиин, обидняк какой. Прямо в Новый год...

Глебушка (*Настеньке*). Да – вот так вот! Представляешь, читал! Глебушка у нас, видите ли, алкоголик! А я, между прочим, не только водку глушу! Я ее для самообороны глушу, чтоб на вас, ублюдков, не смотреть. А сам закроюсь у себя в комнате и читаю. Годами, между прочим! Привычка с интерната! И вот, что я тебе, Настурция, скажу. Все твои филологические закидоны – это одна огромная Матрица, в которую тебя воткнули! Только одни в Матрице пиджаков от Лагерфельдов живут, а другие – в пафосной классике. Пропиаренной в веках. И самая страшная Матрица – это Матрица не гламура, а Матрица – ве-

ков. Потому что гламур – пришел и ушел, а водка и русские медведи навсегда!

Настенька *(с искренним удивлением)*. При чем здесь медведи?

Глебушка. А при том, что все эти твои Шекспиров, Толстые и Достоевские – это медведи.

Борис. Ты Толстого с Достоевским на каком языке читал? Что ты их всех в одно корыто? Шекспир, Достоевский...

Глебушка. Вот именно что в корыто! А мы, как свиньи, около него топчемся. Не понимая, что помимо Толстых и Шекспиров были и десятки других. Но Матрица никогда не даст вам узнать их имен. Их затерли еще тогда – несколько веков тому назад.

Борис. Например?

Глебушка. Например, например... Не помню!.. Нет данных в Матрице! Но уверен – были они! Не могли просто не быть!.. Вот вы, к примеру, все от Пушкина претесь, а мне Лермонтов всегда ближе был. Потому что нерв, истерика, боль! И ему времени просто не хватило! А Матрице Пушкин был просто выгодней. И погиб Лермонтов поэтому раньше, чтоб, не дай Бог, к тридцати семи весь мир с ног на голову не перевернуть.

Лизон. Кто это тут от Пушкина прется?

Настенька *(дрожащим голосом)*. Пушкин – гений. Лермонтов – тоже.

Глебушка. Ты что, правда, не понимаешь, о чем я, или придуриваешься? Я разве сказал, что они не гении? Я это сказал? Я о другом совсем говорю! Я говорю о программе, в которой вы живете. Когда Достоевский – давно уже глянцевым журналом стал. Когда его на сериалы раздербанили! И стоит кому-нибудь, Боже упаси, о них, о великих, что-нибудь не так заявить, так это означает на себе крест в определенных кругах поставить! Это как на открытие бутика Версаче в барахле с Черкизовского рынка заявиться. Пойми, Настурция, Толстой, Достоевский, Шекспир, Островский и прочие-прочие – это все тот же гламур. Их принято знать, их принято читать, о них принято говорить, ими принято восторгаться. Так – приня-то! Это и есть Матрица! *(Раскидывая руки, показывает на картины, висящие на стенах.)* Вот ты,

Боряйла, что конкретно ты из Толстого читал?

Борис. «Войну и мир». В спецколледже еще. Великая проза, кстати.

Глебушка. Вот, Настена. Вот! Это — Матрица и есть! Половина людей и десятой части того, что Толстой написал, не читала. Я тебе голову на отсечение даю, что Боряйла на первом томе застрял! Но при этом будет с умным видом рассуждать на толстовскую тему. А многие «Войну и мир» вообще дальше первых фраз на французском не осилили. Но каждый будет утверждать, что это гениально. В этом прикол. Как вообще можно кого-то считать гением, если ты его даже не читал? Я не обсуждаю их творчество. Напротив, почти всеми их произведениями я восторгаюсь! Но нас лишили мнения. Нам не дают думать! Пушкин — гений, Шекспир — гений, Толстой — гений, Достоевский — гений. Все — приплыли! Мы — в Матрице! Мы родились в мире, где Толстой — уже гений! Вы понимаете? Не вы так решили, не я, не Боряйла, который Безухова от Болконского не отличает, а за нас решили! Мы приходим в мир, в котором все уже предопределено. Мы же не развиваемся. Мы в стагнации. И современность абсолютно так же устроена. Нам подсовывают новых гениев, которых никто не читает, но от которых все прутся. Вот поэтому нас на западе до сих пор так и воспринимают — водка, матрешка, медведи, Достоевский!

Лизон. Ты вообще уже офигел. Недоперепил, что ли? Ты еще скажи, Шекспир наш.

Борис. Во-во... водка, матрешка, Гамлет. Новый взгляд. Ты того, полегче на поворотах. Классики все-таки.

Глебушка. Идите вы все! Вы не понимаете, о чем я! Только я, только Карловна, только Лизон можем для себя определить, кто гений, а кто нет. И то — только для самих себя! Пока, Боряйла, Толстой не прочитан — мнение о нем у тебя существовать не может. Его тебе навязывает Матрица! Хочешь, Настена, пример приведу?!

Настенька. Н-н-у-у приведи.

Глебушка. Вот возьмем пьесы, которые сейчас ставят. Давай

перечислять что, в основном, идет. Итак. «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Ричард III», «Тартюф», «Женитьба Фигаро», «Ревизор», «Горе от ума», «Три сестры», «Дядя Ваня»... Ну и еще пяток другой разных пьес. И ты что, хочешь мне сказать, что это все не Матрица? Что нет спектаклей? Нет пьес?

Настенька. Таких нет!

Глебушка. Так дайте другие! Хотя какие-нибудь! И они есть, между прочим. Ими весь Интернет до отказа забит! Они уже из мониторов вываливаются! Только они – не вековой гламур, вот в чем фишка. Все эти дяди Вани проверены Матрицей. Они, если хочешь, супергламуrom давно стали. Это беспроегрешный вариант. Никто не хочет рисковать. Выгодней поставить какого-нибудь халтурного «Гамлета», слупить деньжат на постановке и купить себе такого же йоркширского терьера, как у знакомого режиссера «Грозы». Чтобы не выделяться! Чтоб в толпе быть! Среди элитарного быдла! Итог. Идет гора театрального сала, а в руках болонка с бантиком в ушах. И вот в чем парадокс – были пьесы как пьесы. Отличные, замечательные пьесы – а вдруг стали блевотиной. Меня от одного имени Шекспир воротит. Потому что нельзя тиражировать гениальность! Я, как зритель, уже давно пережрал всех этих дядей Ваней, бесприданниц и Джульетт. Я не могу каждый день жрать одну и ту же клубнику! У меня аллергия начинается!

Настенька. Но ведь остальное вообще – клюква!

Глебушка. Но ведь и в клюкве – витамины! Я нового хочу. Кислого. Я устал от Матрицы! Меня выворачивает от нее!

Борис. Это тебя от желчи выворачивает.

Мать (*задумчиво и с интересом*). Вот ты, Глеб, оказывается, какой... Я и не знала. Не такой уж ты и дурачок.

Глебушка. Поздно, Карловна, в бубен бить! Где эта розовая? (*Ищет глазами Лизона.*) А, во! (*Подбегает к ней.*) На тебе что надето?

Лизон (*вжавшись в стул*). Чё-чё. Платье.

Глебушка. Вижу, что не шинель. От кого?

Лизон (*зло кричит*). Prada! Коллекция следующего года!

Глебушка (*подбегая к Настеньке*). Вот, Настена. Девочка без бусиков — не девочка, а недоразумение! (*Показывает на Лизона*.) Дьявол носит Prada! Золотой гламур! Вопрос: почему? Кто сказал? Кто кроил? Зачем покупаем? А потому что — пиар! Матрица! А нитки, между прочим, торчат!

Лизон (*вертится, рассматривая платье*). Где?!

Глебушка. Дура, это я образно. (*Настеньке*.) Поэтому не надо нам тут мозг парить своими филологическими изысками и охами-ахами насчет великой литературы. О-тли-чна-я литература. За-ме-ча-тель-на-я. Никто и не спорит. Только мнение свое должно быть, а не Матрицы! И пусть оно будет неправильным, но пусть оно будет своим! Потому что знаете, чем все это рано или поздно закончится?! (*Подбегает к одной из картин Пикассо*.) Пабло! Лицо — жопа! И он это лучше всех понимал. Потому что гений был. И вот еще что... майбахообразные вы мои и версаченасытные гламурияги... Его же словами и замечу: «Человек с сильной волей навяжет остальным кучу мусора». Потому что вы не вещь покупаете, а бирку от нее.

Лизон. Жесть! Про мусор надо запомнить.

Настенька. Ты — подонок! Провокатор! Да как ты смеешь! (*Бросается на Глебушку, бьет его кулачками в грудь*.) Не прощу! Не прощу! Они — гении! Они — святые! Как ты посмел, языком своим поганым!

Мать. Леони-и...!

Никто не выходит.

Глебушка (*отпихиваясь от Настеньки*). Не утруждай себя, Карловна! Поздно уже! (*Настеньке*.) Да, посмел! Да! Да! Да! У меня, оказывается, есть свое мнение! Представляешь?! У меня есть свой взгляд! Я — не в Матрице! Я — сво-о-обо-о-одны-ый! (*Раскидывает руки в стороны*.)

Настенька. Да если бы не было Пушкина, литературы вообще бы не было!

Глебушка (*стоит лицом к Настеньке, обхватывает ее, скру-*

чивает ей руки за спиной). Да, Настурция! Именно! И Гомера бы не было без Пушкина! И Свифта! И Сервантеса!.. А Александр Сергеевич Антона Павловича не читал, представляешь, как ему не повезло?

Настенька. Зато Чехов его читал!

Глебушка (*прямо в лицо Настеньке*). Сдаюсь! Перед бриллиантовым гламуром! Только как бы это Омару Хайяму объяснить?

Настенька вырывается.

Настенька. Я не могу больше с вами! Не могу! Сами тут справляйте! Чтоб вы передохли все! Даже не поддержит никто. Сволочи!

Выбегает из гостиной.

Лизон. Проводили Старый год... И когда ты, маньячина, последний раз в театр ходил? Бухаешь же по-черному.

Глебушка. Не твое дело! (*Затем разворачивается к Борису и указывает на него пальцем.*) И когда-нибудь придет время, Боряйла, Матрица навяжет тебе не Пушкина с Толстым, а Тяпкина с Ляпкиным. Знаешь почему?

Борис. Почему?

Глебушка. Потому что у тебя мнения своего нет. Потому что у нас на одного Пушкина миллион Ляпкиных приходится, а на одного читающего тысячи — орущих. И пока у тебя не будет книги в руках, ты будешь орать в общей толпе... (*Осекается.*) И вообще, я не о Пушкине говорил. С ним как раз все превосходно. Что-то я главное хотел сказать... Очень важное... (*Безнадежно машет рукой.*) А, ладно. Вы все равно не поймете.

Глебушка смотрит на часы, быстро включает телевизор, падает в кресло, затем зло вскакивает и включает гирлянду, направляется к столу, подхватывает другую бутылку шампанского, ловко ее откупоривает и возвращается на место.

Борис. Хотелось бы все-таки понять, а чем ты, собственно, от нас отличаешься?

Глебушка. Да ничем! В такой же Матрице живу... (*Приподнимается в кресле и наклоняется в сторону брата.*) А хочешь, пример из других областей приведу? Знаешь, о ком все говорят, и кого толком никто не читал?

Борис (*со скучающим видом*). Н-ну... поведай...

Глебушка (*членораздельно*). Фрейд. Юнг. Ясперс. И Кьеркегор. Но почти у каждого есть «свое» (*показывает пальцами каквычки*) мнение по поводу их (*с нажимом*) гениальности. Я таких имен десятки могу накидать. Потому что – Матрица! (*Победоносно раскидывается в кресле.*) Во! Грачи уже прилетели!

Лизон. Это еще чё за бренды?

Борис (*Матери; отчепливо*). Его нужно срочно сдавать в психушку.

Все смотрят телевизор.

По нему идет новогоднее поздравление Президента эР-эф:

Президент эР-эф. ...Через несколько мгновений изменятся цифры на календаре, но неизменными останутся ценности, которые являются нашей опорой во все времена...

Глебушка делает вид, что чокается с телевизором и подносит бутылку к губам.

Президент эР-эф. ...это любовь к своим близким, дружба и верность, участие и милосердие...

Шампанское пенится. Глебушка обливается.

Глебушка (*вытираясь*). Ч-ч-чёрт!

Президент эР-эф. ...Они придают нам силы в любой ситуации, помогают не только преодолевать сложности, но и подниматься на новую высоту...

Лизон. Ну Глеб! Ну, налей нам! Не жадничай! Новый год все-таки.

Борис. Надо Настеньку позвать. Я сейчас.

***Борис** убегает за Настенькой. Глебушка подходит к столу. Разливает шампанское в фужеры.*

Президент ЭР-ЭФ. ...сейчас мы все думаем о своих родных. Новогодняя ночь — это время надежд. Я желаю каждому из нас мира, любви, исполнения желаний. Будьте счастливы, дорогие сограждане и телезрители! С Новым годом!

Глебушка (*про себя, но вслух*). Во! Новое ругательство XXI века — сограждане и телезрители!

*Появляются **Борис** и заплаканная **Настенька**. Присоединяются к остальным. Бьют куранты. Все поднимают фужеры. Чокаются.*

Лизон. Ну чё? С Новым годом?

Борис. С Новым...

Мать. Здравья нам всем. (*Неловко протягивает руку к Глебушке, треплет его по голове.*)

Настенька (*тихо*). Надежд... Любви...

Глебушка (*уклоняется от Матери, чокается со всеми бутылью и, поворачиваясь к телевизору, восклицает*). Православных куполов на фоне красных звёзд! Пентаграмм на царском знамени! Мавзолея у Василия Блаженного! Сюрреализма! Идиотизма! Лица — жопы!

Мать (*опуская зависшую в воздухе руку*). Глеб, ну можно хоть в Новый год...

*В этот момент в дом Вадима Альбертовича входит **Дед Мороз**. За ним появляются **Снегурочка**, трое в новогодних костюмах и маска: **Снеговик**, **Снежинка** и **Пингвин**, а также двое в коробках на туловищах и головах. На одном тулове надпись — **Procter &***

Gamble, на другом – *Johnson's baby*.

В руках у вошедших хлопушки, зажженные бенгальские огни и выстреливающие языки. С улицы раздаются взрывы фейерверков, отчего по дому гуляют разноцветные блики и всполохи.

Мать, Борис, Глебушка, Настенька и Лизон застывают.

Глебушка (медленно). А вот и фрики. Борода из ваты...

Лизон. Жесть!

Дед Мороз (бубнящим басом).

С Новым годом поздравляем!
Счастья всей душой желаем!
Чтоб прожить Вам этот год
Без печали и забот.
Чтоб с успехом Вам трудиться,
А на праздник веселиться,
И удачи Вам в делах,
И улыбок на устах.

Борис. Это еще что такое?

Гости подбегают к хозяевам, берут их за руки, утягивают к елке и поют.

Маленькой елочке
Холодно зимой.
Из лесу елочку
Взяли мы домой...
Сколько на елочке
Шариков цветных,
Розовых пряников,
Шишек золотых!..
Встанем под елочкой
В дружный хоровод,
Весело, весело
Встретим Новый год!

Мать (*вырываясь из лап Деда Мороза*). Кто вы такие?!

Но ее никто не слушает. Все водят хоровод и подпевают гостям.

Мать. Да отпустите меня, наконец! Откуда вы взялись?!
(*Сильно бьет локтем Деда Мороза по лицу*)

Дед Мороз. А! (*Хватается за лицо, резко наклоняется и начинает что-то искать на полу*.) Линза! Бесово семья!

Мать (*орет*). Как вы вошли сюда?! Леони-и-и...!

Глебушка. От дурных привычек, Карловна, пора избавляться.

Procter & Gamble. Да, Каролина Карловна!

Хозяйева застывают и медленно поворачиваются к существу в коробке.

Все. Лёлек?!!

Длинная-длинная пауза.

Борис. А как же... как же... (*Вяло машет в сторону фотографий с креповыми лентами*.)

Дед Мороз (*с пола*). О, нашел! С Божьей помощью. Хвала святителям и Деве Марии. (*Распрямляется. Крестится*.)

Настенька теряет сознание и валится у ног Деда Мороза.

Глебушка (*сглатывая ком в горле*). С воскрешением, Сергунь...

Отец Сергей. Ну вот, думал, не узнаете. Хотел сюрприз вам всем... Как с вашей матушкой договаривались. Чтобы весело, с задором. А где у вас ванна с туалетом, прости Господи? Мне линзу промыть и опорожниться с дороги.

Борис (*в шоке отводит руку от фотографий с креповыми лентами и направляет в противоположную сторону*). Там...

Отец Сергей. Я отлучусь с вашего позволения, по делам мирским. *(Уходит.)*

Лизон. Обалдеть!

Снеговик *(в недоумении)*. А что вы так удивились? Будто Новый год никогда не встречали?

Мать бросается к Снеговуку.

Мать. Миша! Мишенька! Живой! Живой! *(Покрывает его маску поцелуями.)* Мишенька! *(Начинает плакать.)*

Михаил. Ма, да что ты в самом деле?

Лизон. Мишка! *(Кидается ему на шею и срывает маску.)*

Борис. Миша?!

Глебушка. Возвращение блудного сына. *(Пристально всматривается в остальных.)* Вы откуда, гламураги, взялись? Из ада, что ли?

Снежинка. Еле на последний рейс успели...

Глебушка. Чартером? Роман Андреевич, оттуда уже что, лайнеры летают?

Пингвин. Очень редко. Благо у Романа Андреевича в той стране связи неплохие.

Глебушка. С Вельзевулом, что ли?

Мать и Лизон устремляются к Снежинке и Пингвину.

Мать и Лизон. Роман Андреевич! Юрий Владимирович!

Партнер по бизнесу *(принимая от женщин поцелуи в маску)*. Что-то я вас, Глеб Вадимович, не понимаю.

Глебушка. А что непонятного? Мы же вас похоронили. *(Протягивает в его сторону руки.)* Вот этими собственными руками. Вернее сожгли.

Johnson's Baby. Sorry? Как сожгли?

Глебушка. В крематории, Болек. В кре-ма-то-ри-и.

Мать *(радостно)*. Бенедикт!

Johnson's Baby. It's me, Каролина Карловна!

Мать. Иди ко мне! Я тебя расцелую!

Адвокат. Как в крематории?

Глебушка. Как, как... Как папка.

Мать. Ой, ну давайте же к столу. Боже, счастье-то какое!

Мать утаскивает всех к тарелкам и фужерам.

Глебушка. Бесовщина какая-то. *(Направляется к столу, по пути удивленно бормочет.)*

С красным носом — вечно пьяный!

Он высокий и румяный.

(разводит руками и в удивлении пожимает плечами)

Ну, конечно, не вопрос,

Это, дети, Дед Мороз!

Настенька лежит около елки. На нее никто не обращает внимания. Входит отец Сергей, присоединяется к остальным.

Отец Сергей. Ну вот! Все в сборе! С Новым годом! Любви вам, братия и сестры, здоровья и благодати божественной! *(Обращается к Матери.)* Извините, матушка, сюрприза не получилось. Раскрыли вы меня быстро.

Глебушка *(откашливаясь).* Как раз очень даже получился... *(Пауза.)* Ты подарки нам привез, жирный поп косматый?

Отец Сергей. Конечно! *(Развязывает тощий мешок с подарками.)*

Мать. А насчет сюрприза, вы, отец Сергей, не переживайте. Будет вам новый приход. Будет! В образах и с иконами, как обещала! Боже, как же я счастлива!

Глебушка. Карловна, образа и иконы — это то же самое.

Мать *(в умилении).* Неважно.

Отец Сергей. Благодарю вас, матушка, за доброту вашу ангельскую. *(Раздает подарки.)*

Лизон. Это еще чё такое?

Отец Сергей (*читает*). Фром Ыбыца виз лав. Магнитик на холодильник.

Лизон. Где мы и где Ибица? Вы чего, Серж?

Глебушка (*рассматривает подаренный набор открыток*). Любопытный Новый год получается. Пляж, пальмы. (*Смотрит на отца Сергия.*) Щедро, ничего не скажешь. Алтарь заложить пришлось?

Партнер по бизнесу. Мы спешили очень. На серьезные подарки времени не хватило.

Глебушка. Понятно. На те, Боже, шо нам не гоже.

Борис (*вертит брелок в руке*). Ерунда какая-то. Из отеля, что ли?

Мать. Давайте же праздновать, наконец! Потом поговорим!

Все садятся за стол. Мужчины открывают шампанское, разливают в фужеры. Все чокаются. Болек и Лёлек продолжают стоять, переминаясь с ноги на ногу. Сесть им мешают коробки.

Михаил (*показывая на камин*). А это что?

Глебушка. Это вы нам все объясните, *что это* такое?

Вновь прибывшие с открытыми ртами смотрят на фотографии с креповыми лентами.

Михаил (*Матери*). Ма! Ты меня наследства лишила?!

Глебушка (*усмехаясь*). Остальные просто в нагрузку пошли.

Мать. Миша, не неси чушь!

Михаил. Но я не понимаю... как?

Глебушка. Скоро девять дней будет.

Михаил. Каких девять дней?

Глебушка. Когда вы все туда... (*Показывает вверх указательным пальцем.*) Или скорее туда... (*Показывает большим пальцем руки вниз.*)

Михаил. То есть?

Глебушка. Что – то есть?! Мы с похорон на днях вернулись! Ваших! Всех! Или я в воскрешение поверить должен?!

Отец Сергей. Сие только поистине просветленным подвластно.

Глебушка. Заткнись, Сергунь! Если еще и папик из пепла восстанет, я этого не переживу.

Лизон. Да, кстати... Может кто-нибудь из вас это объяснить?

Адвокат. Ничего не понимаю. Какие похороны?

Глебушка. Ваши, Юрасик, ваши!

Лёлек (*испуганно*). И что, мама из Житомира приезжала?

Мать. Никто не приезжал. Мы никому не дозвонились. В Житомир тем более. (*Обращается к Партнеру по бизнесу, Адвокату и отцу Сергию.*) А некоторые почему-то координаты своих знакомых и близких упорно скрывают.

Отец Сергей. Слава те, Господи! Уберег.

Партнер по бизнесу. Да как такое вообще возможно? Мы же только с самолета.

Борис. С какого еще самолета?

Михаил. С крыльями.

Мать (*жестко*). Так, Леонид! Вы где были?

Лёлек. На Ибице, Каролина Карловна.

Глебушка. Прости меня Господи, да, Сергунь? Да что вы там делали, на Ибице вашей? (*Помахивает подаренными открытками.*) Христарадничали на европейском курорте?

Адвокат. Так к нотариусу летали.

Михаил (*Матери*). За завещанием, ты же сама просила.

Мать. Я сейчас от вас с ума сойду. Зимой? На Ибицу? К нотариусу? За завещанием?

Глебушка. Ну, если б с вами Боряйла был, я бы еще понял. Кокос, он до добра не доводит, но...

Борис. Не было этого ничего!

Мать. Так, тихо все. Юрий Владимирович... нет, у вас отступлений обычно много... Лёнечка, расскажи, пожалуйста, как было дело.

Глебушка. Вот прямо с того момента, как вы все порог наше-

го логова переступили.

Мать. Да, с порога.

Лёлек. Ну, значит так... Каролина Карловна, а можно я коробку сниму, а то взопрел весь. И неудобно очень.

Мать. Можно. Снимай.

Глебушка. Свой продакт-плейсмент. Ты б еще олвэйс нацепил.

Лёлек (*обиженно*). Что подвернулось, то и взяли.

Глебушка. Это в каком, интересно, новогоднем магазине такие костюмчики продают?

Лёлек. Это мы на шоссе. Потом объясню.

Лёлек вылезает из коробки с надписью Procter & Gamble и остается в спортивном костюме с ретро-аббревиатурой СССР на левой стороне груди и серпо-молотовской эмблемой на спине.

Болек следует его примеру, скидывая Johnson's baby. На спине его спортивного костюма изображена уменьшенная копия картины Папика «Грачи», а грудь украшает надпись «Слава России!» с триколорным флажком.

Глебушка (*хохмит*). А тебе не разрешали.

Болек (*нерешительно*). Каролина Карловна?

Мать. Снимай, конечно.

Болек. Я в домашнее переоденусь?

Мать (*хлопая по столу ладонью*). А вот это нет!

Болек. А why?

Мать. Потому что — not! Тьфу! Развели тут цирк! Лёлек?!

Лёлек (*расправляя затекшие мышцы*). Ну вот, значит, поехали мы... Ну как вы, Каролина Карловна, и приказали. К нотариусу. А он (*показывает на Адвоката*) по дороге быковать начал. Мол, незаконно, то да се. Ну мы вначале думали с Бенею ему объяснить. Растолковать, так сказать. Но с другой стороны, вроде как и адвокат типа. Короче...

Глебушка. Да, короче...

Болек. Ну, короче, мы ему объяснили, что ехать надо.

Лёлек. Короче, приехали мы. А эти за нами увязались.

Мать. Это не эти. Это Роман Андреевич и отец Сергей.

Лёлек. Ну да. С этими мы, короче, и приехали.

Мать. На Ибицу?

Лёлек. Не, на Ибицу это мы уже потом. А в начале в контору. К Исааку этому. А она закрыта. Ну мы звонили, короче, а нам, короче, никто не открывал.

Мать. Так вам никто и не должен был открыть. Он же улетел!

Лёлек. Ну да. Не открыл. Мы еще позвонили и ушли.

Мать. Я вас туда зачем посылала?

Болек. Съездить.

Мать. Съездить и взломать нотариальную контору!

Болек. Yes, indeed.

Мать. Что – indeed? Говори по-русски!

Болек. Так мы и съездили.

Мать. Но ведь не взломали!

Лёлек. Каролина Карловна, я вам сейчас объясню все. Мы звонили, звонили, а тут звонят...

Мать (*поворачивается к дверям*). Где?! Где звонят?

Лёлек. Не тут... там... Короче, этому лоху (*кивает на Адвоката*) сам нотариус вдруг позвонил... Короче, они перетерли что-то, и мы поехали.

Мать. Куда?!!

Болек (*с интонацией – «спрашивает тоже»*). Ask, Каролина Карловна... В аэропорт, конечно. Ну чтоб на Ибицу...

Борис. Зачем?

Болек. Ну к нотариусу. Типа.

Борис. Для чего? Он что, на Ибицу с собой наше завещание повез, что ли?

Лизон. Ой, не, ну я угораю просто!

Мать. Роман Андреевич, может, вы что-нибудь объясните?

Партнер по бизнесу. Если честно, не могу, Каролина Карловна.

Мать. Почему?

Лёлек. Так он бухой был.

Глебушка. Чё ты несешь, архаровец?! Он на поминках несколько рюмок выпил.

Лёлек. Так пока до конторы доехали. Мы ж с Рублевки-то быстро выехали, а дальше пробень. Говорили, вроде какой-то джип в бензовоз въехал. Менты с пожарниками все оцепили, кругом полыхает. Ни туда, ни сюда. А рядом магаз как раз был. Ну, они с попом за вискарем и вышли.

Мать (*поправляя*). Это – отец Сергей. Кто – они?

Лёлек. Мишаня, Роман Андреевич, ну и этот – батя. Мы их потом еле в самолет погрузили.

Михаил. Что ты сдаешь-то всех?!

Отец Сергей. Иудово отродье!

Лёлек. А я чё, я по правде, как было... Тачку мы в аэропорту кинули. Болек билеты купил, мы и полетели.

Мать. Михаил, ты тоже ничего не помнишь?

Михаил. Нет, ма.

Мать. Отец Сергей, ну а вы?

Отец Сергей. Сие есть тайна неведомая...

Глебушка. Нормально ты, Сергунь, разговелся. Пьяный русский поп на Ибице. Я тебя очень хорошо там представляю. В рясе, с крестом, и в хлам. До положения риз, в смысле.

Мать. Но позвонить-то вы могли, что улетаете?

Михаил (*задумчиво*). Могли. Но не позвонили. Извини, ма. Мы думали, мы быстро.

Болек. Соггу, конечно, большие, Каролина Карловна.

Лизон. У меня сейчас атомный взрыв в голове будет.

Борис. Ничего не понимаю. Хорошо, вы прилетели на Ибицу. А кого мы тогда похоронили?!

Пауза. Все переглядываются.

В этот момент на полу приходит в себя Настенька. Она поднимается и присоединяется к остальным.

Глебушка (*язвительно, Настеньке*). Бодрый день, веселая минутка! А мы тут шарады без вас разгадываем. Мозгом не подсо-

бите?

Михаил. Ты где была?

Настенька (*вздрагивает*). А? Не знаю. Но там так хорошо. И вас никого нет.

Михаил. Что-то я таких мест не встречал.

Глебушка. Эт точно. Мы ж как тараканы — везде и всюду. Нас ни один дихлофос не берет. (*Михаилу*) Да она на полу у елки валялась. Сил набиралась.

Мать. И в самом деле, а кого мы вместо вас?.. (*Озабоченно рассматривает руки в бриллиантах.*)

Михаил (*Матери*). Ма, у тебя новые кольца?

Мать (*неохотно*). Да.

Михаил. Любопытные. И огранка красивая. Новогодняя распродажа была?

Глебушка (*показывая на средний палец правой руки Матери*). Этот называется — «Папик». А этот (*показывает на другой палец*) — «Воскресший Миша».

Михаил. Что-то я не возьму в толк...

Мать (*резко сжимает пальцы в кулаки и прячет руки под стол*). Неважно! (*К остальным.*) Повторяю. Шесть человек, между прочим, похоронили!

Настенька (*вклиниваясь в разговор*). Беня... а у тебя какой номер на джипе?

Болек. Три кола, of course. Адвокат еще в прошлом году подогнал.

Глебушка (*хлопает ладонью по лбу*). Ба! Спасибо тебе, Настурция, от всего Рублевского народа! Теперь все понятно! Мы тех, кто в бензовоз влетели, и кремировали. Тоже, небось, какие-нибудь блатняки ехали. В Мырреево свое. А менты, как всегда, особо ни во что не вдавались. Номера и марку машины сверили, а дело по быстрому закрыли, чтоб статистику перед Новым годом не портить. Трупы-то после встречи с бензовозом опознать нельзя было... Во страна, во муть, каждый первым хочет быть. Всё спешим. Даже в ад... Ну а мы со своей стороны просто провели ассенизаторскую работу. Кстати, кстати... (*Под-*

нимается, проходит к камину и одну за другой бросает в огонь фотографии в рамках с креповыми лентами; оставляет только фотографию Папика.) С вашего наилюбезнейшего дозволения... Надеюсь, никто не против?

Все, как заипнотизированные, смотрят на действия Глебушки. Рты у некоторых открываются в беззвучном крике.

Михаил (с обалдевшим видом тянет руку к камину). Ты зачем это?..

Глебушка насвистывает и, как ни в чем не бывало, возвращается на место. Фотографии в рамках полыхают в камине ярким пламенем.

Глебушка (похлопывая Михаила по плечу). Импровизированная кремация. Как с куклами Вуду. Хоть так себя порадовать. Или, может, тебе нравится с черной лентой стоять, на нас глядеть? Смотри, раздвоение личности, не ровен час, начнется. Да и вряд ли вы в ближайшее время опять погибнете. Хотелось бы, конечно. Но, видимо, судьба не на нашей стороне.

Михаил. Придурок! И как тебя земля только носит?

Глебушка. Так же, как и тебя. Вздыхая.

Мать. Хватит идиотничать! (Ко всем.) С бензовозом, пожалуй, ясно. Могло и так случиться. Мы и правда никого из вас не опознали. Хотя бред, конечно. Они же — те, кого мы похоронили, — не иголки в стог сена. Их, что, никто не ищет?

Глебушка. Новых нарожают. Таких же.

Мать. Ладно, нас это не касается. Дальше что?

Адвокат. Ну, если не вдаваться в подробности, на Ибице мы встретили нотариуса и...

Глебушка. Перетерли?

Адвокат. Не перебивайте, пожалуйста, Глеб Вадимович... и Свету.

Глебушка. Это еще что за кукла?

Адвокат. Так вот она. *(Показывает на Снегурочку, сидящую в кресле и смотрящую телевизор.)*

Светик разворачивается ко всем и машет ручкой.

Мать. Вы кто такая?

Светик. Света. Секретарша.

Мать. Кого?

Светик. Вадика.

Мать. Какого еще Вадика?

Светик. Ну, Вадима Альбертовича. Мужа вашего. Бывшего уже.

Длинная пауза. Все смотрят на Светика.

Глебушка. И давно у нас секретарши по Ибицам, прости Господи, паломничают?

Борис. Еще пару таких сюрпризов, я сам в гроб лягу.

Мать *(сквозь зубы).* Подойдите-ка сюда, до-ро-га-я. *(Светик подходит к остальным.)* Ну... рассказывайте.

Светик. Я на Ибике у подруги была.

Глебушка. С уборщицей папика? Или, может, с поварихой?

Светик. Я на свадьбу ездила. К Жанне... Ну вы не знаете... Она замуж за одного испанца выходила. У него плантации.

Глебушка *(подмигивая Борису).* Кокаина?

Светик. Апельсинов. Богатый очень. Они мне и билеты оплатили. Туда-обратно. *(Извиняющимся голосом.)* Я на несколько дней только съездила. На Ибицу вашу. Извините.

Борис. Она такая же наша, как и ваша.

Мать. Хорошо. Легенда принята. Дальше.

Светик. А Юрия Владимировича с коллегами мы уже в аэропорту на обратном пути встретили.

Глебушка. Понял, Лёлек? Вы теперь с Юрасиком коллеги. Смотри, не подведи.

Лёлек *(кивая на Глебушку).* Каролина Карловна, уводить?

Мать. Пусть сидит. Кто это – мы?

Светик. Я и Жанна с Гонсалесом. С мужем, то есть.

Борис. А они где?

Светик. В «Национале». У них вроде как медовый месяц. «Золотое Кольцо», Сибирь. Гонсалес очень хотел Родину жены увидеть.

Глебушка. Вот твоя Жанна его там и оставит. Нормальные люди из нашего Гулага бегут.

Мать. Не отвлекайтесь. Что дальше было?

Светик. Ну мы вместе и полетели. А они меня и пригласили. К вам. По пути мы костюмы купили.

Глебушка. Johnson's baby? Это где ж такое продают? В каком магазине ужасов?

Светик. Им не понравились костюмы. Там зайки только оставались и ежики.

Глебушка. А чем это Лёлек не зайка? Вполне даже. Вон, Роман Андреевич у нас вообще снежинка. Не побрезговал.

Партнер по бизнесу (*потупив глаза*). Я хотел, чтоб смешнее.

Глебушка. Не оправдывайтесь, Роман Андреевич. Сейчас за это не сажают. Да, Юрасик? Итак, как вас там... Светик. Как на наших архаровцах продакт-плейсмент прозападный оказался?

Светик. Не знаю, они на шоссе останавливались. Там такие специально обученные люди в этих коробках рекламки раздавали.

Глебушка. Чую, мы скоро ментов увидим. Что у вас там, чуки-геки, получилось? Грабеж, разбой?

Болек. Мы красиво попросили.

Глебушка. И простые гастарбайтеры вам просто так отдали чужой реквизит?

Лёлек. Ну не так чтоб просто. Мы объяснили.

Лизон. Не, ну я не могу!

Глебушка. Бакланы! Объяснили они.

Мать. Продолжайте, Светлана.

Светик. А, собственно, всё. Мы к вам приехали.

Мать. Ясно. Присаживайтесь, *(с прищуром)* Све-та.

Все молчат, переваривают информацию.

Борис. Забавно. А я вот что-то ее у папы в секретаршах не припомню.

Михаил. Она недолго работала. Пару месяцев всего.

Лизон. У нашего папки — это супер как долго.

Мать *(Светику, подозрительно)*. Видимо, угодили вы ему чем-то.

Глебушка *(подмигивая)*. А, Светик? Колись.

Борис. Мне кажется, мы теряем нить разговора.

Мать. Да. Так, где нотариус?

Адвокат. На Ибице.

Мать. Почему?

Партнер по бизнесу. Новый год празднует. Плюс казино там. А у него страсть...

Борис. Идиоты какие-то! А завещание?!

Адвокат. Вот. *(Лезет в карман и продолжает говорить.)* Мы, Каролина Карловна, как сделали... Я с Исааком поговорил, мы и полетели, потому что разговор не очень телефонный. Ну, сами понимаете... А Исаак мне ключи от офиса дал. Объяснил, что где лежит. Мы когда вернулись, то первым делом в контору заехали. Я завещание и забрал. Почти по закону получилось. Да, кстати, я тут отчет привез, еще в самолете составил. Тут за Ибицу, и прочие расходы. Вроде как командировочные. *(Вытаскивает конверт с завещанием и подсчеты.)*

Мать. Я за ваши курорты платить не буду!

Адвокат *(разводя руками)*. Ну, Каролина Карловна... Мы же по делу ездили.

Борис *(подскакивает, вырывает конверт)*. Давайте сюда его скорей! Мам! Он вскрыт!

Михаил тут же бросается к Борису и выхватывает у него конверт.

Мать. Как вскрыт?! Михаил?!

Михаил. Ма, ну не выдержал.

Мать. Так его же нотариус со свидетелями вскрывать должен!

Адвокат. Обижаете, Каролина Карловна. Исаак вернется, все подпишет. Расчетики возьмите, пожалуйста. *(По пути забирает у Михаила конверт.)*

Мать. Потом разберемся. Читайте завещание уже наконец!

Все затихают.

Адвокат, одетый в костюм Пингвина, вытаскивает из конверта завещание.

Глебушка. А хорошо ты выглядишь в этом наряде. Вы в судах все в таких прикидах?

Адвокат. Я переоденусь, Каролина Карловна? А то и в самом деле неофициально как-то получается.

Мать *(рвякает)*. Читайте как есть!

Адвокат. Хорошо. Кх... кх... *(Откашливается; громко.)* Завещание! *(Все вздрагивают.)* Я, Вадим Альбертович Кряжистый, проживающий по адресу: г. Москва, Рублевское шоссе...

Мать. Давайте без пафоса и ваших прелюдий. Только по делу. Кому что...

Адвокат. Без статей?

Мать. Без них.

Адвокат *(читает вслух)*. Ну вот... главное... все мое имущество, какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чем бы оно не заключалось и где бы ни находилось, я завещаю в равных долях следующим лицам: моей жене Каролине Карловне Кряжистой... так, дальше паспортные данные, дата рождения, это неинтересно... *(Вскидывает глаза, смотрит на Мать.)* Или прочитать?

Мать. Ни в коем случае! Дальше! Имена только.

Адвокат. Хорошо, значит так... моим сыновьям Михаилу Вадимовичу Кряжистому, Борису Вадимовичу Кряжистому, Глебу

Вадимовичу Кряжистому, моим дочерям Анастасии Вадимовне Кряжистой, Елизавете Вадимовне Кряжистой...

Борис. Уф! Ну наконец-то все прояснилось...

Мать, Настенька, Лизон, Борис и Глебушка вскакивают. Поздравляют друг друга, тянутся к бутылкам. Остальные напряженно и безмолвно сидят на своих местах.

Адвокат (*нервно бегаем глазами и выпаливаем на одном дыхании*). ...а также следующим лицам, оказывавшим мне содействие и всестороннюю помощь при жизни (*Мать, Настенька, Лизон, Борис и Глебушка цепенеют*): Роману Андреевичу Найденышеву, Юрию Владимировичу Тихонькому, Валерьяну Самуиловичу Жидоморову, Леониду Ивановичу Жмых и Бенедикту Степановичу Голомызда...

Мать (*обрывает Адвоката и хлопает ладонью по столу*). Дальше можете не продолжать!

Лизон. Нормально так...

Борис. Лихо вы... (*Пауза*.) Как пирог порезали...

Глебушка. Молодцы! И жидомора с гастарбайтерами не забыли! Сергунь, это ты, что ли, Жидоморов?

Отец Сергей. В миру.

Глебушка. Сильно. А что, Светика не вставили? Как она теперь по Ибицам мотаться будет?

Настенька. Вы обманули нас? Да как вы могли?!

Михаил (*кричит Адвокату*). Я же говорил, что они раскусят! Не надо было Болека с Лёлеком вставлять!

Глебушка. Да вы чё, идиоты? Белыми же нитками все шито.

Мать. Где *нормальное* завещание?

Михаил. Ма!

Мать. Не мамкай! Ты мне не сын больше! Юрий Владимирович, как это все понимать? Где документ?

Адвокат кивает в сторону Михаила. Тот вылезает из костюма Снеговика и начинает рыскать по карманам.

Михаил. Сейчас, сейчас...

Мать. Немедленно объяснитесь, Юрий Владимирович!

Михаил. Куда же оно подевалось?

Адвокат. Дело в том, что то, что Вадим Альбертович изволил написать, нас в некотором роде не устроило. Вот мы и решили... чтобы по-честному... всем... Мы же тут в одной упряжке как бы получаемся, и свидетелей очень много. Ну, чтоб никому обидно не было.

Мать. Что вы за ахинею несете?! Миша, где завещание?

Михаил (*разводит руками*). Нет его. Везде уже посмотрел. Сюда ехали – было, а сейчас нету.

Мать. Ищи!

Михаил. Ничего не понимаю.

Мать. Ищи лучше! А вы рассказывайте, Юрий Владимирович, рассказывайте!..

Адвокат. Так а что рассказывать?.. (*Пауза*.) Он вас всех наследства лишил.

Лизон. Бли-ин! Какой обломище! Я так и знала!

Настенька. Папа? (*Поворачивается к камину*.) Как же ты мог? Я не верю...

Борис. Это неправда! Неправда!

Глебушка. Даже не удивляюсь.

Мать. Я вам не верю. Он не мог этого сделать.

Адвокат. И тем не менее сделал. Без указания причин. Перечислил всех, чтоб сомнений ни у кого не возникало. И лишил.

Мать (*обращается к приехавшим*). Это правда?

Те кивают головами.

Мать. Это невозможно просто! Я пока своими глазами не увижу... (*Михаилу*.) Нашел?

Михаил. Я понятия не имею, где оно.

Мать. Хорошо, тогда я вызываю милицию.

Михаил. Ма, ну правда.

Мать. Леонид! Звони.

Лёлек. Не буду.

Мать. Что значит – не буду? Метнулся быстро, я сказала!

Лёлек (*набывчившись*). А меня устраивает, что там (*кивает на поддельное завещание*) написано.

Борис (*срываясь на бабий визг*). Что?! Что ты сказал, житомирский выродок?

Лёлек (*растегивает молнию спортивного костюма и выхватывает пистолет из-под мышки*). То, что слышали.

Борис (*отступая*). Это как... как так?

Мать. Лё-ё-ёлик! Что я слышу?

Болек. Я согласный. Там ща нормально написано. А по той маляве все бы на нулях остались. (*Спокойно вытаскивает пистолет из кармана тренировочных штанов*.) Большие соргу, конечно, Каролина Карловна, но делиться надо...

Глебушка. Ну ты и голомызда!

Присутствующие делятся на два лагеря. По одну сторону становятся Мать, Борис, Глебушка, Настенька и Лизон. По другую – Михаил, Адвокат, Партнер по бизнесу, отец Сергей, Болек и Лёлек. Светик оказывается в стороне.

Мать (*кричит*). Это уголовщина! Вы подделали завещание!

Болек. Лучше по чесноку подделать, чем всем без бабла остаться!

Мать. Миша, как ты мог! Я не верю! Где завещание?!

Михаил. Ма, оно было! Я не знаю, куда оно делось!

Борис. Да ты охренел вообще! Что ты беспредельничаешь! Ищи!

Михаил. Я не знаю, где оно!

Глебушка (*Болеку и Лёлеку*). А вы пультите в нас, пультите – из волюнок своих! На меньше частей делить придется!

Лёлек. Надо будет – пультну!

Настенька. Миша, ты семью предал!

Михаил. Никого я не предавал! Мы как лучше хотели!

Мать. Гони сюда бумагу! Я не верю! Я этой суке лучшие годы

отдала, он не мог меня наследства лишить.

Партнер по бизнесу. Каролина Карловна, это правда!

Отец Сергей. Христом Богом клянусь! *(Осеняет себя крестным знамением.)*

Глебушка. Глохни, Жидоморов! На те креста негде ставить! Вся шкура татуировками забита!

Лизон. Миша – ты отмороженный! Ты зачем с ними поделился?

Михаил. Они – свидетели!

Глебушка. И что, что свидетели?! У тебя с дядей Славиком опыт большой! Какая на хрен разница, вертолеты взрывать или самолеты!

Михаил. Что ты на меня гонишь все время?!

Борис *(верещит и топает ногами).* Где завещание?! Ссццу-укки!

Борис подбегает к картинам, снимает одну со стены, устремляется к Михаилу и со всей силы бьет брата по голове. Холст трещит и лопается – картина покачивается на шее у Михаила.

Настенька. Шагал! Шагал! Убью! *(Бросается с кулачками на Бориса.)*

Борис. Отвали, дура! Это «Венский бал в Манеже». На них вон лучше бросайся!

Глебушка *(рассматривая холст).* «Венский бал» на втором этаже. Это – Кандинский. *(Обращается к Адвокату.)* Плакал твой гонорар, Юрасик. Но не переживай, мы тебе потом кремимальные выпишем. А урну в трехцветный флаг завернем. *(С силой бьет ладонью по раме. Картина, как качели, раскачивается на шее Михаила.)*

В этот момент Лёлек от неожиданности выстреливает в пол. Стоящий рядом Адвокат визжит и валится на пол. С криком: «Мы вас кремируем! Мы ваш прах над Кремлем развеем!»

Глебушка тут же бросается на Лёлека и выбивает пистолет. Начинается драка. В ней участвуют все, кроме Светика. Лизон хватая вилку со стола со всей силы всаживает «фамильное» серебро Лёлеку в руку. Тот орет. Болек подсказывает к Лизону и бьет ее по голове. Мать летит к Болеку и цепляется ему в лицо. Болек закрывает лицо руками, орет и роняет пистолет на пол. К пистолету устремляется Борис. Отец Сергей ставит ему подножку. Тот спотыкается и падает. Настенька бросается на отца Сергея сзади. Хватает его зубами за ухо, пальцами располосовывает лицо. Борода Деда Мороза летит в клочья.

Светик спокойно наблюдает побоище. Улучив момент, подбирает пистолеты.

Тем временем драка перетекает на лестницу. Затем все оказываются на втором этаже около «Грачей» и через какое-то время снова валяются вниз. Михаил шныряет туда-сюда с картиной на шее.

Светик подходит к елочке. Выключает и включает гирлянду.

Светик (обращается к дерущимся). Эй! Вам светомузыка не нужна?

Никто не реагирует.

Светик (громко). Эй! Рублевские! У меня завещание! Эй! У меня!

Все затихают прямо на полу. Раздаются стоны. Все смотрят на Светика в наряде Снегурочки и с пистолетами в руках. Она взбегает по лестнице наверх.

Светик. С Новым годом!

Борис (с пола). С Новым...

Светик (помахивая пистолетами). Так что вы хотели узнать, Каролина Карловна? (Ко всем.) Вы вставайте, вставайте, что вы развалились?

Все поднимаются с пола. Отряхиваются. Михаил снимает с шеи раму.

Адвокат. Я ранен! Нога!

Глебушка. Нога не печень. Заживет.

Адвокат. Вызовите доктора! По-жа-луй-ста...

Борис. Сейчас, разбежались.

Лёлек держится за руку, Лизон за голову, Мать гладит ее по голове и успокаивает, приговаривая: «Бедная Лиза». Глебушка, наблюдая эту сцену, комментирует: «Как это хрестоматийно». Отец Сергей с перекинутым за спину крестом ищет на полу линзы. Остальные более-менее целы.

Болек (Адвокату). Показывай, чё с ногой. Это тебя верняк рикошетом цепануло.

Адвокат медленно закатывает штанину.

Болек. Да ну, фигня. Реально кожу чутка царапнуло. У нас в десантуре...

Адвокат (перебивает). А кровь?! Кровь? Я же умру сейчас.

Лёлек (подходит, смотрит на ногу Адвоката). Ну извини, юрист. Не хотел я. У тебя шкура только задета. Ща перевежем. Где-то аптечка была. Каролина Карловна, не помните?

Мать. Я тебе не Каролина Карловна. Штрейкбрехер!

Глебушка. Ты не поняла, Карловна. Это – врачи без границ.

Лёлек. Ну и хрен с вами. Пусть погибается.

Настенька. Я сейчас бинт принесу.

Светик. Никто никуда не пойдет. Садитесь все. Я сказала, садитесь.

Снегурочка-Светик направляет на всех пистолеты.

Лёлек. Кишка тонка.

Лёлек с глумливой улыбкой поднимается по лестнице.

Светик совершенно спокойно выстреливает в ступеньку рядом с ногой Лёлека.

Светик. Следующая – в живот. Хочешь проверить?

Настенька (Лёлеку). Садись. Умоляю.

Все рассказываются. Отец Сергей промывает найденные линзы в бокале, запрокидывая голову, вставляет их в глаза и морщится. Адвокат ковыляет к столу, вытаскивает носовой платок, смачивает его водкой, прикладывает к ране, болезненно кривит губы и стонет.

Глебушка (Адвокату). В судах лицедействовать будешь.

Адвокат (Светику). Это захват заложников, между прочим.

Светик. Да? Ну это вы потом решите. Захват или освобождение. Вам, наверное, всем очень интересно узнать, что же с заведением? Я с удовольствием вам отвечу. Оно в надежном месте.

Светик спускается. Останавливается на середине лестницы. Пауза. Все смотрят на Светика.

Борис. В каком – надежном?

Светик. Давайте по порядку. Вы наливайте. Разговор будет долгим. (Оценивает обстановку, совершенно спокойно проходит к столу.) Я жду, Борис. Новый год все-таки...

Лёлек весь подбирается, готовый броситься на Светика.

Светик (Лёлеку). Не советую. Невыгодно просто. Сейчас объясню почему.

Мать (делает движение рукой, останавливая Лёлека). Вначале послушаем.

Борис и Михаил встают. Открывают бутылки.

Михаил. Кому что?

Светик. Я шампанское буду.

Глебушка. Водку.

Настенька. Вино.

Лизон. Мне шампусика плесни.

Мать. Я, пожалуй, тоже водки выпью.

Борис (*обращается к Партнеру по бизнесу, Адвокату и отцу Сергию*). А вам?

Партнер по бизнесу, Адвокат и Отец Сергей (*хором*). Водки!

Лёлек. И нам плесните.

Борис. Я охране не официант.

Лёлек. А мы не гордые.

Лёлек наливает Болеку. Болек – Лёлеку.

Борис (*Матери*). Вообще, не понимаю, что охрана за столом делает?

Болек. Мы – наследники! Так что – по comments!

Мать (*рычит на охранников*). Пошли вон отсюда! За тот столик садитесь!

Болек и Лёлек неохотно берут свои тарелки с рюмками, но слушаются и уходят к круглому столу с кожаными креслами.

Светик. Ну что, поднимем бокалы, наследнички? (*Держит в одной руке пистолет, другой по-ковбойски засовывает за пояс, подпоясывающий шубку Снегурочки; поднимает фужер с шампанским.*) С Новым годом!

Под дулом пистолета Светика все чокаются бокалами и фужерами. Болек и Лёлек поднимают вверх свои рюмки. Все садятся. Закусывают.

Светик (*смакуя игристый напиток*). Отличное у вас шампанское. Люблю «Асти Мартини», а то все «Советское». У меня

на него изжога.

Борис. Это не «Асти», это — «Кристалл». По штуке баксов за бутылку. Его, между прочим, английские принцы пьют.

Глебушка. И русские нувориши.

Светик. Ну налейте тогда еще фужерчик. Поухаживаете за дамой.

Борис (*разливая*). Натэ. Подавитесь! Чтоб у вас пузыри в горле застряли.

Светик (*смеется*). Не переживайте. Если вы у меня в горле не застряли, то какие-то пузыри тем более не проблема.

Мать. Не томите уже, Светлана. Что там с завещанием?

Светик (*весело*). Рассказываю. Итак, встретились мы на Ибнице.

Глебушка. Еще раз услышу про Ибицу и удавлюсь.

Светик. Как пожелаете. Встретились мы в аэропорту. Я и правда была на свадьбе у подружки... А тут они. (*Показывает пистолетом на ряженых.*) Ну, полетели. В полете разговорились. Места как раз у всех рядом оказались. Юрий Владимирович посоветовал, что меня уволили. Рассказал про смерть Вадима Альбертовича. Про вашу историю с завещанием.

Глебушка. Адвокатская тайна, адвокатская тайна...

Борис. Ты ж говорила, что работаешь, должна была и так знать! Да и чтоб ты и Роман Андреевич в одном самолете летели... Никогда не поверю.

Партнер по бизнесу. Она не врет. Билеты только на эконом-класс были. И то последние взяли. Перед Новым годом же.

Лизон. Бли-и-ин. Я еще могу понять, когда на Ибицу билетов нет, но чтоб обратно не было?

Глебушка. Разочаровали вы нас, Роман Андреевич. Пали, можно сказать, в глазах наших. В одном самолете. И с кем? С кем? С пролетариатом!

Мать. Глеб, прекрати! (*Светику*). Говорите.

Светик. Ну а что касается работы, то меня ваш папенька месяц тому назад еще уволил. Потом объясню, почему... Мы и не общались с ним после этого. Сволочь, даже выходного пособия не выплатил. Я, конечно, понимаю, что о покойниках или

хорошо, или ничего, но вы не обижайтесь — отец ваш все-таки редкостная мразь был.

Глебушка. Без тебя знаем, не затягивай.

Светик. В самолете мы наступающий Новый год отметили. Выпили, значит. А ваши меня и пригласили. Вот батюшка предложил. Сказал, что у вас Снегурочки нет.

Отец Сергей. Неисповедимы пути Господни. В наказание она нам дана, за грехи наши...

Глебушка. Кончай пургу, Сергунь, гнать. Шаблонно мыслишь очень. И вообще сделай бороду проще — народ к тебе сам потянется. В притон твой.

Светик (*Глебушке*). Я продолжаю? Спасибо. Ну я и подумала. А что мне делать на Новый год? Жанна с Гонсалесом в «Национале». А у меня? Денег нет. Работы нет. Однушка в Мытищах. В ней еще три подружки. Из Таджикистана, Белоруссии и Эстонии.

Глебушка. Я смотрю, к нам уже некоторые из Евросоюза валят. Обрато в Гулаг просятс. Что вы там вчетвером за интернациональный вертеп устроили — в деревеньке нашей?

Светик. Вам, Глеб, не понять. Так легче квартиру снимать. Вы хоть знаете, сколько в Москве жилье стоит? Вся зарплата уходит. Или питаться и спать на вокзале, или спать под крышей, но ничего не есть. Одно из двух.

Глебушка (*хмыкает*). Добро пожаловать в Москоу-Сити. То-то у нас девки самые стройные.

Борис (*подозрительно*). А сама откуда?

Светик. Из Краматорска. Неважно. Это на Украине. Вы не знаете.

Глебушка. Гениально! Там в печах живут?

Светик. По-разному. Некоторые в общагах. А кто и в бараках. И не Краматорск, а Краматорск.

Мать. Понаехало вас тут!

Лизон (*тянет*). Ма-асква-а — не рези-и-иновая.

Глебушка (*с издевкой*). Мочи их в сортире, змеюк подколодных!

Светик (*обращается к Матери*). А что, Москва, по-вашему, только таким, как вы, принадлежит? Остальные рожей не вышли? Я, например, еще в э-Сэ-Сэ-СЭР родилась. Столица моей родины Москва была. А потом у меня вдруг столицей почему-то Киев стал. В Эстонии – Таллин, в Таджикистане – Душанбе. (*С искренним удивлением.*) Почему за нас решили? Нас кто-то спрашивал? Почему это дед моей подруги вдруг в оккупанта превратился? А кто-то должен делать липовые приглашения, чтобы въехать на территорию столицы своей бывшей Родины по визе, как иностранец? Я не понимаю.

Глебушка (*кивает на телевизор*). Это не к нам. Это – к грачам. Бабайкам нашим.

Светик. Да, но вы-то все это поддерживаете. Вам же наплевать глубоко, что происходит.

Партнер по бизнесу. Вообще-то это вы все отсоединились, а не мы.

Болек достает из кармана колоду эротических карт, тасует – раздает себе и Лёлеку. Развалившись в креслах, они рассматривают карты и обсуждают изображенных на них обнаженных «дам». Начинают играть в «очко» на щелбаны.

Светик (*Партнеру по бизнесу*). Разве? А мне кажется, вы просто глаза на все закрыли. Плюнули на всех, границы позакрывали, таможен понаставили и только за въезд деньги дерете. И у кого? У своих же бывших сограждан! А я и мои подруги, может, всю жизнь в Москве хотели жить!

Мать. А в Воронеж вас не тянет?

Светик. Не знаю, может быть. Если в Москве не получится...

Глебушка (*Матери*). Ты сама-то, Карловна, была там хоть раз? В Воронеже.

Мать. Была, кстати. Не лучше ее Краматорска, между прочим. Тоже мне патриотка! Запомни, девочка: Москва – не Россия! И что-то я не слышала, чтобы сикухи, навроде тебя, именно в Россию рвались. Нет, все в Москву лезут. Думают, под кошелек

с деньгами лягут — у них сразу брюхо золотым станет.

Светик. А хоть бы и так! Почему одним все, а другим ничего?! И дело вообще не в этом! Я — русская, понимаете, русская! И я не понимаю, чем Воронеж хуже Москвы! Просто я Третьяковскую галерею люблю, Кремль, метро!

Глебушка. Конфискации! Репрессии!

Лизон. Не... думаю, «Националь» с «Марриоттом».

Михаил. Только все они Ленинградским шоссе заканчивают.

Настенька. А я ее, кстати, понимаю. В Воронеже Третьяковки нет. Там, говорят, вообще ничего нет. Бегут все.

Мать (*Светику*). Ты, дурочка, ничего не понимаешь. Наивная очень. Россия, как страна, не существует. Это вы там, в своих отсоединенных вотчинах, русскими себя считаете. Здесь русских нет. И городов здесь нет. Здесь только одно — Москва, москвичи и все остальные. Даже Питер уже давно в провинцию превратился — оттуда все крысы к нам перебежали. Что уж о других городах говорить. И те, кто приезжают в Москву, у них только три пути. Или на стройку, или локтями и мохнатками дорогу в жизни пробивать, или, утерев слезы и сопли, назад возвращаться. Других вариантов нет и не будет. А про Россию и русских с пафосом орут только неудачники на своих безумных пикетах около памятника Пушкину. Нормальные люди деньги зарабатывают. И в Москве неважно — русский, грузин ты или якут. Хоть эскимос. Хоть ты вчера с бананового дерева слез. В Москве одно важно. Есть у тебя деньги и связи или нет. Все остальное: «Нас отсоединили! Я — русская! Кремль!» — это все патриотический бред, не имеющий никакого отношения к действительности. Так что отдавайте пистолеты и поезжайте-ка, милочка, на свой жовто-блакитный Майдан. В палатках жить.

Лёлек (*громко*). Очко! (*С оттягом дает Болеку щелбан. Все вздрагивают.*)

Михаил. Потихе там!

Болек. Ок'ей, Ок'ей. (*Тасует карты. Охранники принимаются играть в «дурака».*)

Светик. Ну уж нет! Мы не договорили!

Мать. Да нет, Снегурочка, договорили мы. И как бы вы тут нам не угрожали, все равно по-нашему будет. Вот увидите. Разберемся только. А я, пожалуй, еще выпью. Боря, налей всем. И там (*к Михаилу*) – на другом конце стола.

Глебушка (*спокойно*). Я прав был. Матрица. Мы все в ней живем. (*К ряженым.*) Ах да, трупики, вы же при разговоре не присутствовали. Воскрешали. Так вот, я тут с Карловной согласен. Все это – Матрица и ее разновидности. Вот Настурция, она в Матрице литературы живет, Светик-семицветик – в путеводителях города-героя Москвы, Боряйла – в кокаиновой Матрице, Роман Андреевич – в нефтяной, Юрасик – в адвокатской, Жидоморов – в религиозной, Лизон, так та вообще в виртуальной, на сайтах знакомств и одноклассников – с фотошопами несуществующих особняков и яхт. Каждый в своей симпатичной программке. Так что Карловна права. Те, кто в Матрице путеводителя сидит, тот в Матрицу рублевскую никогда не попадет. Программа не та.

Отец Сергей (*недовольно*). Я – отец Сергей. Попросил бы с уважением...

Глебушка. Ты, Жидоморов, такой же Сергей, как я апостол Павел.

Борис (*наливая Глебушке*). Хочешь, отгадаю, в какой ты Матрице живешь? В сорокоградусной.

Глебушка. А хоть бы и так. Моя программа мало чем от твоей отличается. Только я кредит у своей печени беру, а ты и еще полстраны – у банков. Иллюзию богатства создавая. Одолжил, купил – заплати проценты. Не заплатил проценты – лишишь собственности и всего того, что одолжил. Ее же нет, собственности, Боряйла! Ты чё, не видишь?! Это – фикция все! Нет всех этих Рублевок, майбахов и бентли. Это все гостиничная жизнь. Вписался – выписался. За сколько вперед проплатил, столько и живешь. А нет, пшел вон из номера. Ты что не понимаешь, что для того, чтобы во всем этом жить, пахать и пахать надо, отдавать и отдавать. Замкнутый круг. Ведь, если вдуматься, противоположность олигарху – это даже не нищий, а должник, он еще

должен долги отдать, чтобы стать нищим. Но разве сам олигарх — не должник? А, Роман Андреевич? Как по-вашему? Хороша ли такая Матрица?

Партнер по бизнесу. Так вообще-то весь мир живет. Это нормально. Ничего нового вы не сказали.

Адвокат. Полностью с Романом Андреевичем согласен. Вы и правда, Глеб Вадимович, никакой Америки не открыли. Сам факт рождения уже к чему-то да обязывает. *(С пафосом.)* От защиты Отечества до уплаты налогов, между прочим!

Партнер по бизнесу. Именно.

Глебушка *(ухмыляясь).* Первый раз от Романа Андреевича конкретный ответ услышал.

Партнер по бизнесу. Более того, Глеб Вадимович, я вам даже секрет долговой ямы могу раскрыть. Всего мира, если хотите. И это посерьезнее того, о чем вы тут говорили. Интересно?

Глебушка. Ну просветите, просветите...

Партнер по бизнесу *(Матери и Светику).* Вы позволите? *(Те благосклонно кивают головами.)* Что ж, тогда смотрите. С точки зрения Глеба Вадимовича — это будет Матрица всеобщего долга. *(Достаёт из кармана толстую пачку денег в дорогом зажиме.)* Это, как известно, британские фунты. Я последнее время, по некоторым соображениям, в них свои сбережения держу. Если так можно выразиться. *(Усмехается и вытаскивает одну банкноту.)* Так вот, исходя из того, что написано на этой бумажке, получается, что мне обещают выплатить по моему требованию определенную сумму, указанную на банкноте. *(Читает без акцента: «Bank of England. I promise to pay the bearer on demand the sum of 50 pounds»* и пускает банкноту по кругу. Сидящие за столом с интересом вчитываются в надпись на купюре. Болек заинтересованно вскидывает голову, старательно вслушиваясь в непонятный язык, но ничего не разобрав, возвращается к игре в карты.) То есть, если я, скажем, прихожу в банк, то мне по этой бумаге должны выплатить пятьдесят фунтов. Причем даже не столько сейчас, сколько обещают это сделать когда-нибудь потом, в будущем. Но сама бумага и есть те самые пятьдесят

фунтов. Получается бессмыслица. Деньги, как некая долговая расписка с обещанием выплатить сумму без указания срока, просто перекочевывают из рук в руки. Более того, хочу вам заметить, что на банкнотах нашей страны даже таких надписей нет. По сути, это просто туалетная бумага. Государство за ее использование не отвечает. Можете сами проверить. Ну а что касается кредитов, то банки, предоставляя заем, дают вам в долг еще и с процентами. Но поскольку, как я говорил ранее, выделенная вам сумма уже сама по себе является долгом банка вам, то банк, по сути, вам ничего не давая, на вполне законном основании может забрать ваше имущество в случае, если вы в срок не погасите кредит. Думаю, не стоит углубляться в правительственные долги международным банкам и транснациональным корпорациям, когда за долги государства ответственны налогоплательщики? То есть — мы с вами. Вот и получается, что ответственность есть, а денег — нет. *(Спокойно принимается жевать.)*

Отец Сергей *(помахивая банкнотой)*. Я, с вашего позволения, в приходе детальной ознакомлюсь. А то зрение слабое.

Партнер по бизнесу. Ознакомьтесь. И заодно прихожан просветите. Им интересно будет.

Отец Сергей. Всенепременно!

Раздаются редкие хлопки со стороны Матери, затем начинают аплодировать остальные. Светик задумчиво откидывается на спинку стула.

Лизон. Ну вы, Роман Андреевич, и фокусник! С бабками — это вы круто загнули.

Партнер по бизнесу. Это не фокусы, Лизонька. Это — правда жизни. И не мне вам говорить, какой бизнес выгоден государству и будет им поддерживаться. Малый, средний или крупный. Ответ очевиден — поддерживаться будет тот, кто больше всех берет в долг и вешает на себя обязательств. А точнее, электронных долгов и виртуальных обязательств. Поскольку в банках, путем нажатия клавиш, создают даже не деньги, а просто цифры.

Вот так... А вы, Глеб Вадимович, говорите – Матрица. Это даже не Матрица. А пустота.

Глебушка. То-то вы от этих пустых цифр такой сытый налогоплательщик! А впрочем, правильно. Что это меняет? Это только лишней раз подтверждает программу фиктивной собственности и манипуляцию с нашими мозгами. Кстати, вы заметили, что банки уже стали физическими, а не юридическими лицами? «I promise». Я обещаю. Кто это – «Я»? Где тебя, призрак, искать, если что? При таком раскладе никакие реституции с национализациями не нужны. Сами своими руками все и отдадим этому юридическому фантому. Тем более что, кроме долгов, нам и отдавать нечего. Фунт есть, фунта нет. Хопа! Хопа! Внимательно следите за моими движениями. Ничего, кроме ловкости рук. Да нам до тюрьмы и суммы ближе, чем любому бомжу на вокзале. Рабы гламурные! Спасибо папику, хоть наворовать успел. Мы теперь вроде никому не должны... *(Пауза. Тихо.)* ...кроме уголовного кодекса.

Отец Сергей *(аккуратно складывает и прячет банкноту).* Побойся Бога, бесово семя! Какие программы, какая Матрица? *(Осеньет себя крестным знаменем.)* А что до тюрьмы и суммы, так не зарекайся, на все воля Божья, и не нам грешным судить о поступках Его!

Глебушка. Бог? Бес? Очень интересно. Это с каких это пор?

Отец Сергей. С распятия Христа нашего!

Глебушка *(взрываясь).* Жидоморов! Какого вашего? Христос вообще иудеем был! Его римляне распяли! Мы в то время в лесах грибы и ягоды собирали!

Отец Сергей. Иисус Христос есть Спаситель всего человечества. По воле Бога Отца и из сожаления к нам, грешным людям...

Глебушка перебивает отца Сергея, вскидывает руку вверх и резко сгибает ее в локте. С интонацией, с которой кричат: «Йес!», выкликает: «Аз есмь!» Затем срывается с места, взбега-ет на второй этаж.

Светик. Глеб! Немедленно вернитесь на место!

Глебушка (*кричит с балкона*). Подождите! Я на его плешь сверху хочу посмотреть!

Отец Сергей (*проводя дланью по макушке*). Где?!

Глебушка. В душе, Сергунь! В душе! Ты ведь принципиальный момент обозначил. Человек – тварь дрожащая! Человек – ничто, шлак, из праха пришел и в прах обратился. На этом все религии построены. (*Отец Сергей пытается что-то возразить, но Глебушка резким движением руки его останавливает.*) Подожди, Сергунь, меня проповедью грузить. Дай мне, грешнику, из ЭМ-Гэ-У вылетевшему, высказаться. А там проповедай. Вот смотри, сотни тысяч лет тому назад появились мы (*раскидывает руки в стороны*) – Боряйлы и Глебушки. Мы собирали плоды и удили рыбу. Мы боролись со зверьем и стихиями. Рождались и помирали. Эволюционировали и деградировали. Испускали дух и снова возрождались. Тащились от запаха трав, потому что анаши тогда не было. И все это время пытались понять, кто мы и зачем на этом свете. И в итоге так и не поняли...

Отец Сергей (*орет, запрокинув голову вверх*). От того, что грешен человек и от Бога Отца нашего оторван!

Глебушка (*кричит с балкона*). Так в этом-то и фишка, что не оторван он! Что Бог – это вопрос только личной веры, а не знания. А вера всегда порождает сомнения. Это то же самое, как верить в какую-то звезду во Вселенной, которая всем управляет и которую надо почему-то непременно бояться, но при этом она давно умерла, а до нас только ее свет доходит! Сергунь, что вы нам годами впариваете? О чем вы все? Бог – это метафора! А любая религия – лишь традиция. Между одним египетским Аменхотепом и другим прошли тысячи лет! Сергунь, ты хоть это понимаешь? И никаких талмудов с запретами и страшилками! Я не буду сейчас обсуждать ваши талмуды. Деструктивны они или гениальны. Но ты мне можешь объяснить, почему одни сказания вы признаете каноническими, а другие упорно считаете апокрифическим мусором? Будто речь не о Священном Писании идет, а о новой редакции уголовно-исполнительного

кодекса. И не Бог, заметь, это когда-то решал. А вполне себе человеческий Собор — голосованием и перевесом в несколько голосов... И вообще, скажи мне, почему я должен жить под страхом постоянного наказания? Почему я, родившийся весом три пьятсот и ростом пятьдесят один, и еще ничего не сделавший в этом мире, кроме пука новорожденного, уже изначально грешен? И шаг вправо, шаг влево — мне грозит геенна огненная? Да это тот же расстрел, что при военном коммунизме. Только при коммунизме тела расстреливали, а религия — душу убивает. Да, да, Сергунь! Религия не помогает человеку обрести себя. Она его гнобит. Она его душу в кандалы извечного страха заковывает. В историю каких-то там, не имеющих никакого отношения ни ко мне, ни к Лизону, ни к Светику согрешивших Адама и Евы! В оковы ваших постмодернистских романов всех времен и народов, где что не слово, то — вынос мозга! Это и есть — Матрица! Почему я, думающий человек, пусть даже и сильно пьющий, но — Человек! — должен верить в ваши баллады двухтысячелетней давности? Когда самому человечеству несколько сотен тысяч лет?! Когда, кроме религиозных сказаний, вы только вдумайтесь все, нет ни исторических данных, ни воспоминаний современников о плотнике, вознесшемся на небо! Когда все христианские обряды и символы вообще из язычества взяты! Жидоморов, ответь мне! Как так?

Отец Сергей (*свирепея*). Какое язычество?! Что ты несешь, нехристь?!

Глебушка. Какое?! А просвети нас тогда, почему христианские праздники совпадают с праздниками древнего Вавилона? Откуда вообще в Вавилоне могли появиться Иштар-Семирамида, непорочная мать Таммуза, а в Египте — Исида, непорочная мать Гора? Отчего иконы Девы Марии с младенцем Иисусом один в один совпадают с их изображениями? И почему Семирамиду рисовали с «христианским» (*показывает пальцами кавычки*) крестом за тысячи лет до возникновения самого христианства? А как насчет «пасхального» яйца Иштар? А как по поводу мифа о Гильгамеше — о Всемирном потопе? А нимбы святых, взятые

у солнечных богов со свечением вокруг голов? А двенадцать месяцев-апостолов? А Рождество — как гениально изложенная история о зимнем солнцестоянии? История, ни больше ни меньше, — о возрождении Солнца! Очнитесь же вы все, наконец!

Лизон. Откуда ты это все знаешь, дурачок?

Глебушка. Потому что книги читать надо! Не гламурные! И не на пиар вестись, а своей башкой думать!.. Да, если хочешь знать, Жидоморов, то склонность к вере связана всего-навсего с составом химических соединений в мозге. И это уже не первый год как доказано. А многие религии вообще на одних и тех же легендах построены. Остальное — это символизм, сюрреализм и постмодернизм. Это — форма. Это — кружки литературные! Мы с такой же легкостью кришнаитами могли оказаться. Просто по месту своего рождения. А вы всё кресты на себе рвете! Да от масштабов вашего религиозного мошенничества просто дух захватывает!

Отец Сергей *(вскакивает с места, грозит Глебушке посохом Деда Мороза и топает ногами)*. Ересь! Ересь! Ересь! Грешник ты! Это бесы в тебе горланят! Покайся!

Глебушка. Не буду! Не буду я каяться вашей Матрице! *(Раскидывает руки в стороны; стоит в виде креста; высвечивается прожектором)*. Вы же погружаете всех в одну и ту же формулу: страх, контроль, наказание. Это что ж получается, что пигмей из африканского племени — он зря свою жизнь прожил? Что, алеут зря в снегах мерз? Да мы и православные только потому, что нас в детстве покрестили. Только поэтому. А некоторых так вообще уже в сознательном возрасте. После комсомола и партии. Таким же принудительно-пиарным методом. И не удивительно, что наш папик вначале партбилетом размахивал, а потом свечи принялся ставить. Всем своим партийным кагалом.

Отец Сергей. Прозрел он.

Глебушка. Папик? Прозрел? Я тебя умоляю. Он на мир вообще глазами бетономешалки смотрел. Это самый прожженный циник во все времена был. Он ни в Брежнева, ни в Иисуса не верил. Ему плевать на все эти коммунистическо-

христианские бредни было. Со всей своей неправославной колокольни. Он вообще один раз на Рождество, знаете, что брякнул? «Воистину воскрес!» Как вам? Нормально?! На Рождество! А умер, кстати говоря, немолодым человеком, и не в нищете, а богатой сволочью! И будут его черти на сковороде жарить или нет, никто этого не узнает... Его вообще — здесь зажарили! Вы хоть знаете, кстати, что вы с ним сотворили? Слабонервным просьба заткнуть уши! Так вот, слушайте, гламурщики и гламураги! Вначале от высокой температуры лопаются глаза. Затем назад откидывается голова, православные руки, скрещенные на груди, раскидываются, ноги сгибаются, а верхняя часть туловища приподнимается. В глазных, ушных и носовых отверстиях, а также во рту бурлит и клокочет кровь. Швы черепной коробки расходятся. В это же время обозначаются кости конечностей и грудная клетка, а голова отделяется от туловища. Почти одновременно с горением костей разваливается череп и обнаруживается мозг, который полыхает зеленоватым пламенем. Экологично, эстетично, практично!

Лизон. Меня сейчас вырвет!

Глебушка. Не вырвет! Нюхни ацетона!.. Так что, если на то пошло, ад вы ему уже *здесь* устроили, пра-во-сла-вны-е вы мои! Кремацию с дефекацией!

Настенька. Папа жертвовал много. Ему зачтется.

Глебушка. Где? Где зачтется? В президентском фонде, в который он так альтруистично отстегивал?! На том свете? На каком? Где это «тот свет» находится? В какой книжке? Вы хоть знаете, что люди, пережившие клиническую смерть, по возвращении с того света все разное видели? Одни — Деву Марию, другие — Будду, третьи — Мухаммеда, четвертые — вообще кукиш с маслом. Потому что — Матрица. Все в башке! Как там у вас, Сергунь, «по вере вашей»? Вот это и есть основополагающее. Вера каждого отдельного человека. Вера в Бога, но Бога — в себя! В себя! И я никогда не поверю, что атеист хуже христианина! И если уж на то пошло, то именно ваша инквизиция миллионы трупов

по всем странам положила. Именно с именем Бога на устах. Сам подумай, вы же на шее крест носите. Орудие пыток! Да вы весь коммунизм-атеизм на годы вперед переплюнули! Потому что есть вера, а есть – кровавая пропаганда!

Отец Сергей. Нечестивые разговоры ведешь, нехристь! Сектантские! А инквизиция к православию не имеет отношения! Это – католики!

Глебушка. Ты еще скажи, это ошибки на производстве были! Сергунь, да что вы друг на друга кривыми перстами тычете? Православные на католиков, иудеи на мусульман, ортодоксы на сектантов, коммунисты на капиталистов, туземцы на гастарбайтеров. Все вы именами своих богов одни и те же дьяволиные делишки прикрываете!

Отец Сергей. Это какие?

Глебушка. Всех в свои Матрицы загнать. В свои салоны ритуальных услуг. Только у одних ритуал креститься, а у других – лоб зеленкой мазать. Да вы же друг от друга ничем не отличаетесь! У вас же самый главный Храм на деньги воров восстановлен, гэбни бывшей и их прихлебателей! Папенька, кстати, тоже к его куполам приложился! Копытом своим! Покайтесь!

Отец Сергей. Повторяю, то, о чем изволишь речь – это дьявол в тебе беснуется! Отступник ты! А Храм на пожертвования народа восстановлен!

Глебушка. Папенька – народ? Может, Роман Андреевич – народ?! Да ты где, Жидоморов, у народа такие деньги видел? И он мне еще будет про дьявола рассказывать! О чем ты? Да вы же и есть самые настоящие бесы! Олигархи, попы, полпреды, губернаторы, бандиты. Вы же болезные все. Вы же одним и тем же вирусом по самую церковно-гэбэшную маковку заражены. Вас снова пора от государства отсоединять! У вас же и епитимьи, и индульгенции в одних и тех же руках! И какой бланк вытащить – это только от величины жертвований зависит! У вас же все тайные обряды давно уже в зомбоящике проходят! При телекамерах и фотожабах, убирающих брюхо. Вы же не стесняетесь никого! Вначале креститесь, а потом этой же ру-

кой журналистов отстреливаете – над пропастью во лжи!.. И не Храм вы восстановили, а бассейн в террариум превратили! Потому что нет Солнца в вас! Но зато оно в каждом рисунке! *(Не поворачиваясь к картинам, показывает за спину – на «Грачей».)*

Мать. В нас, а не в вас.

Михаил. Кто отстреливает? Отец Сергей? Ты сколько выпил?

Глебушка. Не отец, так крестник его какой-нибудь на лексусе с козырными номерами. Это же все одна шарашкина контора. Одна рука вешает, другая – грехи отпускает! И нет никакого промысла Божьего, есть людские алчность, трусость и лицемерие! А история страны так вообще на трех черепахах держится – мумификация, эксгумация и кремация!

Сбегает по лестнице вниз, становится у стола, жадно пьет воду и валится на свое место.

(Тихо; в сторону). А Бог есть. Есть. Не может не быть.

Партнер по бизнесу *(пугливо озираясь).* Вы, Глеб Вадимович, поосторожней со словами. Тридцать седьмой не так уж давно был...

Глебушка. Что, эхо репрессий в ушные мембраны отдает? Оглохнуть боитесь?

Партнер по бизнесу. Ничего я не боюсь. Опасаюсь. Мало ли...

Глебушка. Вы еще, чтоб в вашу лояльность поверили, слезу для правдоподобия смахните и промурлыкайте, что офицеров бывших...

Глебушка осекается и смотрит на вскочившую Настеньку, которая устремляется к отцу Сергию.

В этот момент Лёлек накладывает Болеку по карте на плечи.

Лёлек *(смакуя).* А вот те и погончики из шестерок-блондинок!

Болек (*недовольно*). Я рыженьких люблю. Блондинки — тупые.

Лёлек. Ты вообще в курсах, что все рыжие — это крашенные блондинки?

Болек. В натуре? (*Оценивающе смотрит на коллегу*) Вашу Машу, вот ведь — везде разводилово!

Лёлек (*подтрунивая над Болеком*). Of course. Ясен пень.

Настенька (*пока общаются охранники, она только размахивает кулачками, тяжело дышит и подбирает слова*). Вы, отец Сергей, — трус! Вам что, сказать ему нечего?! Я вами разочарована! Как же вы в своем приходе проповедуете? Почему не оппонируете? А между тем, он вас просто провоцирует. Я сама видела, как он свечи ставит. И крест у него нательный есть! Да, да! И крестится Глебушка так же, как мы, и Богу молится, и даже «Отче Наш» наизусть знает! Я знаю, я видела!

Михаил. Да ну?

Настенька. Да! Только у него полная каша в голове. Вот он эту кашу на нас и выплескивает, а мы только и утираемся. У него же своего мнения нет, и никогда не было. Начитается разных книжек, а потом сам же и разобраться не может, где правда, а где ложь! С ним, если хотите, вообще разговаривать и спорить бессмысленно! Его нельзя воспринимать серьезно! Вы копните поглубже. Он же поверхностный весь. Все смешалось — Аменхотеп, коммунизм, кресты! Его вообще лечить надо. От всего — от пьянства, от поисков душевных, от него самого. У него же логика абсолютного шизофреника! Вы что, не видите?! А вы, отец Сергей, сидите тут и мямлите что-то нечленораздельное. Глебушка! Ты же просто бо-о-о-ольной! Ты же — неадеква-а-атный!

Глебушка вскакивает, подбегает к Настеньке и дает ей вялую пощечину.

Настенька (*плюет ему в лицо*). Я даже плакать не буду. Потому что ты — никто! Тебя нет! Ты — пузырь мыльный! А вы, отец Сергей... вы... вы — поп Гапон! Вот вы кто такой!

Отец Сергей (*качая головой*). Отроки, отроки...

Глебушка (*Настеньке; утираясь*). Наплюй в колодец, пригодится – будет из чего пить.

Улучив момент, Борис ловко отбирает пистолеты у Светика, в изумлении наблюдавшей за происходящим.

Борис (*злорадно*). А, сучка! Отвлеклась! Где завещание, дрянь?!

Мать (*кривя губы в ухмылке*). Я же говорила, милочка. По-нашему будет.

Светик (*спокойно и равнодушно*). Как знаете... Тогда вообще без всего останетесь. Вас же Вадим Альбертович наследства лишил. Так что прошу ко мне в гости, в Мытищи. Можете на кухне устроиться. Если поместитесь, конечно. (*Обращается к Партнеру по бизнесу*.) Положите мне, пожалуйста, во-о-он тот салатик. (*Передаёт ему свою тарелку*.) Вообще, вас послушаешь, отравиться хочется. Никаких денег не надо.

Настенька (*Светику*). Я не верю ни одному вашему слову!

Светик принимает тарелку и спокойно начинает есть. Борис трясет пистолетом.

Борис. Куда ты его спрятала?

Светик (*жует*). Неважно.

Борис. Я тебе сейчас пулю в лоб всажу!

Светик. Сомневаюсь. Вам всем это крайне невыгодно.

Михаил. Не понимаю, а тебе какой с этого бульон? Ты тут вообще не пришей кобыле хвост.

Светик. Вы так думаете?

Мать. Что-то здесь не так. Слишком уж она уверенная. Борис, перестань маячить. Леонид! Забери у него оружие. Застрелится еще, не ровен час.

Борис. Э, не! Мне так спокойней!

Лёлек (*бросает игру и направляется к Борису*). Каролина

Карловна, он не отдает.

Мать. Кто охрана — ты или я? Отбери.

Борис наставляет пистолет на Лёлека.

Борис. Только попробуй.

Лёлек (*возвращается на место, кидает влобоборота*). Не, Каролина Карловна, сами забирайте. Он невменяемый. (*Продолжает играть с Болеком в карты.*)

Мать. Ладно. Бог с ним. Борис, да отверни ты от меня пистолеты!.. Светлана, слушаем вас...

Светик. А все очень просто. Мы прилетели и сразу поехали в контору к нотариусу. Меня оставили в машине. Потом они из конторы все вышли, о чем-то долго спорили. Миша ваш руками размахивал, конвертом тряс, матом крыл.

Глебушка (*подмигивая Матери*). Не было этого!

Светик. А потом все как-то вдруг успокоились. Перекурили. Зашли обратно в контору. Я их ждала-ждала, в общем, не выдержала и к ним пошла. Их, наверное, целый час не было. А они там за компьютером сидят, печатают что-то. Я даже толком увидеть ничего не успела, поскольку меня Юрий Владимирович попросил удалиться. Мол, тайна адвокатская. Но я же не дура. Поняла, что к чему. Потом они все вернулись. Радостные уже. Мы и поехали. По дороге все время где-то останавливались. То отцу Сергию, по его словам, за упокой уходящего года росы водочной испить надо было, то Мишу постоянно укачивало.

Глебушка. Блевали-с они, стало быть.

Михаил. Не было этого! Я подышать выходил!

Светик. Ну вот. А по дороге отец Сергей еще новогодние костюмы предложил купить. Что-то про Николая Угодника говорил. Я, честно говоря, не очень поняла, думала, он выпил просто. Вот и говорит глупости. Но все согласились, и мы заехали в магазин. Охранникам ничего не подошло, так они по дороге каких-то людей, раздающих листовки, ограбили. Я рассказывала, кажется.

Лёлек. Едрить твою! Они сами отдали!

Глебушка. Ага. Сами.

Светик. Ну мы опять поехали.

Борис. Что-то вы долго едете...

Светик. Потерпите немного, скоро уже приедем. Юрий Владимирович предложил в кабачок по пути заехать. Перекусить. Мы заехали. Выпили. Ну а я все время к Мише присматривалась. Вернее к карману его дубленки. Решила проверить свои догадки. Вытащила из кармана два, повторяю, два конверта, и пошла, извините, в туалет. Там все и выяснилось.

Глебушка. В клозете?

Светик. В конвертах. В одном вы все лишены наследства, а в другом – все поделено. И знаете, я бы еще согласилась, если б вы меня туда включили, соучастники же в некотором роде, ну так нет же...

Настенька. Не может быть! Папа не мог!

Светик. И тем не менее это абсолютная правда.

Настенька (*заглядывает остальным в глаза*). Это правда? Правда?

Остальные, участвовавшие в поездке на Ибицу, утвердительно кивают головами.

Настенька (*хватается за голову и начинает, как болванчик, раскачиваться из стороны в сторону, затем закрывает лицо руками, плачет*). Я его так любила! Так любила! Он же великий человек был, не чета вам всем! Всего сам добился. Своими руками. Дом, бизнес, почет!

Глебушка. Почет особенно. То-то его, кроме нас, никто хоронить не пришел.

Настенька. Что ты понимаешь?! Он же с утра до вечера, как белка в колесе. Переговоры, разъезды. Все ради нас. Вечером придет, с ног валится. И где это все теперь? Где? С чем он нас оставил? Что же теперь делать?

Партнер по бизнесу. Что-то я вас, Настенька, не пойму. Вы кого жалеете, Вадика или наследство?

Настенька. Так какой смысл в этом был?! Я ведь как всегда думала, вот папа деньги зарабатывает, образования нам дает,

возможность реализоваться. И что, что в итоге?

Михаил. Ну, полагаю, мы уже более чем реализовались.

Настенька. А жить нам теперь на что?.. *(Пауза. Тихо. Зло.)*
Сволочь...

Глебушка. Ты что-то сказала, или мне послышалось?

Настенька *(остервенело срываясь с места).* Да! Да! Сволочь! Сволочь он! Предал нас всех! Куда мы теперь? Куда я?! Он же нас лишил всего! Что я без денег в тридцать-то лет делать буду?! Кому я нужна такая?

Мать. О, дорогая моя, какая у тебя любовь, оказывается, была. Бескорыстная. Не ожидала от тебя, признаться.

Настенька ревет. Сквозь слезы слышится: «Сволочь! Ненавижу!»

Глебушка *(задумчиво).* Правильно нас папик наследства лишил. Всех прозондировал. Подноготную каждого. Я б еще понял, если бы он Настурции на новые очки что-то подкинул или, скажем, библиотеку оставил, так на фига такой кровиночке вообще что-либо отдавать, если она свою любовь прямо пропорционально доле в наследстве выплескивала.

Настенька *(бросается на Глебушку).* Ты — дрянь! Мразь! Провокатор! *(Затем бежит к фотографии Папика, топает ногами, орет.)* Ненави-ижу! Ты нас предал всех! Ты такой же, как все! Предал! Предал!

Мать. Успокойте же ее кто-нибудь! У нее истерика!

Борис набирает в рот воду из бокала, брызжет Настеньке в лицо.

Михаил. Болек! Лёлек!

Охранники бросают карты и подбегают к Настеньке. Пытаются схватить за руки. Она вырывается, брыкается, орет. В какой-то момент им все-таки удается ее скрутить.

Мать (*брезгливо*). Уведите ее отсюда.

Охранники выволакивают **Настеньку** из гостиной. Она все еще продолжает сопротивляться, но уже не так интенсивно. В конце выкрикивает: «Рублевское отродье! Выродки! Чтобы вы сгорели все!»

Глебушка (*вслед Настеньке*). Прозрела, наконец. А то папенька, папенька.

Мать (*задумчиво*). Истеричка. Да, так что там с этим завещанием?.. Хоспадибожежмой!!! Как же я от всего этого устала! (*Борису*) Налей-ка мне водки!!!

Борис наливает Матери водку. Она залпом ее выпивает и даже не морщится.

Лизон. Жесть! Давно я так не отрывалась!

Светик. Милая вы семейка, ничего не скажешь.

Мать (*переходя на «ты»*). Не тебе судить, из Мытищ своих.

Светик. Как сказать. Оттуда, может, даже видней.

Мать. Хватит философствовать. Ну вскрыла ты эти конверты. И что?

Светик. А то, что пока они многократно Старый год провожали, я успела у администратора копии сделать и на почту сбегать, которая напротив кабачка находилась.

Глебушка. Роман Андреевич, со свитой, по кабачкам... ну-ну...

Мать. И надо полагать, копии этих документов ты выслала самому Президенту эР-эфФ? Я угадала?

Светик. Не совсем.

Глебушка. Генпрокуратуру? Понтию нашему Пилатовичу?

Светик. Не попали.

Глебушка. Может, тогда прѣмьеру – гаранту и защитнику свободного бизнеса?

Светик. Я что, похожа на дуру? Вы же их купите всех. Через него вот. (*Кивает на Адвоката*.)

Борис. А куда тогда? Куда?!

Светик. Не угадаете. Что бы вы на моем месте сделали? *(Пауза.)* В СМИ, конечно. И еще в ряд общественных организаций.

Все. Что?!

Светик. Именно. С сопроводительными письмами. В случае моей смерти прошу винить таких-то и таких-то. Нахожусь в трезвой памяти и здравом уме. Паспортные данные. Адрес. Телефон. Ну как полагается в таких случаях.

Глебушка *(восторженно)*. Рисковая ты девка, однако! Нам же тебя в камине раз плюнуть спалить.

Светик. А мне, собственно, терять вообще нечего. А вот вам...

Лизон. О-фи-геть! И чё нам теперь делать?

Мать *(Михаилу; быстро)*. Она выходила? Почта была рядом?

Михаил. Вроде была какая-то. А вот выходила она или нет... Выходила, кажется. Да, точно.

Борис. И что, успела на почту сбежать? Вы сколько там Старый год провожали?

Адвокат. Часа два.

Отец Сергей. Три. Бог троицу любит.

Лизон. Кажется, мы попали.

Мать. Ну это слова все. А доказательства, милочка, доказательства?

Светик *(вытаскивает пачку квитанций с описями вложений)*. Этого достаточно, чтобы вы поверили?

Мать *(берет документы в руки, читает, хватается за сердце)*. Идиотка! Боже, какая идиотка! *(Документы выпадают у нее из рук, их быстро подбирает Борис.)*

Борис. «Первый канал», «Россия». Так, ну с этими мы быстро разберемся. «Эхо Москвы». «Правда», «Известия». С этими расплеваться тоже не проблема. Но чёрт! Здесь перечень еще тридцати организаций! Тут никакого наследства не хватит, чтоб разрулить.

Адвокат. Дайте мне. *(Берет бумаги в руки; через мгновение, озабоченно.)* Да уж... неприятный прецедент, может быть. О-оч-

чень неприятный.

Михаил. И как теперь?

Светик. Договариваться.

Мать. С кем? Ты с ума сошла? Кретинка! Как мы теперь с этим журналистским быдлом договоримся?

Светик. А вам не с ними договариваться надо, а со мной.

Мать. Ты-то каким здесь местом?

Светик. Тем самым. Самым что ни на есть женским. Вы же не дослушали. Перебиваете только все время да отношения выясняете. Поэтому дослушайте все-таки до конца. Оригинал настоящего завещания находится в надежном месте, где оно, вам знать не обязательно. В СМИ отправлены копии обоих завещаний с моими пояснениями. Оригинал вашего поддельного завещания я никуда не отсылала. Его я положила Михаилу обратно в карман. Объясняю логику. Если вы им воспользуетесь, то это сразу станет всем известно, поскольку копии с моими пояснениями разосланы. А за такие шалости вас могут просто посадить, что уже мне самой невыгодно, так как в этом городе мне нужны и люди с определенными связями, и в некотором роде обслуживающий персонал для наследника. А таких знакомых у меня нет. Скажу честно, вы, конечно, как знакомые, — дрянь, но как говорится, чем богаты. С другой стороны, вроде как и родственники Санечке будете. Словом, слишком много «но» для того чтобы просто так от вас избавиться. Да и пятно на Санечку ляжет, за чем нам это, правда же?

Мать. Я сейчас с ума сойду. Какому еще Санечке? Какие родственники? Светик, ты очумела? С каких это пор Мытищи с Рублевкой кровными связями соединялись?

Светик. С момента зачатия, Каролина Карловна. Пять минут женского унижения, но зато годы на Рублевке.

Глебушка (*хлопая в ладони*). Эм-Гэ-У! Поступайте к нам на психологический!

Мать. Хочешь сказать, что ты и Вадик...

Светик. Ну, я полагаю, для вас это небольшой шок, правда же?

Мать (*в сторону фотографии Папика*). От же кобелина! От же! Я ему лучшие годы! Молодость свою!

Борис. Ой, ну брось, мама. Папа всегда гулял. Об этом только слепой не знал!

Глебушка. О покойнике или ничего, или самое худшее! Забрюхатели вы, сударыня, значит. Золотое брюшко.

Светик (*гордо*). Я – беременная. Он потому и выгнал меня с работы, когда я ему об этом сообщила. Как собаку на улицу выбросил.

Глебушка. М-да, забавный, гляжу, пасьянс у нас складывается. Рублевско-мытищинский. Правильно ли я понимаю, что, если мы все останемся без наследства, то как бы... (*Обращается к Адвокату*.) А, Юрасик?

Лизон. Бли-и-ин, чую не будет больше никакого Куршевеля.

Глебушка. О! Глупую голову посетила умная мысль.

Лизон. Сам дурак! Лузер! Хронический!

Адвокат. Подождите. Я, кажется, начинаю понимать всю схему. Поправьте меня, Светлана, если я не прав. Вы отправляете в СМИ копии одного завещания и копии другого завещания с соответствующими пояснениями. Оригинал настоящего завещания прячете. Таким образом, не даете нам, скажем так, воспользоваться вторым завещанием, в некотором роде... несколько как бы...

Светик. Да, да, поддельным, вы хотели сказать...

Адвокат. Ну я этого не говорил, это уже суд должен доказывать...

Светик. Не смешите меня, тут доказывать нечего... не говоря уже о том, что копии по всему городу раскиданы. Воспользуйтесь подделкой – начнутся проблемы, а договоритесь со мной – всегда можно сказать, мол, баба – дура, токсикоз у нее был. Не было никакого поддельного завещания. Да и думаю, что вы бы им и не воспользовались, раньше перестреляли бы друг друга.

Адвокат. Ну хорошо, предположим... Заметьте, я сказал – предположим...

Мать. Давайте уже без своей юридической галиматии и выкрутасов. Что дальше-то выходит? На ребенка-то, как я понимаю, никакого завещания нет. Да и вообще он незаконнорожденный. Какое это все отношение к делу имеет? Какая-то беременная га-старбайтерша с нерожденным байстрючком. Да еще и отцовство доказать надо. Может, вообще не Вадик отец, а какой-нибудь эстонец из Латвии.

Михаил. Из Эстонии, ма.

Мать. А, все едино. Я их путаю постоянно. Вильнюс, да?

Михаил. Ма! Вильнюс столица Литвы, ты что? Это же культурный центр Европы.

Мать (*с неподдельным удивлением*). Культурный центр? На-до же, я и не знала. Думала — Париж, Рим. Чёрт, они вообще как отсоединились, у меня в голове все их столицы перепутались. Было же нормально. Одна столица на всех.

Михаил. Вот и доигрались, что одна на всех.

Глебушка. Это ты, Карловна, в старой Матрице живешь. У тебя устаревшая модификация. Сейчас уже все перепрограммировали.

Мать. Сам ты в Матрице!

Партнер по бизнесу. Не отвлекайтесь, пожалуйста. Давайте по делу. Отцовство и вправду доказать еще надо.

Лизон (*задумчиво*). Кстати, Дэ-эН-Ка-то не возьмешь. Папу же мы кремировали. Как теперь докажешь?

Светик (*подозрительно*). Между прочим, а почему вы его в гробу не похоронили? Вы его не отравили случайно?

Все переглядываются. Пауза. Тишина.

Борис (*неожиданно*). Не докажете! Это последняя воля отца была.

Мать. Боря, что я слышу?!!

Глебушка. Ах вот оно даже как. А я думал, папик просто клаустрофобии боялся.

Борис. А что Боря, что Боря? Я просто так сказал. А Лизон

молодец! Не вяжется тут ничего!

Михаил (*Борису*). Просто так, просто так...

Мать. Так! Закрыли тему! А то вообще непонятно, что начнется. Но тут и правда явные нестыковки.

Адвокат (*чешет затылок, обращается ко всем*). Понимаете ли, нет тут нестыковок, поскольку по законодательству неважно, рожденный или не рожденный ребенок. Главное, чтоб он во время жизни наследодателя был зачат. И я, кстати, очень хорошо понимаю логику Светланы. Отсылкой документов в СМИ и ряд других организаций она перекрыла нам доступ к наследству, поскольку по завещанию мы все его лишены.

Мать. Мы, а не вы.

Адвокат. Ну да. Вы. То есть, если всплывет второе завещание, то тут я гарантий никаких дать не могу. Вы представляете, что вообще будет? Нас же на части разорвут. И, поверьте мне, ни один аппаратчик, судья или прокурор в это дело не вяжется. Открестятся от нас, как от шелудивых собак. Но, с другой стороны, нас спасает ее беременность, поскольку в законодательстве, в одной из статей ГэКа, значится, что несовершеннолетние дети наследодателя наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. Понимаете? Независимо от содержания завещания. Вы это что, знали, Светлана? Откуда?

Светик. Проще некуда. Сериал когда-то смотрела. Там похожая ситуация была. Вот и вспомнила.

Михаил. Так ведь нет этого наследника еще, что он наследовать-то может?

Светик (*уверенно*). Будет! У нас в роду женщины крепкие.

Глебушка. Крематорские! И что главное — юридически подкованные!

Светик (*пожав плечами*). Каждый защищается, как умеет.

Мать. А как с Дэ-эН-Ка быть?

Адвокат. В том-то и дело, что нам теперь всем очень выгодно, чтобы этот ребенок был рожден и признан ребенком именно Вадима Альбертовича. Я правильно понимаю вашу логику, Свет-

лана? Вы же их (*показывает круговым движением руки на пользователей особняка*) без помощи не оставите? Они же родственниками наследнику будут.

Светик. Ну наконец-то!

Мать. Можно как-нибудь поточнее?

Адвокат (*продолжая*). Дело в том, что нам этот ребенок крайне выгоден. Мы теперь Светлану на руках должны носить, поскольку ситуацией можно очень удачно воспользоваться. Ну а соответствующие документы, я думаю, не составит особого труда привести в порядок. За определенный процент, естественно, от половины обязательной доли в наследстве.

Глебушка. Ай молодца, Юрасик!

Адвокат. Ну я в некотором роде не альтруист все-таки. У меня семья, дети.

Мать. Ну это мы уже поняли, что безвозмездно только статья в уголовном кодексе бывает. Другими словами, получается, что если нет Светика с животиком, то мы все теряем. А если есть, то она становится обладательницей половины обязательной доли в наследстве. То есть ребенок, конечно, наследником становится, но она как мать... Хорошо, а мы что, на улицу?

Борис. Что в лоб, что по лбу!

Светик. Вовсе нет. Вы здесь останетесь. Я же сразу сказала. Мне нужна ваша помощь будет. Связи, выход в свет. Охрана, в конце концов, уборка по дому, присмотр за малышом или малышкой, смотря кто родится, конечно. Я потому Сашенькой и назвала, что пол пока неизвестен.

Борис. То есть попользоваться нами хочешь? Я тебя замочу сейчас!

Светик (*спокойно*). Убьете меня — останетесь без наследства. Да еще и с убийством беременной женщины.

Адвокат. Строго говоря, с отягчающими обстоятельствами.

Светик. Вот именно. Ну а не согласитесь на мои условия — снова будете ни с чем. Поскольку то, что вас всех лишили наследства, в любом случае всплывет. А так я вам всем предлагаю вполне конкретную сделку. Мы приводим в законный вид доку-

менты по признанию отцовства, Сашенька наследует половину обязательной доли, ну а вы, если будете себя хорошо вести, останетесь жить в особняке. Я вам даже деньги на карманные расходы выделять буду. Ну а вы за это ко мне с огромным уважением относиться будете. Не так, как сейчас – сверху вниз. Или у вас есть какой-то другой выбор?

Глебушка. С уважением, да в услужение. В гастарбайтеры, короче, предлагаешь идти. Снизу вверх.

Светик. Ну, иногда бывает очень полезно *градус* зрения по-менять.

Михаил. Я же говорил, что ее надо было тоже в наследство включать! А Роман Андреевич уперся. «Не надо, не надо!» Твою ма! Вот всех кинуть хочет и свой кусок побольше урвать! Теперь вообще все с носом остались! Кретин! Сам-то при бизнесе, как всегда, остался!

Партнер по бизнесу. Я к этому делу не имею никакого отношения! Это была идея Юрия Владимировича, это он настоял ее не включать!

Мать (Адвокату). Иуда!

Адвокат. Это инсинуации. Я отстаивал честь вашей семьи!

Мать. Долю ты свою в липе отстаивал, а не честь!

Лизон. Стоп. Не ругайтесь. Я что-то не врубаюсь. А куда остальные бабки денутся? Ну, хорошо, байстрючонок наследует свою часть, а остальные-то куда?

Адвокат (поправляя очки). Исходя из практики, надо полагать, государству.

Пауза. Все переглядываются.

Глебушка. Понятно. Грачи как всегда расклюют. А кое-кто на этом еще и процентки поимеет. Да, Юрасик?.. Так всегда, только к трапезе приступишь, а тут люди в погонах. Не разевай, говорят, рот. Только ты губоньки свои распахнешь, а каравай-то уже и уплыл вслед за погонами. Зубами щелк по краю тарелки – и молчишь в умилении. Голодный, но живой.

Михаил. Государству, значит. Следовало ожидать. Сколько у него не воруй, оно все равно в прибыли... А остаток хоть большой выгорит?

Адвокат. Ну, с учетом коллекции картин и прочих вложений. Думаю, не маленький. До конца жизни всем должно хватит. Да, кстати, *(обращается к Партнеру по бизнесу)* у меня большое подозрение, что у вас в холдинге теперь более чем существенная доля, принадлежащая государству, окажется.

Партнер по бизнесу *(быстро, по-деловому)*. Понял. Активы успеем вывести?

Адвокат. Надо попробовать. Ну вы в курсе, мои классические десять процентов.

Партнер по бизнесу. Естественно.

Адвокат. Вообще я бы вам советовал из страны уехать. Хотя бы на время. Пока это все не рассосется.

Партнер по бизнесу. Да дел пока невпроворот. Вот разгребуть немного, а там посмотрим. *(С усмешкой.)* Хотя сомневаюсь, что здесь *когда-нибудь* и *что-нибудь* рассосется... Кстати, мне тут идея в голову пришла, а что, если Вадика попробовать неменяемым признать? Тогда ведь завещание недействительным будет. Разве не так?

Адвокат. Нет, Роман Андреевич. Кое-кому это очень и очень может не понравиться. А я, извините, против них не пойду. *(Показывает пальцем вверх.)*

Лизон. Полный абзац какой-то! Они крэйзнулись тут все.

Глебушка *(поправляет ее с невеселой ухмылкой)*. Скорее уж — полный бизнес.

Борис. Все! Я больше не могу. У меня сейчас голова взорвется от этой чертовщины! Доли! Мытищи! Юристы! Байстрюки! Все! Хватит!

Борис решительно направляется к круглому столику, с размаху плюхается в кожаное кресло. Рядом с собой кладет пистолеты. Из кармана вытаскивает пакетик с порошком. Высыпает на столешницу. Подхватывает игральную карту из колоды, раз-

брошенной охранниками, и делает две аккуратные полоски.

Мать. Ты что делаешь, Боря?!!

Борис. Это лекарства, мама. Ле-кар-ства! От насморка!

Борис вытаскивает стодолларовую купюру, сворачивает в трубочку, одну за другой вытягивает полоски в ноздри и запрокидывает голову.

Отец Сергей. Не Божье это дело. Припекут.

Глебушка. Полегчало? *(Усмехается.)* Новый год на носу...

Борис *(пальцем втирает остаток порошка в верхнюю десну).*
Ничего, ничего... Хоть в последний раз оторвусь!

Вдруг резко вскакивает и начинает палить из пистолетов в воздух, кричит: «Что нам делать?! Что делать?!» Расстреливает все патроны, падает в кресло и методично нажимает на спусковой крючок. Раздаются холостые щелчки.

Тишина.

Светик. Ну так как, будем договариваться?

Михаил. Ни за что!

Лизон. Ща, разбежались!

Глебушка. Бежим и падаем!

Адвокат. Ситуация все-таки неординарная. Тут надо хорошо подумать.

Мать *(Адвокату).* Ни слова больше, Юрий Владимирович. Вы уволены.

Адвокат. Как скажете, Каролина Карловна. Однако я бы на вашем месте еще раз взвесил все про и контра. *(Обращается к Светику.)* Простите, вас как по отчеству?

Светик. Николаевна.

Адвокат. Извините, не успел представиться. Юрий Владимирович Тихонький. Адвокат. Вот моя визитка. Если понадобится грамотная юридическая консультация, непременно обращайтесь

тесь. В любое время суток.

Мать. Иуда в квадрате!

*Борис вскакивает и бежит к картинам. Одну за другой сры-
вает их со стен. Затем взбегает на второй этаж. Снимает кар-
тины там. Сносит вниз.*

*В свою очередь отец Сергей под шумок утягивает «фамиль-
ное» серебро.*

Мать (Борису). Ты что делаешь? Повесь на место! Немед-
ленно!

Борис. Хрена лысого, мама! Я делиться ни с кем не буду! (Бе-
гает, орет, бездумно таскает картины туда-сюда.) Да как вы
не понимаете, она же теперь нас всех за волосы в носу держит!

Адвокат (Борису). Я бы вам, Борис Вадимович, не советовал
этого делать. Верно, Светлана Николаевна? Я, с вашего позво-
ления, подготовлю соответствующее соглашение на оказание
правовой помощи и представление ваших интересов в судах
и правоохранительных органах? Сегодняшним числом, если
позволите.

Светик. Конечно, Юрий Владимирович. Готовьте.

Лизон (об Адвокате). Кра-ас-савчик!

Михаил. По-моему, это – конец...

Мать (Борису). В доме копии, дурачок. (Тот удивленно засты-
вает с одной из картин в руках.)

Глебушка (с усмешкой). Блаженны прыгающие, ибо они до-
прыгаются.

В гостиную входят Настенька с охранниками.

Настенька. Я все слышала. (Пауза.) Я согласна. Выхода нет.
А замуж меня нищую никто не возьмет.

Болек и Лёлек. No comments. Мы – за.

Мать (со всей силы хлопает пятерней в бриллиантовых коль-
цах по столу, отчего падают фужеры). Только через мой труп!

Глебушка. Не, Карловна, я больше в крематорий не поеду...

Борис, нелепо расставив ноги и вытянув вперед руки, стоит с картиной. Это «Лицо – жопа». Все смотрят на Бориса, затем поднимают головы вверх и упираются взглядами в высвечивающихся прожектором «Грачей».

Занавес.

СЦЕНА ПЯТАЯ КРЕМАТОРИЙ

Авансцена.

Крематорий. Венки. Гроб. Звучит траурная музыка. На улице идет дождь.

К гробу выходят провожающие в последний путь тело усопшего.

*В руках у них раскрытые зонты. У **охранников** – в бело-синие-красные полоски. У **Лизон** – розовый с кошечкой. У **Адвоката** – черный зонт-трость. У **Матери** – цветастый, потертый и со сломанной спицей. У **отца Сергея** – в виде золотого купола. Без зонта только **Глебушка** – на нем глупый дождевик с капюшном.*

***Партнер по бизнесу** держит в одной руке клетчатый зонт, а в другой – волынку. Он облачен в килт, вязаные белые гольфы и бонет – берет с лентами и орлиными перьями, символизирующими заслуги перед чужой страной. С пояса у него свисает упругий туго набитый спорран – кожаная сумка-кошелек, отделанная мехом. К ноге, к гольфу, прикреплен нож для защиты от Отечества – скин ду.*

Вошедшие обступают домовину, какое-то время стоят с раскрытыми куполами, затем закрывают зонты и стряхивают с них капли. С триколорным грибом остается только Болек. Им он прикрывает Светика. Оба охранника одеты в строгие смокинги с бабочками.

Никто не плачет. Все прощаются с Исааком Иосифовичем.

Борис. И как его угораздило?

Адвокат (*опираясь на трость*). Монако не все выдерживают. От сердечного приступа. Говорят, в казино поиздержался... А вот вам, Борис Вадимович, крупно повезло со Светланой Николаевной. (*Преданно поглядывает в сторону Светика*.) Могли вообще на вокзал жить переехать. Золотая женщина. Большая редкость в наше время. Другая бы вас...

Борис (*перебивая*). Да знаю я, знаю. (*Опускает поднятый воротник пиджака. Недовольно*.) Не мог даже время смерти нормально подгадать. Все с *вашим* Исааком через одно место было!

Адвокат. Все равно жаль. Где теперь найдешь такого?

Партнер по бизнесу. Да. Деловой человек был. Нужный. А что, родственников нет?

Глебушка. У нотариусов их не бывает. Нотариусы своих родственников в зародыше ничтожат, чтоб они рты на наследство не разевали... Да и поиздержалась наша лягушка-путешественница, надо полагать, крепко.

Лёлек (*кивая на Глебушку*). Уводить, Светлана Николаевна?

Светик. Успеете, Леонид.

Адвокат (*задумчиво*). Это еще хорошо, что Вадим Альбертович щепетильно к подобного рода вопросам подходил и на себя все оформлял, а не на третьих лиц. Так бы вообще все нищими оказались.

Партнер по бизнесу (*тоже задумчиво*). Неизвестно, что лучше.

Светик. А вы надолго, Роман Андреевич, в те края собрались?

Партнер по бизнесу. Как получится, Светлана Николаевна. Устал я что-то от всего этого. А там национальный колорит. Луга. Замки. Может, подыщу себе что-нибудь. (*Прихватывает губами хобот волынки*.)

Глебушка (*в сторону*). Делиться вовремя надо. Конспиратор.

Светик (*Партнеру по бизнесу*). Мы с удовольствием к вам присоединимся. Тем более что Сашеньке свежий воздух нужен. (*Ко всем*.) Правда же?

Все. Безусловно!

Светик. Ну и отлично. Мам, а вы зайца-то нашего покормили? С ним все в порядке?

Мать. Не беспокойтесь, Светлана Николаевна. Если что, за ним Миша присмотрит. Я ему объяснила.

Отец Сергей. Надо бы покрестить. Большой уже малец.

Светик. Успеется, Сережа.

Отец Сергей. Как скажете, матушка. *(Передает свой зонт Лёлеку, возится с кадиллом. Неожиданно.)* Чёрт, промок весь! Не раскурить.

Глебушка. Светлана Николаевна, а можно я сегодня задержусь? У меня еще дневные лекции в университете. Боюсь, не успею.

Светик. Конечно, Глеб Вадимович. Только не забудьте по дороге домой в прачечную заскочить, белье забрать.

Глебушка. Светлана Николаевна, но это же Настеньки обязанность.

Светик *(жестко)*. Глеб Вадимович, вы, кажется, забываетесь, кто здесь главный. Вам сложно?

Глебушка. Ну, не сложно. Просто я вчера газон подстригал. Как-то оно все в одни ворота получается. А Борис с Лизой вообще ничего не делают.

Светик. Глеб! Перестаньте артачиться. Борис сейчас на амбулаторном лечении. Вы же знаете. Ему нельзя волноваться. А Елизавета Вадимовна в следующем году в Оксфорд поступает. Да что я вам, в самом деле, очевидные вещи говорю.

Глебушка *(обиженно)*. Газоны как раз успокаивают, между прочим... А с Оксфордом, так она дура непроходимая, я с ней уже месяц маюсь. Не поступит она. Она же английского не знает. Лучше уж Болека пристроить. У него хоть потенциал есть.

Светик. А я говорю, поступит! Ручаюсь! И не будем больше об этом! Вы даже из поминок фарс можете устроить! Что у вас за язык, как помело?!

Болек. Уводить?

Светик. Оставьте, Бенедикт. И закройте зонт, наконец. Мы в помещении.

Болек (*закрывает триколор*). Sorry, забылся.

Светик. Кстати, Глеб Вадимович. А Глеб Вадимович? От вас опять запах или мне кажется? Ну-ка дыхните.

Глебушка (*втягивая в себя воздух*). Что вы, Светлана Николаевна, ни капли. Я же обещал. Уж какой месяц. Это просто дождевые капли с формалином перемешались... В смысле, с выхлопами города.

Светик. Смотрите мне. Оштрафую.

Отец Сергей (*откашливаясь*). Кх-кх... Вы позволите, Светлана Николаевна? Пора начинать.

Светик. Приступайте, Сережа. Правда, мне кажется, он не православный был. Да и с кремацией я как-то не уверена. Но, думаю, ему уже все равно. (*Обращается ко всем*.) Ну что ж, склоним головы...

Глебушка. Архаровцы.

Светик кидает беглый взгляд на Глебушку и неодобрительно качает головой. Тот усмехается и закрывает рот на невидимый замок.

Присутствующие опускают головы в трауре.

Отец Сергей (*помахивая сырым кадиллом, из которого ничего не вьется*). Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго преставльшагося раба Твоего, брата нашего Исаака, яко Благ и Человеколюбец, отпускай грехи и потребляяй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная...

Медленно гаснет свет. Раздается плач маленького ребенка.

Голос Михаила в темноте:

«Что ж ты орешь все время? Байстрючонок!»

Звучит волынка.

Москва, декабрь 2008 – июнь 2009.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

РУССКИЙ ХЭЛЛОУИН – НЕ БЕССМЫСЛЕННЫЙ, НО БЕСПОЩАДНЫЙ

– Глеб, нам интересна судьба «Русского Хэллоуина», за который вы получили не одну, и не только литературную, а даже политическую (Демьяна Бедного) награду – ведь это был сначала роман, а потом роман-перформанс. Вам не кажется, что образ олигарха по-прежнему недоволен в отечественном искусстве – если не считать исчерпывающим одноимённый фильм (а он и впрямь едва выпрыгивает за уровень детективного сериала) по мотивам биографии покойного Березовского. Образ же ныне здравствующего Абрамовича, ставший в «Хэллоуине» центральным – пытался кто-то перетаскивать на сцену, ведь роман в модификации перформанса это и предполагал?

– Вообще говоря, «Русский Хэллоуин» изначально задумывался не как роман, а как сиквел пьесы «Салон ритуальных услуг». Насколько мне известно, в драматургии только Сухово-Кобылин использовал этот приём. В кинематографе, безусловно, есть и сиквелы, и приквелы, но, насколько я знаю, в современном театре аналогов этому нет. Что касается главного героя, то ни к Абрамовичу, ни к Березовскому он, конечно, никакого отношения не имеет. Это некий собирательный олигархический образ, который в пьесе «Салон ритуальных услуг» вообще являлся второстепенным героем. И поскольку в «Салоне ритуальных услуг» действие, разворачивающееся на Рублёвке, заканчивается тем, что олигарх уезжает в Шотландию, то в «Русском Хэллоуине» всё как раз с Шотландии и начинается, а второстепенный герой становится главным.

В любом случае, это не роман, который стал перформансом,

а наоборот, пьеса, которая по объёму и содержанию превратилась в роман. При этом драматургическую форму я сохранил. То есть вещь выполнена на стыке двух жанров — прозы и драматургии. Я вообще люблю искать редкие, необычные формы. Наверное, поэтому «Русский Хэллоуин» получил не только премии в драматургии, прозе и инсталляциях, но и вошёл в лонг-лист литературной премии Международного кинофестиваля имени Саввы Морозова.

Что касается судьбы «Русского Хэллоуина», то вполне возможно в ближайшие полгода состоится постановка по мотивам романа: в Москве, в «Театральном особняке» под руководством Леонида Краснова. Но загадывать не буду.

Театральный мир настолько изменчив, что строить какие-либо планы на будущее бессмысленно. Скажем, на постановку спектакля по «Салону ритуальных услуг» у меня года четыре как заключён договор с одним театром, тем не менее спектакль до сих пор не поставлен. И это при наличии подписанного контракта. Что там у худсовета в отношении пьесы кардинальным образом изменилось, какие «духовные скрепы» не в те пазы вошли, я уже, признаться, даже не интересуюсь.

— В целом, наш читатель чаще гадает, чем знает точно — как происходят те или иные награждения, кто курирует и финансирует литературные и театральные премии. Просто возникает очередной автор с очередным «орденом» и вроде бы — вот оно, признание... В коридорах этой власти вам удалось почерпнуть что-то интересное не только как претенденту на премию, а ироничному наблюдателю?

— Откровенно говоря, если бы за мной стоял издатель, литературный агент или театральный промоутер, я бы палец о палец не ударил, чтобы участвовать в каких-либо конкурсах и премиях, поскольку у меня отношение к творчеству предельно конкретное: проза должна выходить в книгах, а драматургия — ставиться в театрах. Все эти дипломы, знаки отличия и премии приятны первые десять минут, и если они не имеют финансовой составляющей или не становятся трамплином к по-

следующим публикациям или театральным постановкам, то, по большому счёту, это просто красивые бумажки в рамках. Иногда с вензелями и печатями.

Дело в том, что я вынужден участвовать в различных литературных премиях и конкурсах, чтобы хоть как-то донести свою прозу до читателей, а драматургию до театров. Что касается «коридоров власти», то это давно уже секрет Полишинеля. Почти все драматургические премии так или иначе находятся под жёстким контролем «новой драмы», абсолютно во всех престижных литературных премиях вы будете с завидным постоянством наткаться на одни и те же издательства, «толстяки» и фамилии шорт-листеров. Это даже обсуждать как-то неловко. На эти темы написаны десятки разоблачительных статей, а воз и ныне там. За последний выбор Нобелевского комитета вообще стыдно. «Политическая пощёчина» Белоруссии и России, думаю, не стоит того, чтобы из-за этого обойти вниманием более талантливых претендентов, чем Светлана Алексиевич. В частности, тот же Ха-руки Мураками с точки зрения писательской амплитуды, художественного дара и мирового признания объективно более достойный кандидат.

– Никита Михалков подал свою очередную кинематографическую неудачу на «Оскар» – не сам, конечно, подал, но мы догадываемся, как оно происходит и как оно там у него всё «схвачено». Вопрос в связи с этим – а какова вообще система отбора и на скольких кинофестивалях можно «покрутить» своё кино?

– Неудача – это ещё слабо сказано. Вообще говоря, есть категория режиссёров, которым после определённого возраста категорически нельзя снимать. вспомните, какую конъюнктурную чепуху в конце восьмидесятых-начале девяностых снимал Гайдай. В случае же с Михалковым это ещё и сусально-благостная конъюнктура. Иначе как «гротескным реализмом» я это назвать не могу. И это снял тот же человек, который подарил миру прекрасные картины, которые по праву стали классикой кинематографа. Честно говоря, я это могу объяснить только какими-то глубокими возрастными изменениями...

Что касается кинофестивалей, то это отдельная и очень масштабная тема. На мой взгляд, все эти кинофестивали огромная профанация, рассчитанная на обывателя. Люди, которые не имеют никакого отношения к кинематографу, ведутся на эти премии, поскольку не имеют ни малейшего представления, как это на самом деле происходит.

Первый раз я заинтересовался кинофестивалями, когда мой приятель принёс DVD с фильмом какого-то не то алжирского, не то марокканского режиссёра. Эта дичайшая лабуда была вся увенчана лавровыми венками. После просмотра, я приятелю прямо заявил, что более унылой и беспомощной вещи мне видеть не приходилось, на что получил от него вполне резонный обывательский ответ: «А как же премии? Посмотри сколько наград!» И вот тут я заинтересовался этим процессом. Признаться, даже не ожидал, что так легко можно сделать себе имя на кинематографическом поприще. Хотя, казалось бы, кино делать сложно и достаточно затратно, если это, конечно, не авторское малобюджетное кино, как в блестящих случаях с «Пылью» Сергея Лобана и «Портретом в сумерках» Ангелины Никоновой, когда бюджет первого фильма обошёлся всего в три тысячи долларов, а второго — в двадцать тысяч.

Чтобы было понятно, я приведу только цифры. Для сравнения возьмём литпроцесс. Если подсчитать все русскоязычные престижные литературные премии, достойные фестивали-конкурсы, все драматургические конкурсы, серьёзные поэтические награды и премии «толстых журналов», то в общей сложности по всему русскоязычному миру и во всех жанрах их наберётся немногим больше пятидесяти. При этом драматурги и поэты будут связаны по рукам и ногам только своими жанрами, а стало быть, и конкурсами очень узкой направленности. В русскоязычной драматургии их вообще не больше десяти.

А теперь поговорим о кинопремиях. Режиссёр Алексей Учитель в одном интервью назвал цифру — вы только вдумайтесь — 2000 кинофестивалей по всему миру. Я в СМИ наталкивался на цифру вообще в 4000. Только в России проводится порядка

100 кинофестивалей. Но что удивительно, полнометражных художественных фильмов в России тоже снимается плюс-минус 100. И представьте, что вы не лентяй, и сильно озаботились фестивальной судьбой своей киноленты. Делаете титры к фильму на английском языке и совершенно свободно начинаете окучивать фестивали от Канады до Австралии.

В качестве примера приведу два фильма без оценки качества кинолент и таланта авторов. Полнометражная картина Славы Росса «Сибирь. Монамур» взяла 70 наград на различных кинофестивалях, короткий метр Сергея Цысса «Второе дыхание» участвовал в 300 фестивалях 50 стран мира и получил около 60 наград, то есть фактически «выстреливал» каждый пятый фестиваль. А теперь вообразите, что вы отправили свой фильм даже не на 300, а хотя бы на 100 фестивалей. Предположим, на 50 фестивалях вашу ленту по тем или иным причинам в конкурсную программу не отобрали: не понравилась работа, не подходит по тематике фестиваля, вы в соцсетях зацепили кого-то из членов жюри и т. п. А в 50, напротив, к фильму отнеслись вполне благосклонно. Если вы сняли не откровенную чушь, то 5–10 наград вам обеспечено. Причём на кинофестивалях номинаций же масса: Гран-при, лучшая режиссёрская работа, лучшая операторская работа, лучший сценарий, лучшая мужская роль, лучшая женская роль, лучшая роль второго плана, лучшая музыка, приз зрительских симпатий. Конечно, на «Оскар» сам себя, любимого, не подашь, тебя должны именно «выдвинуть», но для участия в большинстве кинофестивалей вообще никто не нужен. Зачастую достаточно в электронном виде заполнить анкету и выслать ссылку на скачивание фильма. И это при том, что возможность участия в подавляющем количестве фестивалей вообще бесплатная, а где-то имеет очень символическую сумму. Более того, это участие, как правило, ещё и не ограничено географически. Как я говорил, вам достаточно сделать титры.

Скажу больше, существует ряд компаний, которые специализируются на продвижении и отправке фильмов на российские и зарубежные кинофестивали. Например, услуги «Сінергомо»

стоят «6 500 руб. ежемесячно за 200 +\-фестивалей в год, что составляет по 15 +\- фестивалей в месяц». И вот вы уже во Франции, Италии, Германии. И тут ведь есть ещё один нюанс. Обыватель не делает различия, скажем, между конкурсной программой короткометражных фильмов Каннского кинофестиваля и «Short Film Corner» Каннского кинофестиваля.

Поясню, чтобы было понятно. Представьте себе Московский зоопарк, около которого ютится небольшой зверинец. Вот этот «Уголок короткого метра» и есть тот самый зверинец при Каннском фестивале, который прямого отношения к конкурсу короткометражных фильмов не имеет, являясь всего-навсего «площадкой для творческого и делового общения профессионалов и продвижения короткометражного кино», что, собственно говоря, прямым текстом следует из информации, размещённой на официальном сайте Каннского кинофестиваля. Фактически это такой ларёк «Союзпечати», примкнувший к супермаркету. Поэтому когда какой-нибудь режиссёр бахвалится в СМИ и блогах участием в Каннском фестивале, не поленитесь, помониторьте, в какой программе его фильм принимал участие.

Теперь по поводу уровня фестивалей. Многие российские режиссёры делают упор только на международные кинофестивали категории «А», которые утверждены Международной федерацией ассоциаций кинопродюсеров (FIAPF), такие как Каннский, Берлинский, Венецианский, Шанхайский кинофестивали, фестиваль в Локарно, в Карловых Варах, ММКФ и т.п., либо ориентированы на достаточно знаковые российские кинофестивали, скажем, «Кинотавр», и вообще больше чем в десяти-двадцати фестивалях участия не принимают, берут, что называется престижем, а другие, напротив, «режиссёрский вес» набирают количеством и шлют свои фильмы от Торонто до Сиднея, от Камчатского края до Калининградской области. Ведь сегодня любая уважающая себя «деревня» считает своим долгом пустить «красную дорожку» к клубу. И всё что потом требуется от режиссёра, это просто ездить по этим «деревням» за своим детищем, отлавливать журналистов и раздавать ин-

тервью. Всё. Иллюзия «режиссёрского имени» создана. Дальше уже идёт манипуляция гипотетическим зрителем в соцсетях, который видит только скан диплома где-нибудь в фейсбуке и нежное нарциссическое селфи со статуэткой, не понимая, что эта премия никакого престижа в кинематографической среде вообще не имеет. Тем не менее по соцсетям тут же несётся лава из любвеобильных лайков и щедрых перепостов, а журналисты подхватывают режиссёрские байки про международные награды. Таким образом аудитории очень легко запудриваются мозги.

Я не буду называть фамилию одной дамы, но как-то на ютубе я посмотрел её совершенно чудовищную короткометражную работу. Причём – что с точки зрения содержания, что с точки зрения технического уровня. И что бы вы думали? Работа завоевала две премии в США на каких-то одному американскому богу известных фестивалях. О чём это говорит? О том, что даже откровенный бред имеет все шансы получить награду. Словом, колоссальная девальвация кинопремий произошла. И причина тут одна – это их неимоверное, совершенно запредельное количество. Обыватель же, как я говорил ранее, с одинаковым успехом проглотит и Каннский кинофестиваль, и его «уголок».

– Политическая конъюнктура в истории всех награждений Михалкова очевидна: в начале 90-х требовалось «советское покаяние», оно и было получено в «Утомлённых солнцем», но вряд ли можно на этом закончить список «политически подгадавших». Появление, например, в кинопремиантах такой упаднической вещи, как «Овсянки» – чем на ваш взгляд может быть обусловлено? Сползанием «прогрессивной» интеллигенции через православие уже в откровенное язычество?

– Всё гораздо проще. Дело, конечно, не в православии и не в язычестве. Надо просто понимать, что конъюнктура бывает двух видов. Патриотическая и либеральная. Часть фестивалей, они как раз ватнического толка, часть, напротив, белоленточного. И аудитории у этих премий соответствующие. Тут главное держать нос по ветру. А большинство режиссёров,

к сожалению, ориентированы не столько на зрителя, сколько на статуэтку, поскольку сегодня во главу угла ставится не талант, а тщеславие. В киносреде даже есть такая шутка: «Хочешь оторвать премию? Посмотри, какой фильм получил на этом фестивале в прошлом году Гран-при иними нечто похожее». Поэтому множится очень много унылого авторского кино «за жисть». С утомительным и длинными планами, чернушной драматургией, маргинальными героями. Этакий а-ля русский экзистенс. «Овсянки», к слову сказать, не такое уж плохое кино. Есть гораздо более фестивально-унылая тягомотина, мало имеющая отношения к жизни. В итоге получается никому не нужное плагиативное «фестивальное кино», в котором по едкому замечанию Светланы Проскуриной «человек два часа конструируется по экрану».

Помню, во ВГИКе даже ходил анекдот на тему премиального кино. Режиссёр говорит актёру, стоящему на берегу моря: «Походи у воды. Посмотри вдаль. Постой, покури. И побольше задумчивости». Актёр спрашивает режиссёра: «А о чём всё-таки этот фильм? Какая моя сверхзадача?» Режиссёр: «Тут нет сверхзадачи. Это фестивальное кино. Оно о нас, о всех о нас...» Вот в таком ключе, к сожалению, сегодня российское кино и снимается. Якобы про нас, но почему-то в это невозможно поверить, да и смотреть можно только хорошо насосавшись водки и желательно с кокаином.

А проблема тут одна: дело в том, что не рассказываются внятные, крепко сбитые, драматургические истории. В киноленте будет что угодно: шалтания-болтания героев по экрану, длинные планы, будут задействованы краны, рельсы, стэдикамы и «долли», но не будет главного — взаимоотношений между людьми. Но зато в каждом режиссёре откроет глазки маленький Тарковский или Герман-старший.

Из всего потока киноработ прошлого года я вообще могу выделить только две киноленты — это «Дурак» Юрия Быкова и «Класс коррекции» Ивана Твердовского. Поэтому не стоит удивляться, что наш кинематограф находится в глубокой, ну, вы

поняли где... И тут, конечно же, дело не в зашоренных недалёких зрителях, а в самих режиссёрах. Снимая кино «не для всех», они фактически снимают кино «ни для кого». Поскольку всё это кино из разряда «для меня, членов жюри и моего кота на кухне». Ни о каком серьёзном прокате тут речи быть не может, поскольку и бесплатно в Интернете это зачастую смотреть невозможно...

А вспомните одиозный «Левиафан» Звягинцева. Если заметили, это был чуть ли не единственный фильм прошлого года, который просто казнили в соцсетях за сценарий. Там же веры нет прежде всего в бытовые отношения между героями. То есть показана такая сценарная чушь, якобы происходящая в российской глубинке, которая очень по сердцу либералам-западникам, но в которую крайне сложно поверить, просто начав анализировать сам сценарий и взаимоотношения между героями. И я, откровенно говоря, удивлён, что Звягинцев снял визуально любопытное кино с крепким актёрским ансамблем и, как всегда, изумительной операторской работой, но при этом на таком рыхлом материале.

В принципе, я предполагаю, почему это происходит. Дело в том, что Звягинцев — это такой Михалков наоборот. И если один стал снимать пафосную белиберду для «людей в погонах», то другой с упорством плодит фестивальную конъюнктуру для «любителей печенек».

— **А сами не хотите что-нибудь снять? У вас же одно из образований ВГИК-овское, мастерская великого Марлена Хуциева.**

— Это сложный вопрос. С одной стороны, я очень не люблю незавершённые гештальты, с другой, прекрасно понимаю, что в индустрии могу рассчитывать только на малобюджетное авторское кино. И тут есть большой соблазн начать снимать фестивальный унылый бесперспективняк, просто потому что нет ничего проще, как слепить нечто тяготное и якобы элитарное. А плодить очередной деструктив мне искренне не хочется. Снимать же ради того, чтобы снимать — я тоже не вижу смысла.

Есть и ещё одна проблема. Кино для меня это как раз тот

случай, когда мне мешает собственное воображение. Многие сравнивали мой роман «Флёр» с киноработами Терри Гиллиама. Но то, что я могу себе позволить в прозе, невозможно воплотить в кино без наличия колоссального бюджета. А его не будет, тут надо быть реалистом. Но желание снимать, безусловно, есть. Тем более, что с технической точки зрения снять кино сегодня можно и без вложения огромных средств. Поэтому дело осталось за малым. Наступить на горло собственному воображению, не прельститься фестивальными ветрами и веяниями и постараться снять что-нибудь просто человеческое.

Беседовал Дмитрий ЧЁРНЫЙ
«Литературная Россия»,
№36 (2719), 16 октября 2015 г.

ИЗИЮМИНКИ И БЕЗУМИНКИ В СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

Главным событием культурной программы VIII фестиваля театров малых городов России в Вышнем Волочке была встреча зрителей, участников и гостей фестиваля с писателем и драматургом Глебом Нагорным, сыном известного поэта, заслуженного деятеля искусств РФ, Юрия Кобрин. Литературный псевдоним Глеб Юрьевич взял по девичьей фамилии матери. Он – член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Союза театральных деятелей Российской Федерации, лауреат ряда литературных премий, автор романа «Флёр», сборника новелл и рассказов «День Города», пьес «Лайф-Лайф», «Салон ритуальных услуг» и «Красная Мельница».

По первой и основной профессии он – юрист. Член Адвокатской палаты г. Москвы, Межрегиональной коллегии адвокатов г. Москвы и Профессионального союза адвокатов России. По его собственному признанию, именно юриспруденция дает ему средства к существованию. Но к своему увлечению литературным творчеством, театром и кинематографией он подошел вполне профессионально – к трем высшим образованиям (юридическо-

му, экономическому и психологическому) прибавился факультет кинорежиссуры ВГИКа им. С. А. Герасимова (мастерская М. М. Хуциева), школа актерского мастерства при театре-студии под руководством В. А. Конкина и актерский курс при театральном центре «Гримерка» в Москве. Снимался в кино и выступил в качестве режиссера-постановщика ряда короткометражных фильмов, кандидат в члены Гильдии кинорежиссеров России.

На этом фестивале поставленный по его пьесе спектакль «Life-Life» с успехом показал в конкурсной программе Молодежный драматический театр города Тольятти. Спектакль стал лауреатом фестиваля в номинации «Лучшая сценография». По традиции фестиваля сразу по окончании показа состоялся арт-клуб – обсуждение спектакля с участием артистов и членов жюри. Критики сошлись во мнении, что пьеса – образец хорошей литературы. Кандидат искусствоведения из Москвы Ольга Игнатюк отметила, что в отличие от большинства современных драматургов, автор словно бы прорежиссировал будущую постановку. Его ремарки отличаются обстоятельностью и дотошностью – «Бери и ставь!» Жюри фестиваля присудило Глебу Нагорному диплом за создание пьесы на современную тему.

А вот какой разговор с драматургом состоялся в театральной гостиной.

– Что больше всего Вам понравилось на фестивале?

– Вышневолоцкие зрители. В зале было много молодежи, подростков. Они оказались очень подготовленными и благодарными зрителями, живо реагировали на все, что происходило на сцене. После антракта начали аплодировать еще до открытия занавеса. А когда артисты вышли на поклон, зал приветствовал их стоя. Это очень приятно и говорит об отношении публики не только к просмотренному спектаклю, но и к театру вообще.

– Какую сверхзадачу Вы ставите перед собой, приступая к написанию пьесы?

– Я стараюсь писать так, чтобы это было литературное про-

изведение, которое интересно читать. Ведь обычно пьесы тяжело читаются и далеко не все ставятся. Это большая удача, если кто-то из режиссеров выберет твою работу, да она еще и приживется в репертуаре театра. Или по твоему сценарию поставят фильм.

– Над чем Вы сейчас работаете, какие темы Вас волнуют?

– Работаю параллельно над несколькими вещами. Правлю пьесе «Русский Хэллоуин», действие которой происходит в Англии. Изредка пишу новеллы и рассказы. Но катастрофически не хватает времени, поскольку с головой погружен в адвокатскую деятельность, а творчество для меня только хобби.

Что касается тем, которые меня волнуют, то мне интересна судьба небольших провинциальных городов и их жителей. Например, в пьесе «Красная Мельница» действие происходит на шерстомойной фабрике, которая на первый взгляд выглядит гротескно, но такая фабрика существует в действительности. Жаль только, что и такие фабрики, и такие города, как Вышний Волочек, если ничего не предпринимать, через несколько десятков лет могут просто исчезнуть. Надо об этом писать и говорить, надо бить в набат, поскольку в этом целиком и полностью виновата проворовавшаяся исполнительная власть, рассекающая по рытвинам и ухабам наших городов на джипах.

– Как Вы относитесь к современной драматургии?

– За современной драматургией я слежу. К сожалению, в ее потоке много вещей, далеких от литературы – автор что видит, то и поет, калькируя действительность и напрочь забывая об изобразительных средствах. Более того, есть вещи, которые ни при каких обстоятельствах нельзя показывать со сцены. Это уже вопрос эстетической культуры и хорошего вкуса. Много «чернухи», к тому же авторы зачастую небрежно обращаются со своими героями и фактическим материалом. И все это выплескивается на зрителя.

Однако произведения молодых драматургов надо читать, в их потоке можно и нужно искать и находить по-настоящему интересные работы.

– В наше время опубликовать любое литературное произведение – проблема, пьесу – тем более. Есть опасение, что самое интересное как раз и окажется неопубликованным...

– Для этого есть Интернет. Я, как и множество других авторов, этим широко пользуюсь, и все мои тексты, как опубликованные в печати, так и ждущие своей очереди, размещены не только у меня на сайте, но и на серьезных литературных ресурсах – «Журнальный зал», «Читальный зал», «Мегалит», «Топос», «45-я параллель».

– Какие ощущения вызывают у Вас постановки ваших пьес?

– Мне интересно увидеть каждое режиссерское прочтение. Например, спектакль «Life-Life» два сезона при полном аншлаге шел в Русском драматическом театре Литвы и третий сезон идет в Ставропольском академическом театре драмы имени М. Ю. Лермонтова. Сейчас готовится постановка в Мурманском областном драматическом театре. В Ставропольском академическом театре пойдет пьеса «Салон ритуальных услуг». У режиссеров разные подходы к теме, спектакль живет и развивается. Мне было бы интересно, как его поставят на других подмостках, например, в Вышневолоцком драмтеатре или в Москве. Даже если пьесу в разных театрах ставит один и тот же режиссер, спектакли похожими не бывают, поскольку артисты, сценографы, музыка и, конечно, зрители – другие.

– Что Вас затронуло в последнее время из увиденного в театре или кино?

– Знаете, я всегда стараюсь объективно воспринимать то, что вижу на сцене, безотносительно к личности авторов и режиссеров. Скажем, мне не все нравится у Кирилла Серебренникова и не очень понятна ситуация с его назначением художественным руководителем Театра имени Гоголя, но «Зойкина квартира» в МХТ им. А. П. Чехова в его постановке – блестящий спектакль. Кроме изумительной режиссуры, сценографии и актерских работ там много всяких изюминок, фишечек и фенечек. И при этом не потерялся Булгаков, остался его мастерско-марга-

ритовский взгляд. В кинематографе из последнего я в восторге от «Фауста» в режиссерском прочтении Александра Сокурова и «Меланхолии» Ларса фон Триера. Из прочитанного — любопытны пьесы братьев Пресняковых. Их тексты с безуминкой, но без безумия.

— **Какие черты характера Вы особенно цените в людях?**

— Обязательность и верность слову. В Москве есть замечательный литератор Евгений Степанов — гендиректор холдинга «Вест Консалтинг» и главный редактор нескольких газет и журналов, в том числе журнала «Дети Ра», в рекордные сроки опубликовавший мои новеллы и рассказы в ряде изданий. Для Москвы это вообще редчайший случай, чтобы человек дал слово не ради красного словца, а ради конкретного дела, и сдержал это слово. Я, конечно, Евгению Викторовичу за это очень признателен.

— **Вы автор романа «Флёр». Есть задумка написать другой роман?**

— У меня есть черновики еще двух незаконченных романов. Но для того, чтобы книги дошли до своего читателя, нужен хороший менеджмент. К сожалению, издатели романа «Флёр» оказались симпатичными людьми, но исключительно непрофессиональными менеджерами. Они издали роман с изумительными иллюстрациями и потрясающей полиграфией, но ровным счетом ничего не делали для продвижения романа на рынке. Подобная ситуация была, если не ошибаюсь, у Пауло Коэльо с издательством «София», когда его книги кормили мышей на складах, пока в издательстве не поменяли менеджерский состав. В итоге с издателями «Флёра» пришлось поступить достаточно жестко, но справедливо, через два года раздувания щек, обещаний и ничего не делания с их стороны — я расторг договор. В настоящее время все авторские права в полном объеме принадлежат мне. Видимо, люди забыли, что я прежде всего адвокат, а потом уже писатель.

— **Сейчас театр все больше склоняется в сторону режиссерского театра, а актеры там только выполняют замысел поста-**

новщиков. Как Вы к этому относитесь?

— Когда я учился в институте кинематографии, у нас в группе были все режиссеры. А откуда брать актеров? Из своих. И когда я снимался в качестве актера, режиссерские амбиции приходилось прятать подальше. Иначе на съемочной площадке воцарится хаос. То же самое и на сцене. Пожалуй, я соглашусь с режиссерским театром.

— Вот пьеса написана. Как дать ей сценическое воплощение?

— Написал я «Лайф-Лайф» в 2006 году и начал ходить с распечатками по театрам Москвы. Так вот, в МХТ им. А. П. Чехова в 11 часов утра на проходной у секьюрити уже лежала пачка пьес. Сами понимаете, при такой конкуренции пробиться крайне тяжело. Правда, пьесу через неделю после написания собирался ставить Леонид Трушкин в Театре на Малой Бронной. Мы вели переговоры, и он предлагал мне писать специально для театра в год по пьесе, но что-то у него не сложилось с труппой, и худруком театра он пробыл очень не долго. В итоге постановка так и не сложилась.

А Владимир Хрущев из Молодежного драматического театра города Тольятти увидел эту пьесу уже в Ставропольском академическом театре в постановке Юрия Попова, и она ему очень понравилась. Что из этого получилось, зрители и коллеги видели на фестивале. Нередко случается, что сначала пьеса идет по провинции, а потом ее замечают в столице. Так было, если не ошибаюсь, с «Одноклассниками» Юрия Полякова. А вообще, на пробивание своих вещей, к сожалению, уходит больше времени, чем на написание. У нас ведь совершенно не развита система продюсирования. По уму, автор должен только писать, а доносить его произведения до читателя и зрителя должны литературные агенты и продюсеры. В Российском книжном союзе около 150 издательств, но политику определяют два гиганта, и авторы зачастую становятся заложниками политических игр на этом поле.

— Кого из драматургов XX века Вы выделяете?

— Пожалуй, Вампилова. А вот Эжена Ионеско я не люблю, хотя его «Носорог» сценически сделан безукоризненно. Но если в «Носороге» есть метафоричное содержание и форма, то в «Лысой певиче», «Уроке» и «Стульях», на мой взгляд, есть только форма. Понимаете, я не люблю откровенный бред, который мне активно подают ангажированные критики под соусом интеллектуального абсурда.

— А что из западной классики любите?

— Это покажется странным, но писать я начал после прочтения Генри Миллера. Люблю Ремарка, хотя оба эти автора стали с годами повторяться. Вообще, я учился в школе, которую мы в шутку называли школой с англо-литературно-историческим уклоном, и литературу в нас буквально вбивали, поэтому мы, как могли, изворачивались, используя в сочинениях чужие рецензии. А когда я прочитал Миллера, то понял, что, оказывается, можно писать по-другому — не хрестоматийно, не по правилам. Очень люблю Набокова. Особенно ценю умение работать со словом, что, как правило, не свойственно современным прозаикам. Не говоря уже о том, что многие занимаются самоплагиатом и переписывают самих себя. Те же Пелевин и Сорокин сегодняшние ничем не отличаются от самих себя десятилетней давности.

— Вам не хочется самому поставить свою пьесу или снять по ней фильм?

— Знаете, каждый должен заниматься своим делом. Но, как говорится, не зарекаюсь. Вообще, в институт кинематографии я поступал уже после тридцати лет на платное отделение, реализовав свою давнюю мечту. Думал, что достаточно заплатить для поступления. Но оказалось, что на каждое место претендуют около 24 человек, а приемные экзамены шли в четыре тура и продолжались с апреля по сентябрь. В итоге я был принят в мастерскую народного артиста СССР М. М. Хуциева — человека удивительно талантливого. Многие из моих сокурсников сняли фильмы, получили какие-то премии на кинофестивалях, но почти все возвратились в свою прежнюю профессию, потому что

надо кормить семью и иметь стабильный заработок. Конечно, есть мечта снять свой фильм, но для этого нужны колоссальные деньги. Поэтому скорее всего это будет авторское малобюджетное кино. Но хочу заметить: неправда, что нет хороших современных пьес и сценариев. Они есть, их много, но им очень трудно пробиться на театральную площадку, не говоря уже о кино.

– Почему с темой постановки своей пьесы Вы связали кино, а не театр?

– Наверное, потому что по одному из образований я кинорежиссер. А вообще, у нас в семье разделение труда. Отец отвечает за поэзию и мемуары, а я – за прозу, драматургию и публицистику. Мама – литературный редактор и самый строгий критик. Но повторяюсь, каждый должен делать свое дело. И как можно лучше...

Беседовала Нина АЗАРИНА

«Дети Ра»,

№2 (100), февраль 2013 г.;

«Поэтоград»,

№6 (57), февраль 2013 г.;

«Тверской курьер»,

№17 (493), 16 ноября 2012 г.

ПИСАТЕЛЬ – ЭТО СТИЛЬ

Нашумевший «роман-файл», как называет его автор, а вслед за ним и критики, и читатели, ставший на данный момент самым известным произведением Глеба Нагорного, бесспорно, хорош и интересен. Но творчество этого автора не ограничивается лишь одним произведением, а сами его работы отличаются друг от друга и по стилю, и по реализации. Главы его нового произведения вы можете увидеть на страницах бумажного издания «Контрабанды». А сегодня мы поговорим с их автором – юристом Глебом Нагорным. Это не ошибка, Глеб Нагорный в самом деле юрист. Но, кроме этого, он еще и писатель. О том, кого в нем больше, писателя или юриста,

о его старых и новых книгах и немного о вечном.

«Контрабанда»: Ваш роман называют «роман-файл». Это рождает много ассоциаций с компьютерами, техникой, программированием... это намеренно? В нем есть какая-то «программа», которая взаимодействует с «пользователем»?

Глеб Нагорный: Безусловно. Тем более что главный герой, Флёр, сам является одновременно и файлом, и романом. Это намек на то, что все мы без исключения являемся файлами и живем в своеобразном компьютере. По моему глубокому убеждению, люди рождаются неравными по определению — с изначально заложенными в них программами, разными потенциалами и векторами. Понимаете, чтобы стать Ломоносовым, нужно родиться с талантами Ломоносова. Грубо говоря, быть запрограммированным. Поэтому вопли о всеобщем равенстве и братстве и единых для всех правах — все это от лукавого. Человек, рожденный в фавелах Рио-де-Жанейро или трущобах Дели, уже по вложенной в него программе не равен младенцу из Виндзорской династии.

Да что там далеко ходить, соционика насчитывает шестнадцать психотипов. Все это совершенно разные люди-файлы. А теперь относительно самого компьютера. На протяжении всего своего существования человечество не выдумывало ничего, что бы ни наличествовало в том или ином виде в природе. Скажем, летательные аппараты — все это трансформации уже существующих в мире конкретных примеров. Попросту говоря, пернатых. Так и с компьютером. Сильно подозреваю, что кто-то гениально считал суть, если хотите, внутреннюю изнанку мира и в итоге создал пластмассовую коробку с программами, файлами, всемирной паутиной и виртуальной жизнью. Кто вы? Человек или блог? Файл дрожащий или право имеете? Примерно это я и пытаюсь донести до читателя-пользователя.

«Контрабанда»: Когда Вы начали писать, как сами отреагировали на это? Вот жил человек, работал, и вдруг — писатель... Как оно было?

Глеб Нагорный: Откровенно говоря, никаких особых изменений я в себе не ощутил. Мне было просто любопытно попробовать. Я попробовал. Вроде бы получилось. Стал продолжать. Тем более что для писательства никто, кроме самого себя и ноутбука, не нужен. В отличие, скажем, от кинотворчества с колоссальными финансовыми вложениями или изобразительного искусства с приобретением холстов, красок, багетов и прочих материалов. В этом плане прозаикам или поэтам, конечно, гораздо легче, чем людям других творческих профессий. Да и энергетические затраты у них, на мой взгляд, существенно ниже. А я, надо сказать, человек достаточно ленивый.

«Контрабанда»: **Кем Вы себя ощущаете – писателем, который еще и работает в юриспруденции, или юристом, который пишет книги?**

Глеб Нагорный: Я, безусловно, юрист. Но, скажем так, с творческим потенциалом. Но писателем, тем не менее, себя не ощущаю. Дело в том, что за двадцать лет я так ни разу своей профессии и не изменил. Может быть, и хотел бы что-то кардинально поменять с профессиональной точки зрения, поскольку, откровенно говоря, юриспруденция достаточно скучна и однообразна, но творчество сейчас мало кого кормит. Поэтому вопрос писательства для меня скорее просто забавное времяпрепровождение. Тем более что мало кто в наше время может назвать себя писателем, зарабатывающим именно литературным трудом. Таких людей, наверное, по пальцам пересчитать можно. Литературные журналы в подавляющем большинстве гонорары не платят, а если и платят, то этих денег хватает на пару бизнес-ланчей. Колоссальное количество книг выходит в самиздате. Даже под шапкой именитых издательств. Есть, конечно, топовые авторы. Но их с десяток-другой. Остальные, как вы понимаете, сидят в фейсбуке – разбрасывают ссылки на свое творчество и, к сожалению, нередко вынуждены собирать деньги на издания своих книг краудфандингом. Даже союзы писателей давно превратились в формальные организации, которые многие годы попросту не выполняют своих непосред-

ственных функций – защиты и материальной поддержки авторов. А успешный писатель – это ведь не только чистое искусство, это еще и тиражи, и гонорары, и выделенная от союза квартира, и творческие путевки. Как, собственно говоря, было четверть века тому назад.

Вообще творческий человек не должен быть сирым и убогим, иначе он плохо кончит. Фраза «художник должен быть голодным» – это, на мой взгляд, редкая по своей циничности демагогия. А за последние тридцать лет творческая среда оказалась, к сожалению, полностью разваленной и финансово незащищенной. Причем это происходит не только в литературной сфере, но и в театральной, и в кинематографической. На десяток топовых писателей приходится десятки тысяч членов разнообразных союзов. ВГИК, ГИТИС, Щукинское и Щепкинские училища ежегодно выпускают тысячи безработных актеров и режиссеров. А на экранах при этом мы видим одни и те же лица.

Творческая профессия сегодня фактически убита государством – и, на мой взгляд, это не менее актуальная проблема, чем проблемы мизерных пенсий, деградирующего образования и некачественной медицины. И если раньше люди рвались в творческие союзы и гильдии, считали за честь быть принятыми в профессиональные ряды, то сегодня все эти союзы-гильдии превратились в пустой звук. Не говоря уже о том, что только в нашей стране возможна ситуация, когда знаменитый писатель, актер или режиссер умирает в глубокой нищете.

«Контрабанда»: А что вообще, по Вашему мнению, делает человека писателем? Что он должен сделать, сказать, каким быть, чтобы иметь право называться писателем?

Глеб Нагорный: Ну, прежде всего, он должен владеть языком. Под этим я подразумеваю не просто навык соединять слова во фразы, а умение из этих слов и фраз создавать самобытные сюжеты. Причем не только основанные на содержании, но и на стиле. Вы никогда не перепутаете, скажем, Гоголя с Набоковым, а Набокова с Булгаковым. Дело в том, что писателями их делали в первую очередь уникальный стиль и неповторимый

язык. К сожалению, современная литература очень «размыта» в этом плане. Вы можете прочесть, на первый взгляд, топовую книжицу популярного автора, — как принято говорить, «знакового», — но на поверку окажется, что такую книжку мог бы с легкостью симитировать его коллега по цеху. Блины, как известно, все умеют печь, а вы попробуйте бисквитный торт создать. Так что: писатель — это стиль.

«Контрабанда»: Вы продумываете идею или она приходит и требует быть написанной, а Вы уж после ее шлифуете и вносите правки?

Глеб Нагорный: Зависит от конкретного произведения. Скажем, роман-файл «Флёр» — был чистой идеей, пришедшей извне. Безусловно, после написания я вносил правки и шлифовал, как, собственно говоря, всегда делаю со своими произведениями, но что-либо придумывать... Нет, скорее я просто успевал отображать события и записывать за героями.

Но, конечно, есть и такие вещи, которые мной, если так можно выразиться, «спланированы» от начала и до конца. Скажем, рассказ «День Города» или пьеса «Русский Хэллоуин».

В любом случае, просто одной идеи, пусть и пришедшей извне, недостаточно. Этому еще надо придать форму. А форма придается писательским опытом, мало имеющим отношения к чистому творчеству. Это уже — работа. Где-то даже ремесло.

«Контрабанда»: Если бы Вы знали, что следующий Ваш роман изменит жизнь каждого, кто его прочитает, о чем бы Вы написали?

Глеб Нагорный: Честно говоря, я не верю в то, что какой-то роман может изменить жизнь каждого. Люди по своей природе очень не похожи друг на друга. На мой взгляд, это было бы бессмысленное рассуждение — голословное и умозрительное.

Вот, к примеру, Библия. Казалось бы, универсальная книга. Наравне с ней существуют Бхагавад-гита, Тора, Коран. Тоже не менее уникальные произведения человеческого ума и духа. И все они вроде бы об одном и том же. О Боге, любви, всепрощении. А посмотрите, сколько крови от этих книг. От их универ-

сальности и уникальности. Потому что не от книг это зависит, а от тех, кто их читает.

Один Библию прочтет и покается, изменит в себе что-то, придет к переосмыслению всей своей жизни, неблаговидных поступков, а другой, — с этим же Священным Писанием под мышкой, — побежит в супермаркет людей расстреливать, жарить «майские шашлычки», мародерствовать.

«Контрабанда»: Где выход из тупика однообразности современного искусства?

Глеб Нагорный: Выход очень простой. Стараться не равняться на других. Не превращаться в креативное стадо, которое все время оглядывается на моду, тенденции и тусовку. Делайте свое, пишите, как *вы* чувствуете и как именно *вы* видите этот мир. Тогда и однообразие исчезнет. Но языку учиться, в любом случае, надо у классиков.

«Контрабанда»: Как Вы думаете, бумажная книга умрет, уступив место цифре, или труд писателя, перенесенный на бумагу, всегда будет привлекать настоящих ценителей литературы?

Глеб Нагорный: Я думаю, они будут существовать, не мешая друг другу. Потому что это вопрос скорее привычки. Кто-то предпочитает читать цифровую книгу. Для кого-то приятней держать «живую» книгу в руках. Конкретно про себя могу сказать, что в метро я стараюсь читать «цифру» — это просто эргономичней. Но дома я, безусловно, беру в руки реальную осязаемую книгу. Пахнущую типографской краской. На самом деле никто здесь никому не наступает на «информационные пятки». Это скорее вопрос удобства получения информации из разных источников. Лично во мне «цифра» с бумагой в жесткое противоречие не вступают.

«Контрабанда»: Мода в литературе — это хорошо или плохо?

Глеб Нагорный: Это не хорошо и не плохо. Это — данность. Как новые модели кроссовок с липучками и пиджаков с «локтями». Что-то становится классикой, что-то живет один сезон. Мода необходима, но надо отдавать себе отчет, что все, что модно сегодня, не факт, что будет оценено завтра, да и вообще кому-

либо нужно. Поэтому не стоит гнаться за модой. Много вы знаете тряпок из 70-ых, которыми восторгались наши родители, отстаивая километровые очереди, и которые ровно так же востребованы сегодня? Вот с литературной модой ровно то же самое. В классику войдут десятки, а то и единицы. Как бы ни хотелось туда попасть всем союзам писателей с их «почвенниками» и «постмодернистами». Кто останется? Никто этого не знает. Но уже сегодня очевидно, что далеко не все «модные литературы» будут нужны литературе в ее пафосном понимании. Поскольку мода на этих авторов зачастую поддерживается не за счет качества произведений, а искусственным путем: при помощи массированных пиар-атак. Какие только маркетинговые ходы тут не задействованы: и СМИ, и соцсети, и резонансные статьи, и рецензии критиков, и интервью по ТВ, и баннеры на улицах, и реклама в метро. Примерно таким же образом у нас зубную пасту и стиральные порошки продают. По сути, все это «Основы маркетинга» Филипа Котлера. Отношения к литературе и искусству это не имеет.

«Контрабанда»: Часто успешные вещи сейчас получают продолжение, что в литературе, что в кино. А кто-нибудь еще «попадет в файл»? У Вашего самого знаменитого романа ожидается продолжение или это Вам не интересно?

Глеб Нагорный: Сложно сказать. Задача, которую я поставил себе этим романом, на мой взгляд, была мной полностью реализована. Роман состоит из многочисленных пластов и подтекстов. Этого я, собственно, и добивался. Но помимо содержания, я еще делал акцент и на игре с языком: на аллюзиях, метафорах, афоризмах, неологизмах, каламбурах и т. п. Не могу сказать, что мне сегодня особо интересно к этому возвращаться. Но, если и вернусь, думаю, это уже будет немного другая история. Вопрос в другом. А есть ли смысл входить в одну реку дважды?..

Беседовала Алёна МОРГУНОВСКАЯ

«Контрабанда»,

№3 (29), декабрь 2014 г.

**ИСКУССТВО ПРИЗВАНО РОЖДАТЬ,
А НЕ РАЗРУШАТЬ**

Понять, с кем мы в данном случае имеем дело, не трудно. Достаточно посмотреть на объём этой беседы. Да, всё верно: перед вами писатель. Встречайте, Глеб Нагорный! Прошу любить и жаловать, ибо есть за что. Мы пытались скомпрометировать его. Задавали неловкие вопросы, искали лазейки для провокаций, а он ни в какую.

– Приветствую вас, Глеб! Наши вопросы могут местами показаться провокационными и претенциозными. Таковы условия среды. Вы готовы?

Глеб Нагорный: Ну, если и вы будете готовы к моим ответам. Надеюсь, ваше самочувствие позволит вам выслушать всё то, что я скажу.

– Как бы вы охарактеризовали то направление, в котором работаете в рамках прозы? Что, по-вашему, вообще представляет собой мышление прозаическим текстом?

Глеб Нагорный: Никогда не задавался этим вопросом. Вы просто садитесь и начинаете писать. И либо ангел вам на плечо в этот момент сядет, либо птичка отметится. Тут уж кому как повезёт. Если серьёзно, то это некий, часто неосознанный, поток, не до конца сформулированная идея, которую слово за словом, фраза за фразой необходимо структурировать в текст и придать этому тексту цельную логичную форму. Не очень сложно? Тогда скажу проще – если начать задавать себе такие вопросы, то можно вообще перестать писать. От шока. А как я это делаю? Что касается «направления», то возникшая идея, как правило, предопределяет выбор жанра. Скажем, роман-файл «Флёр», на мой взгляд, больше тяготеет к постмодернистским традициям. Что касается драматургии, то пьесы у меня написаны в жанрах трагифарса, гротеска, один критик даже назвал меня родоначальником «макабрической антиутопической буффонады». С чем это едят, мне, признаться,

сложно сказать. Некоторые рассказы у меня очень депрессивны и, скажу немного высокопарно, экзистенциальны, другие, напротив, тяготеют к шутовству и сатире.

Вообще, «мышление прозаическим текстом», на мой взгляд, это невозможность кратко и доступно, как поэт, выразить какую-то одну мысль. Отсюда начинаются многостраничные словострадания, если не сказать грубее. Ну а что касается моих писательских предпочтений, то они основаны, безусловно, на моих читательских запросах. Скажите, что вы читаете, и я скажу вам, что вы пишете. Мне, например, нравятся длинные, протяжённые во времени вещи, именно поэтому я совершенно равнодушен к поэзии и, в общем-то, со скепсисом отношусь к рассказам. Всё это можно очень красиво написать, но по содержанию всё равно выглядит как-то куце. Только начинаешь вчитываться в произведение, а оно уже закончилось. По той же причине в кинематографе я отдаю предпочтение полнометражным фильмам и блестящим американским и английским сериалам, появившимся в последние годы, в то время как к коротким метрам отношусь более чем прохладно.

— Что побудило вас когда-то начать заниматься творчеством? Как давно это произошло и что с тех пор изменилось?

Глеб Нагорный: Откровенно говоря, я никогда не собирался писать. У меня не было и до сих пор нет желания становиться писателем в общепринятом смысле. Это скорее хобби, не более того. В конце концов, кто-то после работы ходит в спортзал, кто-то увлекается литрболом, кто-то прожигает время в соцсетях, собирая комменты и лайки, ну а я иногда пишу. Переворот же в моём сознании произошёл после прочтения Генри Миллера. Я это часто в разных интервью говорю. Дело в том, что в школе нас постоянно убаюкивали классикой, а Генри Миллер показал, что можно писать вообще по-другому. Со временем я, правда, разочаровался в его творчестве, поскольку, на мой взгляд, Генри Миллер, как и большинство успешных авторов, сел на объезженного конька и стал, как в цирке, ездить по кругу собственной прозы, но толчком, тем не менее, послужил именно он. Потом я

открыл для себя Бориса Виана. Полюбил Гофмана, Кафку, Гессе, Кортасара, Оруэлла. Этот список можно продолжать до бесконечности. А первая моя публикация, если не ошибаюсь, была публицистической, в ведущем литовском еженедельнике «Республика». Было мне тогда лет восемнадцать-девятнадцать, и учился я на юридическом факультете Вильнюсского университета.

Что с этого времени изменилось? Ну, во-первых, я стал адвокатом и одновременно закончил мастерскую Марлена Хуциева во ВГИКе. Во-вторых, у меня пошли литературные публикации, вышел роман, пьесы начали ставить в театрах, появились литературные награды. Но произошло и в-третьих... Это любопытные перемены во мне самом. Возникло какое-то буддистское спокойствие на грани с равнодушием. Думаю, это связано с тем, что некоторые вещи приходилось пробивать в прямом смысле годами, а когда я дошёл до определённых целей, к тому моменту они оказались не столь значимыми и актуальными в моей жизни. Сейчас у меня совсем другие приоритеты – семья, дети, квартира. Обыденные человеческие ценности. Популярность и лауреатства я давно для себя вынес в разряд суеты и мишуры. Все это, конечно, интересно, но лишь постольку-поскольку. И вообще, надо отдавать себе отчет, что любой творческий человек – это не только его творчество. Многие ставят между своим «я» и своим творчеством знак равенства. А человек – это совокупность и творчества, и семьи, и работы, и взаимоотношений с людьми. Как только происходит у человека перекосяк в какую-то одну сторону, жизнь начинает рушиться. К сожалению, на моем жизненном пути попадались в достаточной мере одарённые люди, которые на поверку оказывались заражёнными звёздной болезнью или, напротив, страдаемыми недугом непризнанной гениальности. Как с людьми с ними было просто невозможно общаться, настолько они были зациклены на своем «я» в искусстве. В результате такого рода зацикленность зачастую оборачивалась для них трагедией в семье и во взаимоотношениях с окружающими. А виной тому стано-

вился как раз творческий эгоцентризм, который реализовывался часто только в одном — в безоглядном и беспринципном использовании других людей ради своих целей. Вообще, знаете, что скажу, — поменьше надо знакомиться с известными людьми. Звёзды должны быть недосыгаемыми, иначе очень быстро может наскучить та незвёздная пыль, которую они после себя оставляют.

— Как бы вы определили понятие вдохновения? Имеет ли здесь место нечто мистическое или же всё математически точно и ясно?

Глеб Нагорный: Лично для меня — это только мистика. Как и говорил, я, например, никогда не собирался писать ни прозу, ни уж тем более пьесы. Но, видимо, сработали какие-то кармические законы и гены — поскольку отец у меня заслуженный деятель искусств РФ, поэт Юрий Кобрин. Да и большинство идей, надо сказать, почти всегда приходило спонтанно. Тот же роман-файл «Флёр». Та же идея пьесы «Лайф-Лайф». В моменты написания крупных вещей на меня находит... не знаю даже, как точно выразиться... это сродни болезни. Пока вещь до конца не доведёшь — не выздоровеешь. Но я вам скажу — это прекрасная болезнь. И окончательно выздороветь означает для меня перестать быть тем, кто я есть. А так называемая «математика» появляется в другой момент — в момент правки, редактуры произведения. Технической отточки.

— Так или иначе, вы работаете, используя классические формы выражения. Проза и романы уже с давнего времени живут на последнем издыхании, а пьесы так и вовсе принято считать вымершим жанром. Есть ли срок годности у художественной формы, и есть ли смысл с ним считаться?

Глеб Нагорный: Помните, что Рудик-Родион говорил в «Москва слезам не верит»? «Ничего не будет. Ни кино, ни театра, ни книг, ни газет — одно сплошное телевидение». Это всё из той же оперы. Кто сказал, что проза и романы на последнем издыхании? Что же тогда, по-вашему, высылают на «Большую книгу», «Букер», «Нос», «Национальный бестселлер»? Это, мягко

говоря, не очень-то похоже на посты и комменты из блогов. Кто сказал, что пьесы — вымерший жанр? Какой-то доморощенный театральный критик, адепт так называемой новой драмы? Поверьте, ни один уважающий себя профессиональный театральный режиссёр не будет братья за ваш рыхлый текст, который ему придётся самому же потом переписывать и переделывать за вас под пьесу. Хотя есть, конечно, и такие «виртуозы». Всё это сейчас мы в полном цвете наблюдаем во всяких расплодившихся «новодраматических» постановках-однодневках.

По большому счёту, все эти заявления продвигаются дилетантами, не умеющими писать и не желающими учиться писать. Они таким образом прикрывают собственную несостоятельность. Это своего рода жульничество, напёрсточничество, пляски и игрища голых королей. Поэтому говорить о том, что пьесы принято считать вымершим жанром, мягко скажем, преждевременно. Принято определённой тусовкой. А на смену любой тусовке, как известно, приходит другая. Пьесы же как были пьесами, так ими и останутся. В этом смысле, кстати, очень показательна американская сценарная школа. Ни одна американская кинокомпания не возьмёт у вас текст, который не выдержан в форме сценария. Попробуйте с такими заявлениями выйти, скажем, где-нибудь в Голливуде и объяснить им, к примеру, что сценарии приказали долго жить, а у вас просто такое своеобразное видение будущего фильма.

— Важным моментом в ваших работах является ностальгическая интонация. Где-то это ностальгия по личному прошлому, а где-то — по историческому и культурному. Что такое ностальгия, или почему вас так тянет к прошлому?

Глеб Нагорный: Никакой ностальгии я не испытываю. Жить прошлым означает не развиваться. С другой стороны, естественно, за мной есть определённый жизненный опыт, любовные переживания, потери, разочарования. Родился я вообще в Советском Союзе, до тридцати лет жил в независимой Литве, в тридцать переехал в Москву. У меня достаточно длинная и интересная судьба. Со всеми полосами зебры. И самое гре-

ховное, порочное, что может себе позволить творческий человек, — это забыть себя. Забыть чёрные полосы. А этих полос много. Поверьте, на десятерых хватит. И как только вы из зебры превращаетесь в белое парнокопытное в яблоках, можете смело на себе крест ставить. Даже не на творчестве, а на себе как на человеке. Но тут не в ностальгии, конечно, дело. Не стоит возвращать то, что само по себе осталось в прошлом. Но из этого прошлого можно взять хорошее, извлечь уроки. И уж, конечно, не стоит перечёркивать то, что нарабатывалось годами, а то и кровью. Я имею в виду нашу историю и культурные традиции. Поэтому когда по Эстонии и Латвии маршируют фашисты с зигами, гомосексуалисты в некоторых особо продвинутых странах усыновляют детей, а наши дети сдают бредовый ЕГЭ по европейским лекалам — мне и правда хочется вернуться в прошлое.

— Если современные русские философы стремятся миновать постмодернистскую традицию философствования, то вы признаёте его, но всячески критикуете. Чем вам так не угодил постмодернизм и, если он так плох, как предлагаете с ним бороться?

Глеб Нагорный: Я ничего против постмодернизма никогда не имел. Напротив, ряд моих произведений написан именно в постмодернистском, я бы даже сказал, гиперэкспериментальном ключе. Это касается и ряда новелл с рассказами, и романа «Флёр». Другое дело, вы, наверное, имеете в виду слова одного из героев романа, которые он говорит в главе «Погасшее Окно». Мол, пуст постмодернизм. «Пустмодернизм». Но, во-первых, это слова героя, а во-вторых, в них тоже есть своя правда. Понимаете, обеденный стол не может состоять только из десертов, так может аллергия начаться. Это я к тому, что повальное увлечение постмодернизмом становится неинтересным, пресным, скучным и очень предсказуемым. Начинается своего рода постмодернистский чёс: литературный чёс, театральный чёс, киночёс. Но, с другой стороны, если произведение сделано талантливо, то не имеет ровным счётом никакого значения, в каком ключе,

жанре, стиле или «-изме» оно выполнено. Хоть в классицизме, хоть в копрофилизме. Показатель таланта — сам талант, и он самодостаточен. Течения не играют равным счётом никакой роли.

— Как вы считаете, должно ли искусство оперативно отвечать вызовам современности? Собственно, ставит ли современность какие-то задачи перед искусством?

Глеб Нагорный: Если искусство оперативно отвечает вызовам современности, оно моментально становится конъюнктурным. Великие романы пишутся годами, а то и десятилетиями. Полотна пишутся не за сутки. Удачные спектакли не ставятся с бухты-барахты. Очевидно же, что, скажем, постановки шайкилейки в подвале «Театра.doc» вроде «Час 18» о гибели Магнитского в «Матросской тишине» и «БерлусПутин» — это паразитирование на больных темах и спекуляции, не имеющие равным счётом никакого отношения к искусству, поскольку всё это привлекает зрителей только в определённый политический момент.

Другое дело, о самой современности нужно писать и необходимо ставить спектакли, но таким образом, чтобы это было интересно и через пять-десять лет, а не делалось на потребу дня. Ведь чем хороши классики? Они же тоже писали о своей современности и своих современниках, но использовали при этом архетипичные и в то же время самобытные образы, не педалируя сиюминутные политические процессы. Потому что Драконы — они во все времена одинаковые, с тем же смрадным запахом из пасти и болотным цветом бликующей чешуи.

— Как бы вы охарактеризовали ту ситуацию, в которой находится сегодня отечественное современное искусство?

Глеб Нагорный: Отсутствие уникальных идей, самобытного почерка, неповторимого стиля — вот чем характеризуется современное искусство. Слишком много вторичного, подражательного и, как результат, — посредственного. По этому поводу вспоминается блестящая шутка. На одном художественном конкурсе надо было нарисовать картину на тему голода. Так вот, один художник представил на суд зрителей анальное отверстие, затянутое паутиной. Примерно так я и вижу современное искусство.

В качестве примера, всё более-менее образованные, начитанные и зрительно подкованные люди хают фильмы с плинтусным юмором вроде «Самый лучший фильм» и т. п. В качестве противовеса, естественно, появляется артхаус, так называемое фестивальное глубокомысленное кино ни о чём.

Наши доблестные режиссёры почему-то полагают, что раз Тарковский, Сокуров, Герман-старший, Балабанов и прочие столпы кинематографа смогли, то и они не хуже. Итог: вы сидите и полтора часа, а то и больше, дремлете в кинозале, потому что уже с первого кадра понятно, чем всё закончится. Как-то в течение одной недели я посмотрел ряд фильмов наших «добрых» артхаусников. Во всех фильмах совершенно разных режиссёров, возможно даже друг с другом незнакомых, в финале главный герой либо покончил самоубийством, либо его убили, либо он кого-то убил, либо вообще всё вместе. В общем, все умерли. И всё это прикрывается социальной значимостью произведения. Потом авторы почему-то удивляются, что их фильмы проваливаются в прокатах. Это и есть анальная трещина в паутине. Потому что всё это на самом деле стороны одной медали. С одной стороны – нескончаемая ржачка, с другой – унылая беспросветная депрессуха, замешенная на социалках.

А мир-то – он хитрый, он как раз где-то посередине, если хотите, на ребре медали. Я не говорю, что не появляются талантливые произведения, – они, безусловно, есть. И, бесспорно, не весь артхаус такой. Но вот тенденция делить искусство на ржачку и чернуху, на белое и чёрное, на левых и правых, конечно, удивляет.

– Кто такой русский? Какие антропологические изменения происходят с ним в современности?

Глеб Нагорный: Русский – это тот, кто думает на русском и видит сны на русском. Во мне смешено три крови, родился и вырос я вообще в Литве, десять лет живу в Москве, мои родители говорят на русском, отец пишет стихи на русском, в моей семье говорят на русском, пишу, думаю и вижу сны я тоже на русском. Кто я, по-вашему? Конечно, русский. При этом чисто

русской крови во мне нет. Знаете, у меня есть забавный приятель, который откопал в своей крови далёкий немецкий гемоглобин. Нет ничего смешнее — наблюдать за его мимикрией. Лет десять он всем рассказывает, что он немец. Начал оправдывать фашизм, хотя его дед прошел Великую Отечественную войну, лет семь безуспешно пытается уехать на ПМЖ в Германию, хотя за тридцать с лишним лет ни разу не был за границей и о Европе имеет такое же смутное представление, как я, скажем, о бозоне Хиггса. А до того как он откопал у себя не то бабушку, не то прабабушку, был среднестатистическим выходцем из российской провинции с абсолютно ординарными русскими внешностью, именем и фамилией. Таким, кстати, как вы понимаете, и остался. Любопытные, конечно, метаморфозы с людьми порой происходят. Именно поэтому Гоголь, безусловно, русский писатель, как бы ни хотелось думать некоторым ультрарадикальным украинцам. Национальность, унаследованная от праотцов, и штамп в паспорте тут особой роли не играют. Что в ваших «снах и думах», то вы и есть. Что же касается антропологических изменений, тут я особых изменений не заметил. Хвост вроде бы ещё ни у кого не вырос, но айфон у некоторых, конечно, прирос к руке намертво.

— В каком соотношении, по-вашему, находятся сегодня мода и искусство? Как бы вы определили понятие моды?

Глеб Нагорный: Они как сиамские близнецы, как шерочка с машерочкой, всегда бок о бок ходят. И часто так случается, что именно мода помогает появиться каким-то уникальным вещам в искусстве, каким-то новым течениям, открытиям. Но случается и так, что мода есть, а произведения по какой-либо причине не выстреливают и надолго в памяти не остаются. Почему так происходит? Ответ, собственно, на поверхности. Прежде всего надо делать произведения искусства, невзирая и не оглядываясь на моду. Если хотите, мода — это волна, которая может либо поднять сокровище со дна творческого океана, либо превратиться в солёную пену на замусоренном берегу. То, что мы сегодня наблюдаем, к сожалению, как раз больше всего напомина-

ет именно ту самую пену.

— **Отталкиваясь от вашего эссе «Радикализация искусства», задам вполне закономерный вопрос: к чему ведёт радикализация художественных жестов? Есть ли тупик, обусловлен ли он временем, и что будет после радикальности?**

Глеб Нагорный: Ну, эссе — это громко сказано. Скорее, это рассказ со стёбом. Как и всегда, за этим идёт обновление. Радикалы, анархисты, PussyRiot, яйцеприбивальщики на площадях всегда появлялись во времена морака. Но главная проблема в том, что для борьбы с политическим мракобесием они сами же выбирают сатанинские методы. Да и вообще, был уже и твякающий Кулик, всё ещё где-то задрал хвост бегающий. И по пьяни захлебнувшийся в лягушатнике Мамышев-Монро. И матюги на Красной площади из тел выкладывали, и фаллос на разводном мосту калякали, и прочие юродивые не раз и не два отмечались. Проходили. Скучно.

Но глубокое их заблуждение в том, что они создают искусство. Всё это — хлам, пыль, шелуха. Поскольку не имеет никакой художественной ценности и по природе своей нежизнеспособно. То есть это разовые акции, эпатаж, быстродействующий самопиар. Очевидно же, что такого плана акции будут жить ровно до той поры, пока кто-нибудь не догадается взблвнуть, скажем, в Госдуме или помочиться на Мавзолей. По мне так ряд таких действий — это вообще чистой воды административно наказуемое хулиганство и девиантное поведение творчески малоодарённых людей, которые хотят как-то о себе заявить. Таким вот, мягко говоря, странным образом.

Ведь тут в чём соль? Если я или, предположим, вы нагадите в каком-нибудь музее, то нас, естественно, посадят в спецприёмник или определят в стационар жёлтого дома. И, в общем-то, правильно сделают. Но если мы раструбим в интернете, что это политическая акция, направленная на свержение власти, что мы на самом деле есть группа художников-радикалов, и не ради кала, извините за седобородый каламбур, это сделали, не ради дефекации, то мы тут же становимся творцами с большой буквы,

революционерами, популярными личностями, за нас ещё, не дай Бог, ООН вступится. А ведь разницы на самом деле никакой: фекалии и у художника, и у простого смертного отличаются только квинтэссенцией съеденного на завтрак.

Вообще, так скажу, с властью не стоит бороться провокациями, с властью можно бороться только при помощи искусства. Потому что власть спит и видит, когда же вы оступитесь, когда начнёте нарушать законы, когда позорно высечете сами себя, как та унтер-офицерская вдова, когда вы своими поступками, наконец, превратитесь в жупел для ваших гипотетических сторонников. Более того, такими акциями быстро пресыщаешься.

Поэтому лично я думаю, что дальше пойдёт обновление. Новый виток. Если хотите, современный ренессанс. Потому что искусство призвано рождать, а не разрушать. И вообще, вандалы, если помните, плохо кончили. С другой стороны, этому нет смысла уделять столько внимания, лишний раз подливая воду на пиар-мельницу. Всё это само собой рано или поздно схлопнется, как картонный домик. Чуть подтолкни — и посыплется. И уж тем более не надо никого сажать по уголовным статьям. Во-первых, такие наказания, конечно же, не соответствуют масштабам деяний, это я уже как адвокат говорю, во-вторых, это, безусловно, лишний пиар создаёт. Кстати говоря, нет ничего более радикального, эффективного и зрелищного, чем прилюдная лоботомия или акт самосожжения. Предлагаю некоторым «художникам» серьёзно задуматься над такими инсталляциями. Не знаю, как вы, но я бы с удовольствием сходил посмотреть. Жаль, что это, возможно, только одноразовые инсталляции будут. Но славы, поверьте, у этих троллей будет вагон и маленькая тележка. И в анналы они войдут, и кривоногих последышей в виде орков обретут.

— Как прочно вписан художник в контекст капиталистической системы? Возможно ли вырваться из этого контекста, и что для этого нужно?

Глеб Нагорный: Это касается каждого художника отдельно. Его психологического и соционического типов. Скажем, Пикассо

и Дали – великие уникальные художники, успешные самопиарщики и делатели огромных состояний. В то же время – нищий безумно-гениальный Ван Гог. Вспомните ошалелые, с падениями и взлётами, судьбы того же Генри Миллера и Чарльза Буковского. Таких примеров сотни, если не тысячи. И зачастую это вопрос не столько таланта, сколько массы слагаемых: характера, связей, коммуникабельности, судьбы, стечения обстоятельств, ваших пороков или, наоборот, добродетелей. Например, бесфамильно, если позволите... Есть масса талантливых современных русских писателей, которые у всех на слуху, но когда читаешь некоторые их книги, зачастую ловишь себя на мысли: а ведь влёгкую с этим романом имярек мог бы оказаться где-нибудь в самиздате в Тмутаракани. Но так сложились звёзды, что живёт он в Москве, опубликовало его крупное издательство и ещё пиар-фея в чело поцеловала.

По поводу второго вопроса. Возможно ли вырваться из контекста капиталистической системы? Тут нужно чётко и честно задать себе ряд вопросов и обозначить свои цели. Если вы хотите славы и денег, то будьте готовы к тому, что талант должен быть с ногами: бегайте, пиарьтесь, дружите, скандальте, пишите резонансные статьи, бухайте с известными личностями, набейте кому-то морду, дайте себе набить – и слава вам обеспечена. Только писать при этом, конечно, не забывайте. Желательно хорошо. А то у некоторых всё в беготню уходит, да и со стороны это выглядит довольно смешно и нелепо.

Но если вы к этому относитесь более или менее равнодушно, то зарабатывайте деньги другим ремеслом, а свои труды выставляйте в интернете. Вот вы и вырвались из-под капиталистического Молоха. Читатели всегда найдутся. Другое дело, конечно, той славы и тех денег, как у тех, у кого «талант с ногами», у вас никогда не будет. Максимум – известность в блогах, среди френдленты. Тут другой вопрос: а надо ли вам всё это? Я, например, для себя давно решил. Бегать за славой, тусоваться, пиариться, разбрасывать ссылки и т. п. я не буду. Мне лень, мне это всё скучно и неинтересно. Не говоря уже о том, что

это ко всему прочему колоссальная трата времени. И вообще, я законченный интроверт на грани с социопатом. Мне за глаза хватает себя самого и моей семьи. От скопища людей я сильно устаю.

Что касается популярности, то нет ничего приятней, чем получать восторженные имейлы от читателей и приглашения от изданий, которые сами тебя находят, чтобы взять интервью. Как ваше, например. Мне этого более чем достаточно. Считаю, что это и есть наивысшая оценка моего творчества. И не надо по этому поводу суетиться. Как говорил Воланд: «...никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут!»

– В Европе, начиная примерно со второй половины двадцатого века, активно изобретаются принципиально непродаемые творческие жесты. Естественно, многое из изобретённого уже обкатано буржуазией, однако сам этот левый запал кажется до сих пор перспективным и плодотворным. Как вы относитесь к непродаемому искусству вроде перформансов, инсталляций и т.п.?

Глеб Нагорный: В том-то и парадокс: ничто так хорошо не продаётся, как инсталляции и перформансы. Потому что лепить их можно килограммами и километрами. Вот вам навскидку. Стена. На стене рама. В раме – пистолет. Подпись под рамой – Маяковский. Петля на стене – Есенин. Колесо. Из него вьётся длинный алый шарф – Айседора Дункан. На стене распята телогрейка с гулаговской нашивкой – Солженицын. Рядом пришпелены смокинг с бабочкой – Бродский. Початая бутылка водки, из горлышка торчит шприц – Высоцкий. Ещё с десятка таких придумок внаброс – и можно смело открывать какое-нибудь биненале, посвящённое, ну, не знаю, скажем, судьбам и вехам XX века. Тут же обязательно появятся ококультурные проходимцы, которые привлекут критиков, и те заявят, что это «новое течение», «новый взгляд», «прорыв», «новация», и нагородят ещё с три короба подобной лабуды. Обязательно откликнутся и здравомыслящие люди, которые будут крутить пальцем у виска, отме-

тятся в блогах и ёрнически откомментируют происходящее под хвалебными статьями. И вот тут-то и произойдёт резонанс. Народ валом повалит.

Понимаете, в чём дело: для перформансов и инсталляций не нужен особый талант. Это нам внушили, что это не клоунада, а элитарное искусство избранных и для избранных. Поскольку всё это, в принципе, может сделать любой среднестатистический человек из толпы. А вот спектакль поставить или картину написать — это совсем другое. Тут, как минимум, нужны талант, мастерство, наработанное пробами и ошибками, самоотдача и многолетний опыт. И отличие тут существенное. Спектакли и картины изначально нацелены на искусство, а перформансы и инсталляции заточены под резонанс, эпатаж и рубилово баб-ла. И знаете, по-моему, уже давным-давно пора срывать маски с этих ряженных морд и начать всё своими именами называть. А то не ровён час, мы на полном серьёзе в медицинских анализах начнём копать и искусствоведческие беседы на эти темы проводить: Шанель это или что-то существенно иное? У меня, кстати говоря, по этому поводу есть рассказ «СЛОН, или биеннале национального идиотизма». Я его написал как раз после посещения какого-то очередного московского биеннале современного искусства. Так вот, многие воспринимают этот рассказ как документальный очерк, публицистическую статью. А рассказ от начала до конца выдумка. Написан, наверное, за полчаса. Тем не менее, инсталляций, набросанных в нём, хватит на целый божатник от современного искусства. Я бы сказал ещё грубее, но, к сожалению, в СМИ сейчас запрещены более хлёсткие слова.

— Возможны ли, по-вашему, объективные критерии в оценке выходящего из под пера кого бы то ни было? Какие бы вы предложили варианты проверки на вшивость?

Глеб Нагорный: Ну, проверка на вшивость простая. Если вы, положим, акцент в своём творчестве делаете на маргиналах и фекальных массах, забывая при этом, не буду говорить высокопарно, о душе, забывая о конфликтах, о взаимоотношениях

между людьми, о подтекстах, то очевидно, что вы эпатируете публику, а не создаёте искусство. Если же для вас драматургический конфликт первоочередной, то пишете хоть о педофилах. Вспомните ту же набоковскую «Лолиту». Суть Гумберта – не педофилия, а внутренний надлом, поиск, разрыв внутреннего «я». Тут очень важно понять, кроется что-то за вашими эрекциями или там только спермотоксикоз.

Что касается объективности в оценке вышедшего из-под пера. Все вещи в мире, безусловно, основаны на субъективной оценке – нравится-не нравится, но есть вещи универсальные. Скажем, в прозе это язык. Вы можете писать о чём угодно и как угодно, но если у вас скудный словарный запас, деепричастные и причастные обороты для вас пустой звук и у вас напрочь отсутствует образное мышление, то, пожалуй, вы не на ту дорогу свернули. Драматургия без определённой жёсткой формы и видения автором сцены по сути нежизнеспособна. Иначе, как я и говорил, получается текст, который приходится адаптировать для сцены. Иными словами, заново переписывать.

– Над чем вы работаете в последнее время? Какие вопросы исследуете, чему планируете посвятить себя в ближайшее время?

Глеб Нагорный: В последнее время, как, собственно, и в прошлое, я собираюсь посвятить себя адвокатской практике. Что касается творчества, – повторюсь, моего хобби – тут сложнее. Есть у меня несколько вещей, которые требуют правки, но... не буду зарекаться, всему свое время. Одно могу сказать точно – останавливаться я не собираюсь.

Беседовал Иван СПИЦЫН
*«Литературная Россия»,
№18 (2654), 2 мая 2014 г.;*
«Большая книга», 2 мая 2014 г.;
«Русская жизнь», №6, 2014 г.;
«Abje.tk», 27 января 2014 г.

Глеб Нагорный

Салон ритуальных услуг
Пьеса

Глеб Нагорный — адвокат, прозаик, драматург, публицист. Член МФРП, СП XXI века, СП Москвы и СТД РФ. Включён в биографическую энциклопедию успешных людей России «Who is Who в России» (Швейцария). Кавалер ордена «Серебряного орла». Победитель и лауреат всероссийских и международных литературных премий «Золотое перо Руси», «Литературная Россия», «Славянские традиции», «Русский Stil» (Германия), «Пражский фестиваль» (Чехия), «Время драмы», «ЛитоДрама», имени Демьяна Бедного, имени де Ришелье и др.

«Смешно, грустно... Предельно сценично».

Валерия Шишкина, главный редактор литературно-философского журнала «Топос»

«Понравился жанр. Мало кто работает в трагифарсе. Право, читал и так после захотелось залезть в томик к М. Зощенко».

Юрий Бутунин, ведущий программы «Авторская ремарка»

«...обычно я не особо жалуя сценический гротеск и буффонаду, но тут возникает какая-то атмосфера, и в ней что-то схватывается, крутится, вертится — короче, живёт».

Алексей Битов, театральный критик

